А. Шишкинъ

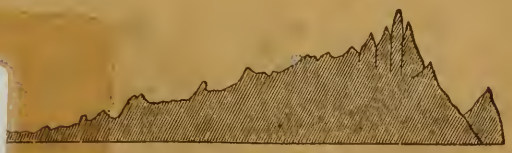
31-е Іюля 1902 г.

ПИСЬМА
О
ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ.

ЕПИСКОПА ѲЕОФАНА.

ИЗДАНІЕ ТРЕТІЕ

Аѳонскаго Русскаго Пантелеимонова монастыря.



BX
581
F46
1897
c. 1
ROBA

МОСКВА.
Типографія П. Ефимова. Больш. Якиманка, собств. домъ.
1897.

КАТАЛОГЪ КНИГЪ,

изданныхъ Аѳонскимъ Русскимъ Пантелеимоновымъ монастыремъ.

Добротолюбіе, въ русскомъ переводѣ, дополненное. Переводъ епископа Ѳеофана. *Томъ первый* (640 стр.). Изданіе 3-е. Москва. 1895 г. Цѣна 3 р. 20 к., съ пересылкой 3 р. 70 к. (Въ составъ сего тома вошли писанія св. отцевъ: Антонія Великаго, Макарія Великаго, аввы Исаіи отшельника, Марка подвижника и аввы Евагрія).

Добротолюбіе, въ русскомъ переводѣ, дополненное. Переводъ епископа Ѳеофана. *Томъ второй* (760 стран.). Изданіе 2-е. Москва. 1895 г. Цѣна 3 р. 50 к., съ пересылкой 4 р. (Въ составъ сего тома вошли писанія св. отцевъ: Іоанна, Кассіана Римлянина, Исихія пресвитера Іерусалимскаго, Нила Синайскаго, Ефрема Сиріанина, Іоанна Лѣствичника, Варсануфія и Іоанна, аввы Дороѳея и Исаака Сиріанина).

Добротолюбіе, въ русскомъ переводѣ, дополненное. Переводъ Епископа Ѳеофана. *Томъ третій* (488 стр.). Изданіе 1-е. Москва. 1889 г. Цѣна 2 р. 50 к., съ пересылкой 3 р. (Въ составъ сего тома вошли писанія св. отцевъ: Діодоха, Іоанна Карпаѳскаго, аввы Зосимы, Максима исповѣдника, Ѳалассія, Ѳеодора, Ѳеогноста, Филоѳея Синайскаго, Иліи пресвитера, сказаніе объ аввѣ Филимонѣ).

Добротолюбіе, въ русскомъ переводѣ, дополненное. Переводъ епископа Ѳеофана. *Томъ четвертый* (около 690 стран.). Изданіе 1-е. Москва. 1889 г. Цѣна 3 р. 50 к., съ пересылкой 4 р. (Томъ сей составляетъ извлеченія, изъ всѣхъ извѣстныхъ теперь, и въ печати и въ рукописяхъ, поученій Преподобнаго и Богоноснаго отца нашего Ѳеодора Студита. Книга эта по словамъ преосвященнаго переводчика, для монастырскихъ братій неоцѣненная, но и для мірянъ найдется въ ней не мало полезнаго. См. предисловіе къ сему тому).

Добротолюбіе, въ русскомъ переводѣ, дополненное. Переводъ епископа Ѳеофана. *Томъ пятый* (528 стр.). Изданіе 1-е. Москва. 1889 г. Цѣна 2 р. 75 к., съ пересылкой 3 р. 25 к. (Въ составъ сего тома вошли писанія св. отцевъ: св. Симеона новаго Богослова, старца Симеона благоговѣйнаго, Никиты Стифата, Ѳеолипта Митрополита Филадельфійскаго, Григорія Синаита, Никифора уединенника, Григорія Паламы, Каллиста Патріарха и сподвижника его Игнатія Ксанѳопуловъ, Каллиста Тиликуды, Симеона Арх. Солунскаго и друг.).

Каллистъ патріархъ и сподвижникъ его Игнатій, Ксанѳопулы. Переводъ Еп. Ѳеофана. Наставленіе для безмолвствующихъ. Москва. 1890 г. Цѣна 75 к., съ пересылкой 90 к.

Святый Антоній Великій. Нѣсколько словъ о жизни и писаніяхъ святаго Антонія Великаго. (Взято изъ 1-го тома Добротолюбія). Москва. 1895 г. Цѣна 60 коп , съ пересылкой 70 коп.

Преподобный Авва Исаія. Краткое свѣдѣніе о преподобномъ отцѣ нашемъ Исаіи, аввѣ Нитрійскомъ и его писаніяхъ. Переводъ съ греческаго (Взято изъ 1-го тома Добротолюбія). Москва. 1895 г. Цѣна 80 коп., съ пересылкой 1 руб.

Слова преподобнаго Симеона новаго Богослова. Переводъ Епископа Ѳеофана съ новогреческаго языка, выпускъ первый Изд. 2-е. М. 1892 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Слова преподобнаго Симеона новаго Богослова. Переводъ Епископа Ѳеофана съ новогреческаго языка, выпускъ второй. Изданіе 2-е. Москва. 1890 г. Цѣна 1 р. 80 к., съ перес. 2 р. 20 к.

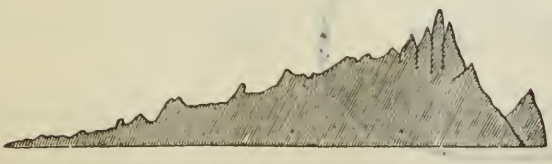
Начертаніе христіанскаго нравоученія. (Это тоже, что письма о хри-

ПИСЬМА
О
ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ.

ЕПИСКОПА ѲЕОФАНА.

ИЗДАНІЕ ТРЕТІЕ

Аѳонскаго Русскаго Пантелеимонова монастыря.



МОСКВА.
Типо-Литографія И. Ефимова. Больш. Якиманка, собств. домъ.
1897.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва. Мая 26 дня, 1897 года.

Цензоръ Священникъ *Александръ Гиляревскій.*

Вмѣсто предисловія.

Предлагаемыя Письма о духовной жизни составлены по поводу писемъ графа М. М. Сперанскаго, напечатанныхъ въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1870 годъ, въ январской книжкѣ.

Я имѣлъ намѣреніе представить картину духовной жизни въ разнообразныхъ ея оттѣнкахъ. Письма Сперанскаго служили только поводомъ къ тому. Желаніе было одно, чтобъ рев-

нующимъ о духовной жизни представить отчасти нѣкоторыя нужныя указанія, а отчасти дать случай самимъ заняться тѣми же предметами и обдумать ихъ поприложимѣе къ себѣ самимъ.

Е. Ѳ.

ПИСЬМА О ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ.

Письмо первое.

Рамъ желательно знать мое мнѣніе на счетъ писемъ графа Сперанскаго о духовной жизни. Съ удовольствіемъ исполняю ваше желаніе. Но вооружитесь терпѣніемъ, потому что мнѣ пришла охота не ограничиваться краткими замѣтками, а повести пространную бесѣду о предметахъ, затронутыхъ въ упоминаемыхъ письмахъ. Что предметы эти стоятъ того, объ этомъ и говорить нечего. Но и письма такъ сложны, что невольно вызываютъ на размышленіе.

Такъ видите, графъ Сперанскій проходитъ духовную жизнь. Государственный человѣкъ, почти непрестанно занятый—то административными учрежденіями, то улучшеніемъ порядковъ государственной жизни, находилъ

возможнымъ умно и сердечно пребывать въ Богѣ, всеправящемъ, вездѣсущемъ, всевидящемъ. Это приводитъ мнѣ на память обычную отговорку, которою свѣтскіе люди прикрываютъ свое нехотѣніе потрудиться, какъ слѣдуетъ, надъ дѣломъ Божіимъ, дѣломъ своего спасенія: „гдѣ ужъ намъ!“ Сперанскій обличаетъ ихъ фактически, и не онъ одинъ, но и другіе многіе. Помнится, ту же отговорку обличалъ и старецъ Василій, въ своихъ предисловіяхъ къ статьямъ Добротолюбія объ умномъ дѣланіи или молитвѣ, помѣщенныхъ въ жизнеописаніи старца Паисія Нямецкаго. „Смотри,“ говоритъ, „какую высокую жизнь проходили люди, занятые по долгу внѣшними дѣлами,“—и перечисляетъ ихъ. Таковъ былъ домоправитель вельможа, о которомъ упоминаетъ Симеонъ, новый богословъ, въ словѣ о вѣрѣ, помѣщенномъ въ Добротолюбіи; таковъ былъ патріархъ Фотій, знакомый съ симъ дѣломъ до патріаршества, при трудахъ государственнаго секретарства; таковы были и другіе патріархи, у которыхъ на рукахъ лежало управленіе церковными дѣлами, большею частію внѣшними, довольно хлопотли-

вое. Старецъ Василій, выставляя этихъ дѣятелей духовныхъ, среди внѣшнихъ обязательныхъ дѣлъ, имѣлъ въ виду расположить ревнителей благочестія къ тому же роду жизни, въ свое время. Не удастся ли и намъ съ вами подвигнуть кого либо на подобные же опыты, представивъ имъ картину духовной жизни, какъ ее живописуетъ Сперанскій въ своихъ письмахъ, конечно, съ собственнаго своего опыта.

Что мысли Сперанскаго браты съ своего собственнаго опыта, что онъ говоритъ о томъ, что самъ проходилъ дѣломъ,—это видно изъ самыхъ рѣчей его. Онъ изображаетъ дѣло духовной жизни въ настоящемъ видѣ и очень здраво. Пробѣжавъ наскоро въ первый разъ эти письма, я думалъ было обличать неправости ихъ; но, вникнувъ потомъ получше во все высказанное въ нихъ, отказался отъ этого несправедливаго покушенія. Тутъ невѣрны только нѣкоторые термины и фразы, заимствованные не изъ нашихъ книгъ. Стоитъ только дать этимъ выраженіямъ настоящій смыслъ, какой они должны имѣть по ходу мыслей, и для критики не останется мѣста.

Да и вообще критиковать мысли о духовныхъ предметахъ очень неудобно. Состоянія духовныя похожи на прохожденіе по комнатамъ, полнымъ разнообразныхъ предметовъ, которыя неодинаково видятся съ неодинаковыхъ точекъ зрѣнія. Проходящій одно видитъ, а другое не видитъ, потому что оно заслонено чѣмъ нибудь; и что видитъ, то видитъ со стороны къ нему обращенной, которая можетъ имѣть черты, не похожія на черты противоположной стороны, видимой другимъ зрителемъ. И даже общій обзоръ можетъ быть неодинаковъ при разности мѣстъ, съ которыхъ смотрятъ; а тутъ свѣтъ и тѣни, своя сила зрѣнія, и взаимное соотношеніе предметовъ оказываютъ вліяніе на понятія зрителя. Все это приложимо и къ пишущимъ о духовныхъ предметахъ. Когда пишущій пишетъ съ своего опыта, надобно принять то, какъ онъ свидѣтельствуетъ. Несправедливо и подозрѣвать его въ неискренности и мѣрять своею мѣркою. Только теоретики, рѣдко попадающіе на истину въ своихъ умозрѣніяхъ, подлежатъ суду—и суду не умозрѣнія, а опыта.

При всемъ томъ нахожу совершенно спра-

ведливымъ отличать въ письмахъ Сперанскаго намеки на свои духовныя состоянія, взглядъ самого Сперанскаго на эти состоянія, и его собственный языкъ о томъ. Послѣднія два— лично принадлежатъ Сперанскому, первыя— общее достояніе. Полагаю, что можно бы иначе подумать и иначе высказаться о своихъ состояніяхъ. И если вы увидите какую разность въ моихъ рѣчахъ съ рѣчами графа Сперанскаго, — она будетъ касаться именно этого необходимаго различенія. Мои рѣчи будутъ идти параллельно рѣчамъ Сперанскаго. Это будутъ двѣ картины, - одна противъ другой. Разница вся, можетъ быть, будетъ въ томъ, что въ одной будетъ свѣтъ и тѣни, а въ другой одни общія очертанія.

Мнѣ приходило на мысль, не лучше ли было бы собрать въ одно все, высказанное графомъ Сперанскимъ о духовной жизни, чтобы полнѣе охарактеризовать его самого съ этой стороны, какъ онъ охарактеризованъ со стороны общественной дѣятельности. Но это повело бы насъ на долгій и далекій трудъ, а между тѣмъ, можетъ быть, и не придется достать все, сюда относящееся. Потому, оста-

вляя этотъ замыселъ, не безъинтересный, поспѣшу удовлетворить вашему желанію, ограничивая мою рѣчь кругомъ понятій, выраженныхъ въ предлежащихъ письмахъ.

Составитель предисловія къ письмамъ графа Сперанскаго говоритъ, что въ нихъ высказался созерцательный *квіэтизмъ* великаго труженика. Останавливаюсь на этой фразѣ, дабы сказать, что нельзя безъ разбора употреблять это слово, выражающее неправое направленіе внутренней жизни, равно какъ и мистицизмъ— всякій разъ, какъ случится встрѣтить чью либо рѣчь о духовной жизни: вѣдь и истинная христіанская жизнь есть жизнь, доставляющая глубокій покой, сокровенная и таинственная. Сперанскій не былъ ни квіэтистъ, ни мистикъ, хоть и говоритъ словами мистиковъ, и даже рѣчи свои называетъ мистическимъ богословіемъ. Онъ былъ человѣкъ, развившій въ себѣ полную христіанскую жизнь, и, утвердившись духомъ въ Богѣ и Господѣ Іисусѣ Христѣ, всѣ прочія силы души и тѣла обращалъ на служеніе Богу, исполненіемъ Его заповѣдей во всѣхъ обстоятельствахъ своей жизни, во славу Божію и спасеніе свое и

братій своихъ о Господѣ. Такова норма христіанскаго совершенства, и онъ приближался къ ней, сколько это доступно для человѣка въ семейномъ быту, и на административномъ и гражданскомъ поприщѣ. Наглядное оправданіе его отъ нареканій въ квіэтизмѣ и мистицизмѣ представляютъ его молитвенное обращеніе къ Божіей Матери, къ Ангелу-Хранителю, его говѣніе, исповѣдь и причащеніе, чтеніе слова Божія и простое его пониманіе, а тѣмъ паче чтеніе житій святыхъ. Все это такія занятія и дѣйствія, на которыя ни за что не согласится самый плохой мистикъ и квіэтистъ. Что языкъ похожъ на языкъ мистиковъ западныхъ, это, вѣроятно, потому, что онъ писалъ къ лицу, знакомому только съ западными писаніями о внутренней жизни, и что самъ, перечитывая эти писанія, вмѣстѣ съ тѣмъ лицомъ и, можетъ быть, для него только, невольно набрался и оборотовъ ихъ рѣчи. Его же собственный языкъ, конечно, былъ языкъ православно-церковный, языкъ св. отцевъ и Добротолюбія, о которомъ онъ самъ говоритъ въ своихъ письмахъ. Потому-то графъ Сперанскій и избѣжалъ укло-

неній отъ истины, что напередъ зналъ изъ этихъ вѣрныхъ источниковъ точную характеристику сокровенной во Христѣ жизни, и не смотря на то, что читалъ полныя заблужденій писанія западниковъ, соблюлъ трезвость мысли, какъ пишетъ тотъ же составитель предисловія, то есть, здравое воззрѣніе на внутреннюю во Христѣ жизнь, и умѣлъ провести вѣрную черту между ею, какъ она есть, и между тѣмъ, какъ изображаютъ ее лже-мистики.

Мистицизмъ и квіэтизмъ суть болѣзненныя порожденія ложно направленной религіозности. Они явились и возможны были только на западѣ, въ отпадшихъ отъ св. Церкви христіанскихъ общинахъ, и преимущественно во время броженія умовъ, произведеннаго протестанствомъ и реформаціей. Они искали добраго дѣла,—живаго общенія съ Богомъ, но не тѣмъ путемъ искали: а главное, надѣялись своими усиліями и какъ бы по праву завладѣть тѣмъ, что надлежало ожидать отъ милости Божіей, и что надлежало принять, какъ даръ этой милости. Въ напряженіяхъ этой самонадѣянной самодѣятельности разгаралось воображеніе, и порождало мечтатель-

ныя ожиданія, которыя, какъ жарко желаемыя, скоро показались и сочтены исполнившимися, и цѣль трудовъ достигнутою. Все это раскрашивалось самыми привлекательными красками, и представлялось въ образахъ прелестныхъ, въ мечтательныхъ заоблачныхъ созерцаніяхъ. Писанія ихъ завлекаютъ, — ибо говорятъ о дорогихъ сердцу предметахъ, но они только манутъ, а ничего не даютъ. Это отличительная черта всѣхъ ихъ.

Истинная во Христѣ жизнь есть жизнь сокровенная, таинственная (мистическая). Апостолъ Павелъ называетъ ее *животомъ, сокровеннымъ со Христомъ въ Богѣ* (Кол. 3, 3); Апостолъ Петръ — *потаеннымъ сердца человѣкомъ* (1 Петр. 3, 4); Самъ Спаситель — *царствіемъ Божіимъ внутрь насъ* (Лук. 17, 21). Но въ явленіи своемъ она очень проста. Невѣдомо, какъ приходитъ Духъ и возбуждаетъ къ покаянію. Совершивъ этотъ внутренній переворотъ, Онъ потомъ вооружаетъ вѣрующее сердце на многотрудную борьбу со страстями, руководитъ въ ней и помогаетъ. Эта борьба есть у всякаго, болѣе или менѣе долгая и болѣзненная; она приводитъ къ чистотѣ сердечной,

ради которой вѣрующій труженикъ удостоивается и яснѣйшаго постиженія истинъ Божіихъ и сладостнѣйшаго ощущенія,—того и другаго въ такихъ чертахъ, какія точно опредѣлены въ Евангеліи и писаніяхъ Апостольскихъ. Это послѣднее является уже въ концѣ долгихъ трудовъ и многихъ испытаній, какъ вѣнецъ наградный. Мистики же за эту верхнюю точку совершенства, прямо или преимущественно, и хватаются, и ее-то и живописуютъ, какъ она рисуется въ мечтахъ ихъ воображенія, всегда въ ложныхъ краскахъ. Истину можно сказать только по опыту, по вкушеніи только духовныхъ благъ самымъ дѣломъ; а мистики самыми мечтами своими заграждаютъ для себя настоящую туда дорогу. Напротивъ, въ писаніяхъ отеческихъ менѣе всего говорится объ этихъ высшихъ состояніяхъ, а все о трудахъ покаянія, борьбы со страстями, и разныхъ при этомъ случаяхъ. Таково *Добротолюбіе*, изъ котораго Сперанскій черпалъ здравыя понятія о сокровенной во Христѣ жизни.

Письмо второе.

Приступимъ къ обозрѣнію писемъ. Первое письмо довольно темновато, не по смыслу, а по терминамъ, взятымъ отъинуду. Въ немъ Сперанскій говоритъ о проявленіи въ немъ истинной внутренней жизни, называя этотъ актъ или постоянное состояніе раскрытіемъ внутрь царствія Божія, состояніемъ благодати, какъ въ этомъ письмѣ, и состояніемъ ощутимаго богообщенія, какъ въ слѣдующемъ.

Чтобы понять, какъ слѣдуетъ, что это за состояніе, воспроизведемъ подлинный очеркъ хода духовной жизни, который помѣщать здѣсь не было нужды ни для писавшаго письмо, ни для имѣвшаго читать его, потому что это имъ было понятно и безъ того, по прежнимъ письмамъ, или личнымъ бесѣдамъ.

Нравственныхъ состояній и на добромъ и на худомъ пути очень много, и онѣ очень разнообразны, такъ что напрасно пытался бы кто всѣ ихъ отчетливо очертить или пересказать. Беру самыя крупныя явленія.

Всѣ мы, православные христіане, получаемъ благодать возрожденія въ таинствѣ св. крещенія, и благодатные дары Святаго Духа въ таинствѣ мѵропомазанія. Это сѣмя благодатно-духовной жизни во Христѣ Іисусѣ. Въ періодъ воспитанія слѣдуетъ развивать и его наряду съ развитіемъ естественныхъ силъ человѣческой природы, подобно тому, какъ св. Тимоѳею надлежало, по заповѣди св. Апостола Павла, *возгрѣвать* въ себѣ полученный имъ *даръ съ возложеніемъ рукъ священничества* (2 Тим. 1, 6; 1 Тим. 4. 14): иначе это сѣмя заглохнетъ подъ гнетомъ злыхъ движеній и отправленій нашей жизни, какъ это и бываетъ нерѣдко, если не большею частію.

Берите послѣдній случай: сѣмя благодатно духовной жизни заглушено,—и вы получите въ человѣкѣ, возмужавшемъ или вступающемъ въ жизнь, лицо безъ духа жизни о Христѣ Іисусѣ. Нерадѣніе родителей и воспитателей раскрыть въ немъ начало и правила и требованія сей жизни, а еще болѣе недобрые примѣры дома и внѣ, въ старшихъ и сверстникахъ, оставляютъ полный просторъ раскрытію въ немъ всѣхъ естественныхъ не-

достатковъ поврежденнаго естества нашего. Но какъ раскрылся онъ, такъ потомъ начинаетъ жить и дѣйствовать подъ вліяніемъ всѣхъ страстныхъ наклонностей и недобрыхъ привычекъ, особенно своихъ удѣльныхъ, ибо не у всѣхъ все. Онъ гнѣвливъ, своекорыстенъ, сластолюбивъ, гордъ, завистливъ, похотливъ, своенравенъ, и проч. Не то, чтобъ эти и подобныя имъ страсти дѣйствовали въ немъ поминутно, а какъ только выпадаетъ случай. Не то также, чтобъ онъ былъ зазорной жизни: нѣтъ,—наружно онъ бываетъ исправенъ, и не позволитъ себѣ осрамиться предъ другими дурнотою нрава, — жить на показъ главная его пружина. Не то, наконецъ, чтобы въ немъ не было ничего добраго: Создателемъ положено въ естество наше много добра, и мы, при всей испорченности нашей, не можемъ въ конецъ истребить его, такъ что оно проглядываетъ и проглядываетъ. Въ немъ смѣсь добра со зломъ, и перевѣсъ того или другаго зависитъ отъ случайностей. Нынѣ разсердился, завтра перенесетъ обиду; нынѣ обидѣлъ кого, завтра окажетъ услугу; нынѣ воздержался, завтра предается всему разгару утѣшной жиз-

ии, и т. п. Онъ дѣйствуетъ, какъ повлечетъ его свой нравъ и сплетеніе внѣшнихъ обстоятельствъ жизни, дѣйствуетъ по движенію душевно-тѣлесныхъ измѣненій и по теченію окружающихъ событій, позволяя себѣ самоуправленіе на столько, на сколько даетъ ему къ тому силъ его самолюбіе. Неотлучный спутникъ его—отчужденіе отъ всего Божественнаго и духовнаго, отъ Церкви, отъ лицъ съ христіанскимъ характеромъ, отъ св. книгъ и бесѣдъ о святомъ, хоть случайно иногда и попадаетъ туда, гдѣ хотя—нехотя соприкосается со всѣмъ этимъ. Забота о своемъ спасеніи и о своей загробной участи никогда не посѣщаетъ и не тревожитъ его. При всемъ томъ, онъ пріятный членъ общества, увлекательный собесѣдникъ, пользуется общимъ вниманіемъ, уваженіемъ и славою. Только въ немъ ничего нѣтъ такого, что входитъ въ составъ жизни о Христѣ Іисусѣ.

Берите другой случай. Обращаютъ вниманіе на христіанское воспитаніе, но не доводятъ его до конца, или оставляютъ безъ вниманія существеннѣйшія и труднѣйшія стороны христіанской жизни, останавливаясь на

легчайшихъ, видимыхъ, внѣшнихъ. Это недоконченное, или не какъ слѣдуетъ направленное воспитаніе даетъ лица, которые тщательно соблюдаютъ всѣ установившіеся порядки благочестивой жизни, но мало обращаютъ, или и совсѣмъ не обращаютъ вниманія на внутреннія движенія сердца и на истинное преспѣяніе внутренней духовной жизни. Это не то, что лицемѣры, которые намѣренно такъ себя держатъ для своихъ особыхъ цѣлей: нѣтъ,—они со всѣмъ усердіемъ и любовію все исполняютъ, и ограничиваются однимъ этимъ, или преимущественно этимъ, по незнанію лучшаго, по неощущенію недостаточности своего строя жизни. Они чужды смертныхъ грѣховъ, но за движеніями помысловъ сердечныхъ не смотрятъ. Оттого иногда и посудятъ, и потщеславятся, и погордятся, и посерчаютъ въ чувствѣ правоты своего дѣла, увлекутся иногда красотою и утѣхами, иногда даже обидятъ въ порывахъ неудовольствія, полѣнятся молиться, и въ молитвѣ расхищаются въ помышленіяхъ суетныхъ, и прочее подобное — и ничего имъ. Движенія эти малозначительны для нихъ.

Сходили въ церковь, или дома помолились, подали милостыню, по заведенному порядку, исправили свои обычныя дѣла,—и совершеннодовольны и покойны. А что при этомъ происходитъ въ сердцѣ, имъ малозаботы; между тѣмъ, оно можетъ *ковать злая*, и тѣмъ отнимать всю цѣну у ихъ исправной благочестивой жизни.

Это два класса людей—христіанъ только по имени, и христіанъ неполныхъ, ставшихъ на полдорогѣ. Какую часть христіанскаго общества составляютъ они, опредѣлять не смѣю. Осмотритесь, и увидите. Но нельзя не желать, чтобы первые опомнились и начали жить по-христіански; а вторые дополнили недостающее и возревновали стать полными христіанами. Берите теперь этотъ третій случай: нерадѣвшій о спасеніи и вѣчной жизни опомнился: совершавшій дѣло спасенія неполно пришелъ въ чувство этой неполноты, увидѣлъ невѣрность своего пути и ненадежность своего труда. Что дѣлаетъ и долженъ дѣлать первый, то подробно изображено въ статьѣ „О Покаяніи“ *).

*) О началѣ христіанской жизни чрезъ покаяніе, или о покаяніи и обращеніи грѣшника къ Богу. Теперь можно читать сію статью въ книгѣ—Путь ко спасенію—отдѣленіе второе.

Не будемъ его касаться. По содержанію разбираемыхъ писемъ, намъ нужнѣе второй.

Такимъ образомъ, кто нибудь обращается отъ внѣшняго благочестія къ внутреннему. Наводятъ его на это или чтеніе книгъ о духовной жизни, или бесѣда съ знающими—въ чемъ существо христіанской жизни, или недовольство своими трудами, чутье, что чего-то недостаетъ, и все будто не такъ идетъ. При всей исправности, онъ не имѣетъ покоя внутренняго; нѣтъ въ немъ того, что обѣтовано истиннымъ христіанамъ—*мира и радости о Дусѣ Святѣ* (Рим. 14, 17). Когда зародится въ немъ это безпокойное помышленіе, тогда бесѣда съ знающими, или книги растолковываютъ ему, въ чемъ дѣло, и указываютъ существенный недостатокъ въ строѣ его жизни, недостатокъ вниманія къ внутреннимъ движеніямъ и самоуправленію. Уразумѣваетъ онъ, что существо жизни христіанской состоитъ въ томъ, чтобы стать умомъ въ сердцѣ предъ Богомъ въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, благодатію Святаго Духа, и оттуда управляя всѣми движеніями внутренними и всѣми дѣйствіями внѣшними, все въ себѣ, и малое и ве-

ликое, обращать въ служеніе Богу трiипостасному, пожершись Ему всецѣло сознаніемъ и свободою.

Уразумѣвъ это, онъ возлюбляетъ, и, возлюбивъ, начинаетъ ревновать о томъ, чтобы воспроизвесть въ себѣ такой строй жизни внутренней. О, когда бы для этого достаточно было одного желанія и ревности! Задумалъ— и все бы явилось. Но на дѣлѣ предлежитъ долгій и утомительный трудъ надъ собою, чтобъ все упорядочить внутри себя по написанному. И что же выходитъ? Цѣль видится свѣтлая, желаніе достигнуть сильно, трудъ для того несется неутомимо, и, однакожъ, ничто не спѣется. Все будто валится изъ рукъ и когда думается, что вотъ-вотъ то, что такъ желательно, оно оказывается не тѣмъ, что желательно, словно миражъ воды жаждущему въ пустынѣ. Долго или коротко бываетъ такъ,— зависитъ отъ благодати Божіей: иной годы, иной десятки годовъ проводитъ трудясь, пока успѣетъ стать въ сердцѣ. и получитъ искомое, потому что, при всемъ трудѣ и исканіи, строй тотъ производится не одними нашими усиліями. Его подаетъ Господь, но безъ иска-

нія и усилія не подаетъ. Видитъ исканіе усердное, и трудъ болѣзненный, и томленіе жаждущаго сердца,—сжаливается и подаетъ чаемое благо. Почему Онъ такъ дѣлаетъ,— Ему единому вѣдомо: только безъ этого болѣзненнаго исканія никто не доходитъ до того нормальнаго строя. Это секретъ духовной жизни... Въ сокровищницу Божію нельзя вводить, не испытавъ вѣрности вводимаго.

Замѣтьте вы этотъ періодъ томительнаго исканія: онъ отличаетъ подлинное отъ подложнаго. Сперанскій хорошо очерчиваетъ его во второмъ письмѣ. Наконецъ, проходитъ онъ; счастливый искатель получаетъ свое искомое: находитъ сердце и устанавливается въ немъ умомъ своимъ предъ Господомъ, и стоитъ предъ Нимъ неотходно, какъ вѣрноподданный предъ Царемъ, и отъ Него получаетъ власть и силу править всѣмъ своимъ, и внутреннимъ и внѣшнимъ, благоугодно Ему. Это моментъ, когда царствіе Божіе приходитъ внутрь и начинаетъ проявляться въ свойственной ему силѣ. Что дальше, мы этого теперь не коснемся.

Объ этомъ-то блаженномъ моментѣ и говоритъ Сперанскій въ первомъ своемъ письмѣ, да и и во всѣхъ почти, но говоритъ не подробно, и языкомъ, который онъ занялъ не въ писаніяхъ своей Церкви.

Письмо третье.

Теперь вы знаете, о чемъ идетъ рѣчь у Сперанскаго въ первомъ письмѣ. Онъ не вдругъ начинаетъ говорить о своемъ предметѣ, но предпосылаетъ нѣсколько словъ о предшествовавшихъ тому обстоятельствахъ.

„До времени нашей разлуки,“ — пишетъ онъ къ другу,—„состояніе наше въ сущности было лишь состояніемъ размышленія и молитвы умной. Вся наша духовность сводилась собственно къ ѳеософіи. Къ ней же относятся творенія Бема, С. Мартена, Сведенборга и т. п. Это лишь азбука. Десять лѣтъ провелъ я въ ея изученіи, и когда я думалъ, что овладѣлъ всѣмъ,—я трудился лишь надъ начатками. Это было преддверіе царствія Божія.“

Сперанскій былъ прямой христіанинъ, жившій исправно по всѣмъ уставамъ христіанской жизни, не смотря на свои многотрудныя занятія. Но какъ сознается (во 2-мъ письмѣ), мало имѣлъ заботы о внутренней своей жизни, и когда потомъ возымѣлъ ее, не вдругъ овладѣлъ искомымъ. Десять лѣтъ онъ изучалъ начатки, простоявъ въ преддверіи царствія Божія.

Что заставило его заняться своимъ внутреннимъ? Прямѣе всего будетъ сказать—духъ тогдашняго времени. Въ высшемъ кругѣ нашего общества, въ его время, это было почти общимъ занятіемъ. Какъ наблюдательный человѣкъ, онъ не могъ не замѣтить движенія, происходившаго вокругъ, и какъ человѣкъ, получившій настоящее христіанское образованіе, тотчасъ понялъ, что въ этомъ движеніи была своя истинная сторона, которую и въ себѣ раскрыть положилъ онъ закономъ.

Въ движеніи томъ точно была истинная сторона: ибо искать внутренняго, живаго богообщенія должно быть послѣднею цѣлію всякаго христіанина. Но оно оказалось малоуспѣшнымъ и скоро прекратилось, или было

прекращено, потому что двигатели пошли не тою дорогою и не тѣ избрали руководства. Они пошли по стопамъ западныхъ мистиковъ и ѳеософовъ, въ пустоту и мечты фантазіи. Манила ихъ хорошая вещь; но она затмѣвалась мечтами, и они оставлены были блуждать во тьмѣ, ощупью. Въ Церкви Божіей всегда была въ силѣ внутренняя христіанская жизнь, и руководство къ ней всегда предлагалось и предлагается самое полное и безошибочное*). Совсѣмъ другое было бы дѣло, еслибъ движеніе то направлялось по этому руководству. Доказательство тому представляетъ самъ Сперанскій. Десять лѣтъ сидитъ онъ надъ изученіемъ писаній о внутренней жизни, принадлежащихъ западнымъ мистикамъ, и ничего не получаетъ, а только томится ожиданіемъ, какъ изображаетъ онъ самъ себя во второмъ письмѣ. Но лишь только попалось ему истинное руководство къ трез-

*) Даже въ ея уставѣ, который инымъ кажется довольно сухою книгою. Тамъ подробное предлагается наставленіе объ умной молитвѣ, со внушеніемъ ходящимъ въ церковь, чтобъ они не ограничивались однимъ смирнымъ стояніемъ въ церкви, слушаніемъ читаемаго и поемаго и поклонами, но чтобъ внимали себѣ и умно Богу молились.

венной жизни внутренней, предлагаемое въ Добротолюбіи,—онъ тотчасъ сталъ на прямую дорогу и узрѣлъ свѣтъ Божій, разсѣявшій туманъ, облегавшій его сердце.

Удивляться надобно, какъ такой умный человѣкъ могъ столько времени копаться въ пустотахъ Бема и компаніи! Я хотѣлъ бы вѣрить, что это дѣлалъ онъ въ угоду другу своему, не принадлежавшему къ нашей Церкви, писанія которой, можетъ быть, были ему не по духу; занялся же ими съ нимъ для того, чтобъ въ этихъ ворохахъ плевелъ отмѣтить малость пшеничныхъ зернъ истины, и тѣмъ предотвратить его отъ уклоненій на распутія. Самъ же онъ собственно для себя не могъ пожаловаться на недостатокъ отеческихъ писаній. Хоть ихъ въ его время было не такъ много въ ходу, но довольно достаточно для того, чтобъ разъяснить дѣло и производство внутренней жизни. Къ тому же, онъ могъ читать ихъ и въ подлинникахъ. Полагаю, что онъ былъ знакомъ съ ними; а что копался въ книгахъ инославныхъ до того, что языкъ ихъ усвоилъ, это вѣрно дѣлалъ онъ или по указанной причинѣ, или потому, что

наведенъ былъ на то окружающею средою и платилъ дань духу времени.

Слова: „доселѣ состояніе наше въ сущности было лишь состояніемъ размышленія и молитвы умной, и вся наша духовность сводилась собственно къ θеософіи,“ касаются вопроса о состояніи исканія, до зарожденія внутренней въ Богѣ жизни. Къ этому времени относятся разныя духовныя упражненія или подвиги, въ числѣ которыхъ первое мѣсто, послѣ молитвы, возможной тогда, принадлежитъ богомыслію, то есть, размышленію о Богѣ, и Его Божественныхъ свойствахъ и дѣйствіяхъ, премудрости, благости, вездѣсущіи, всевѣдѣніи, правосудіи, промышленіи и особенно искупленіи. Совершается оно и своеличио, и съ помощію чтенія Писаній Божественныхъ и отеческихъ; умѣстно оно и въ часы молитвы, особенно церковной. Не другое что въ устахъ Сперанскаго можетъ означать и θеософія, или собственно — богомудріе: а не то, что разумѣютъ подъ этимъ θеософы, то есть, мечтательныя представленія объ отношеніи Бога къ міру вообще, и къ разнымъ тварямъ въ частности, ими самими приду-

мышия, помимо того, что извѣстно намъ изъ Откровенія, а нерѣдко и наперекоръ ему. Это точно бываетъ въ преддверіи къ внутренней жизни, но не прекращается и по зарожденіи ея, только принимаетъ тогда другой видъ, становясь точнѣе и живѣе, и, главное, превращаясь въ зрѣніе Божественныхъ вещей изъ многомысленнаго изслѣдованія. Но этимъ однимъ все то переходное состояніе не обнимается, а только преимущественно тѣмъ характеризуется. Ищущій внутренняго царствія Божія, или живаго богообщенія, естественно думаетъ все о Богѣ, съ усиліемъ обращая умъ свой къ Нему, о Немъ только и читать ему хочется, о Немъ и бесѣдовать. Но эти одни занятія, безъ другихъ, о которыхъ скажу послѣ, не доведутъ до искомаго. У мистиковъ это занятіе одно выставляется на видъ потому, что они теоретики, а не практики. Есть нѣсколько излишества на этотъ предметъ и въ католическихъ руководствахъ къ духовной жизни; а это не безопасно. Оно пріучаетъ къ легкотѣ: ибо легче умствовать, чѣмъ, напримѣръ, молиться или внимать себѣ; располагаетъ къ самомнѣнію, какъ работа ума,

которому такъ сродно кичиться, и можетъ совсѣмъ охладить къ практикѣ, и, слѣдовательно, остановить прочный успѣхъ, льстя успѣшностію въ этомъ умовомъ дѣлѣ. Посему-то здравые учители остерегаютъ отъ этого, и совѣтуютъ не вдаваться слишкомъ въ это занятіе, съ ущербомъ для другихъ. Таково ученіе епископа Діадоха. Вотъ его слова: „для ума злостратательно долгое упражненіе въ молитвѣ, ради тѣсноты и сосредоточенности, требуемыхъ молитвою; въ богословствованіе же онъ съ радостію вдается, ради простора и свободы, предоставляемой ему въ этой области. Не должно позволять ему вступать на этотъ путь, или паче мѣры воскрыляться на немъ радостію.“

Письмо четвертое.

Слѣдующее отдѣленіе даетъ прекрасныя мысли о нѣкоторыхъ явленіяхъ духовной жизни, предшествующихъ раскрытію царствія Божія внутрь, какъ предвѣстникахъ скораго появленія его. Но терминологія и фразы много мѣшаютъ вдругъ увидѣть то, о чемъ идетъ рѣчь.

„Царство Божіе, въ насъ заключающееся (иными словами: внутреннее слово, или созерцательная молитва, или чистая любовь), обнаруживается лишь тогда, когда всѣ размышленія, всѣ разсужденія о предметахъ небесныхъ становятся сухими, скучными, безвкусными, и когда, однакожъ, въ глубинѣ души ощущаешь болѣе или менѣе сильное влеченіе къ занятію Божественнымъ. Тогда слѣдуетъ оставить молитву умную (размышленія, рефлекціи, разсужденія о Богѣ) и постоянно привыкать къ тому, чтобы находиться въ общеніи съ Богомъ, помимо всякихъ образовъ, всякаго размышленія, всякаго ощутительнаго движенія мысли. Тогда кажется, что все молчитъ: не думаешь ни о чемъ; умъ и память меркнутъ и не представляютъ ничего опредѣленнаго; одна воля кротко держится за представленіе о Богѣ,—представленіе, которое кажется неопредѣленнымъ, потому что оно безусловно, и не опирается ни на чемъ въ особенности.“

Но о раскрытіи царствія Божія внутрь у Сперанскаго рѣчь въ слѣдующемъ отдѣленіи: это же о чемъ? О проявляющихся по време-

намъ въ душѣ, самоусиленно и самотрудно ищущей Бога, невольныхъ, глубокихъ и неудержимыхъ влеченіяхъ къ Богу. Понятнѣе будетъ, если скажемъ: о томъ, что бываетъ съ душею, и какъ намъ надобно держать себя, когда крѣпко захочется помолиться, или когда потянетъ на молитву. Это испытываютъ всѣ въ большей или меньшей степени, и на переходѣ отъ самотруднаго исканія къ живому богообщенію, и по достиженіи его. Состояніе это похоже на то, въ какомъ бываетъ человѣкъ, когда о чемъ либо задумывается. Задумавшійся уходитъ внутрь себя и сосредоточивается въ своей душѣ, не обращая вниманія на свою внѣшнюю обстановку, на лица, вещи и событія. Тоже и здѣсь: только тамъ—дѣло ума, а здѣсь—дѣло сердца. Находитъ влеченіе къ Богу, душа собирается въ себя и становится предъ лице Бога, и, или изливаетъ предъ Нимъ свои надежды, и болѣзни сердечныя, какъ Анна, матерь Самуилова, или славословитъ Его, какъ Пресвятая Дѣва Марія, или стоитъ предъ Нимъ въ изумленіи, какъ часто стоялъ св. Апостолъ Павелъ. Тутъ всѣ своеличныя дѣйствованія — мысли, намѣренія,

прекращаются, и все внѣшнее отходитъ отъ вниманія. Душѣ самой не хочется заниматься ничѣмъ постороннимъ. Бываетъ это и въ церкви, и дома на молитвенномъ правилѣ, или при чтеніи и размышленіи; можетъ быть даже во время какихъ либо внѣшнихъ занятій, и среди общества. Но во всѣхъ случаяхъ оно не зависитъ отъ произвола. Однажды испытавшій это влеченіе можетъ помнить о немъ, желать повторенія его, напрягаться къ нему; но самъ своимъ усиліемъ не привлечетъ его: оно находитъ. Произволу остается одно: когда найдетъ, не позволяй себѣ разстроивать его, а понекись, сколько силъ есть, дать ему просторъ побольше побыть въ тебѣ. Можно назвать это проявленіями настоящаго молитвеннаго духа, или ощущеніями приближенія Божія, которыя въ рукахъ благодати, руководящей ревнителя о спасеніи, суть воспитательные пріемы. Въ нихъ предуказывается, чего надобно искать и домогаться; и вмѣстѣ свидѣтельствуется, что труды исканія, доселѣ подъятые, не пропадаютъ даромъ, и тѣмъ возгрѣвается ревность къ неутомимѣйшему исканію. Душѣ говорится этимъ: „ви-

дишь, что есть изъ-за чего трудиться,—трудись же!“ И какъ это случается обычнѣе послѣ крутыхъ актовъ самоотверженія, выражающихся въ особыхъ произвольныхъ лишеніяхъ, или въ дѣлахъ благотворенія, или занятіяхъ благочестія, сопровождаемыхъ внутри актами положенія себя въ руки Божіи, или преданія себя Божію попеченію и Божію водительству, то и внушается собирать побольше такихъ актовъ, и дѣло исканія быстрѣе придетъ къ концу. Конецъ же исканія тотъ, чтобъ это временное состояніе сдѣлалось постояннымъ, не въ томъ, конечно, видѣ, но въ томъ же существѣ дѣла. Когда это придетъ, тогда въ душѣ совершится раскрытіе царствія Божія, о которомъ у Сперанскаго рѣчь въ слѣдующемъ отдѣленіи, и къ которому мы перейдемъ тотчасъ, сдѣлавъ только нѣсколько пояснительныхъ замѣчаній о фразахъ.

Сперанскій говоритъ: „царствіе Божіе, въ насъ заключающееся... обнаруживается“... и проч. Что это за царствіе Божіе? Царствіе Божіе въ насъ есть, когда Богъ царствуетъ въ насъ, когда душа во глубинѣ своей исповѣ-

дуетъ Бога своимъ Владыкою и покорствуетъ Ему всѣми силами, и Богъ властно дѣйствуетъ въ ней и *еже хотѣти* и *еже дѣяти о благоволеніи* (Фил. 2, 13). Начало сему царствію полагается въ моментъ рѣшимости работать Богу въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, благодатію Святаго Духа. Тогда человѣкъ-христіанинъ свое сознаніе и свободу, въ которыхъ состоитъ собственно существо человѣческой жизни, предаетъ Богу, а Богъ принимаетъ эту жертву, и такимъ образомъ происходитъ союзъ человѣка съ Богомъ и Бога съ человѣкомъ, возстановляется завѣтъ съ Богомъ, прерванный паденіемъ и прерываемый произвольными грѣхами. Этотъ внутренній союзъ запечатлѣвается, утверждается и дѣлается сильнымъ къ стоянію и самосохраненію, благодатною силою, въ Божественныхъ таинствахъ — крещенія, а для падавшихъ по крещеніи — въ таинствѣ покаянія, и потомъ постоянно подкрѣпляется въ св. причащеніи. Такъ живутъ всѣ христіане, и всѣ, слѣдовательно, носятъ въ себѣ царствіе Божіе, то есть, покорствуютъ Богу, какъ Царю, и властвуются Богомъ, какъ Царемъ. Говоря о царствіи Божіи въ насъ, все-

гда надобно прибавлять: въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, благодатію Святаго Духа. Въ этомъ печать христіанскаго въ насъ царствія Божія. Богъ надъ всѣми Царь, какъ Творецъ и Промыслитель; но истинно въ душахъ царствуетъ Онъ, и въ душахъ истинно исповѣдуется Царемъ только по возстановленіи прерваннаго паденіемъ союза съ Нимъ душъ; а это совершается Духомъ Святымъ, въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, Спасителѣ нашемъ.

Припомните теперь притчу Господню о квасѣ, скрытомъ въ трехъ сатѣхъ муки. Квасъ не вдругъ дѣлается замѣтнымъ, но нѣсколько времени остается скрытнымъ, потомъ уже являетъ замѣтныя дѣйствія и, наконецъ, проникаетъ все тѣсто. Такъ и царствіе въ насъ сначала сокровенно содержится, потомъ обнаруживается, наконецъ,—раскрывается, или является въ силѣ. Обнаруживается оно показанными невольными влеченіями внутрь предъ Бога. Тутъ душа не самовластна, а подлежитъ стороннему воздѣйствію. Кто-то беретъ ее и вводитъ внутрь. Это Богъ, благодать Духа Святаго, Господь и Спаситель: какъ ни скажи, сила слова—одна. Богъ показываетъ этимъ,

что принимаетъ душу и хочетъ властвовать ею, и вмѣстѣ пріучаетъ ее къ своему властвованію, показывая — каково оно. Пока эти влеченія не покажутся,—а онѣ показываются не вдругъ,—человѣкъ, по видимому, дѣйствуетъ болѣе самъ, при скрытой помощи благодатной. Онъ напрягается вниманіемъ и благонамѣреніями быть въ себѣ, Бога помнить, отгонять пустомысліе и худомысліе, и всякое дѣло богоугодно совершать, напрягается и трудится до утомленія, но успѣть въ этомъ ему никакъ не удается: и мысли его расхищаются, и страстныя движенія одолѣваютъ его, и въ дѣлахъ оказываются нестроенія и ошибки; все это оттого, что Богъ еще не являетъ Своего властвованія надъ душею. А какъ только покажется это (а показывается оно при сказанныхъ влеченіяхъ), тотчасъ все внутри приходитъ въ строй, — знакъ, что Царь тутъ. Пусть всякій припомнитъ, что бываетъ у него на душѣ, когда его повлечетъ внутрь, или когда ему захочется помолиться самому, безъ молитвенника. Вотъ это и есть то, о чемъ у насъ рѣчь. Тутъ разумѣется не необыкновенное какое состояніе, а такое, какое

обще всѣмъ и какое бываетъ у всѣхъ, не нерадящихъ о спасеніи. Только бываетъ оно въ разныхъ степеняхъ силы и длительности, а въ существѣ одно и тоже, начиная съ легкихъ движеній, скоро преходящихъ, до невозмутимыхъ внутреннихъ предстояній Богу, продолжающихся иногда цѣлые часы. Богъ тутъ сказываетъ: „вотъ чего ищи!“ Кто поймётъ званіе и взыщетъ, у того влеченія тѣ станутъ учащаться и болѣе длиться, пока достигнутъ постояннаго и неизмѣннаго водворенія въ сердцѣ. У св. подвижниковъ относительно этого всюду предписывается одинъ законъ: не пропускать безъ вниманія этого состоянія, и не разстроивать его не только чѣмъ либо внѣшнимъ, но даже и внутреннимъ размышленіемъ, или какими либо предпріятіями, хотя бы они были и добрыя. Даже когда это бываетъ во время молитвословія, велятъ прекращать послѣднее, и стоять предъ Богомъ такъ, полагая только поклоны малые и большіе. Побудетъ такъ на душѣ, и отойдетъ. Тогда опять начнется блужданіе мыслей и прираженіе страстныхъ движеній. Душа съ неба спускается опять на землю, изъ свѣта—

въ сумракъ, изъ легкаго покоя — въ многотрудное дѣланіе. Терпи и жди, пока опять придетъ это обнаруженіе царствія Божія въ сердцѣ. Такъ будетъ до тѣхъ поръ, пока Богу угодно будетъ закрѣпить это углубленное внутрь пребываніе навсегда, и сдѣлать его неотходнымъ и неизмѣннымъ. Исканіе этого послѣдняго и есть собственно исканіе царствія Божія; появленія же его — раскрытіе царствія.

Вотъ о чемъ рѣчь въ словахъ Сперанскаго: „царствіе Божіе обнаруживается.“ Исходя изъ сего понятія, не можемъ не замѣтить нѣкоторой неточности во фразахъ и въ слѣдующихъ затѣмъ рѣчахъ.

Письмо пятое.

Сказавъ, что „царствіе Божіе обнаруживается,“ Сперанскій продолжаетъ: „тогда, когда всѣ размышленія, всѣ разсужденія о предметахъ небесныхъ становятся сухими, скучными, безвкусными“.... Нѣтъ, не такъ: то влеченіе не есть слѣдствіе этого безвкусія, а безвкусіе есть слѣдствіе того влеченія. Надоб-

но сказать такъ: когда то влеченіе обнаружится, тогда прекращается всякая своеличная дѣятельность, умомъ ли, или другими силами, и желанія ея нѣтъ; развѣ только врагъ можетъ подходить и на что нибудь наводить, внушая, что—то и то тебѣ надо сдѣлать или обдумать, чтобъ развить начинающееся доброе состояніе. У Сперанскаго это выражено слишкомъ сильно: „сухими, скучными, безвкусными,“ тогда какъ довольно было сказать: все прекращается и оставляется. Если эти слова Сперанскаго понять такъ, какъ онѣ звучатъ, то они будутъ указывать на бывающія въ духовной жизни остановки отъ сухости, безвкусія и скучности. Это припадки духа унынія, мучителя подвижниковъ. Но тогда не бываетъ никакихъ благодатныхъ влеченій; напротивъ, отсутствіе ихъ и бываетъ причиною унынія. Тутъ мѣсто только молчаливому терпѣнію. Бываетъ также нѣчто похожее на это, когда кто долго читаетъ со вниманіемъ и углубленно размышляетъ о читаемомъ; душа насыщается тогда и читать болѣе не хочетъ, и требуетъ утомленному вниманію отдыха въ молитвѣ. Само собою видно, что тутъ бываетъ

влеченіе совсѣмъ не то, о которомъ идетъ рѣчь: тутъ обычная потребность отдыха, обнаруживаемая утомленною душею, подобно тому, какъ обнаруживается она утомленнымъ тѣломъ.

Равно требуютъ поясненія вставочныя слова: *внутреннее слово*, или *созерцательная молитва*, или *чистая любовь*, какъ синонимы царствія Божія въ насъ. Онѣ могутъ покривить мысль, если понять ихъ не какъ слѣдуетъ.

Внутреннее слово у Сперанскаго не наше внутреннее разглагольствіе къ себѣ самимъ и съ самими собою, а слово, въ смыслѣ св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова. Эта фраза взята у мистиковъ, по которымъ въ каждомъ христіанинѣ раждается Христосъ, Который есть безначальное Слово, воплотившееся насъ ради. Въ письмахъ къ своей дочери Сперанскій въ Рождество Христово всегда желалъ, чтобы въ ней родился Христосъ. И это есть, по его мнѣнію, наше внутреннее слово. Очевидно, что этого въ собственномъ смыслѣ принять нельзя. Не Христосъ въ насъ раждается, а мы возраждаемся по образу Христа; ибо *возрожденіе* наше въ купѣли крещенія есть *обновленіе по образу Создавшаго* (Колос.

3, 10), или *облеченіе во Христа* (Галат. 3, 27). Истинная жизнь человѣка, потерянная въ паденіи, возстановлена и явлена, въ совершеннѣйшемъ видѣ, въ лицѣ Іисуса Христа, Бога-Слова воплощеннаго. Она въ Немъ въ такой полнотѣ, что всѣ вѣрующіе почерпаютъ въ Немъ себѣ истинную жизнь. Потому-то Онъ Самъ Себя именуетъ лозою, а всѣхъ вѣрующихъ—вѣтвями на лозѣ, изъ лозы берущими жизненные соки. У истиннаго христіанина *единъ духъ съ Господемъ* (1 Кор. 6, 17). Такъ тѣсенъ союзъ! А между тѣмъ христіанинъ есть самъ по себѣ; онъ не исчезаетъ во Христѣ Господѣ, а пребывая отдѣльною особою, устрояетъ себя по образу Христа. Производитъ это благодать Святаго Духа, ниспосланнаго на землю по вознесеніи Христа Спасителя на небеса и сѣдѣніи Его одесную Бога и Отца, и съ того времени непрерывно пребывающаго въ Церкви и дѣйствующаго въ ней чрезъ св. таинства на освященіе всего человѣчества. Такова наша духовная жизнь по источнику! Когда говорятъ: „Христосъ въ насъ раждается,“ то этимъ дается мысль, будто бы это производится въ насъ,

помимо насъ, механически; а между тѣмъ дѣйствія благодати, обращенныя на разумно-свободную тварь, не могутъ быть таковыми. Подъ ними всегда надобно доразумѣвать въ человѣкѣ нравственно-свободныя измѣненія ума и сердца. Эти измѣненія указаны предъ симъ, при объясненіи, что есть царствіе Божіе въ насъ. Въ примѣненіи къ началу жизни, это будетъ воображеніе въ себѣ Христа, или преобразованіе своихъ настроеній по свойствамъ Христа, чтобъ было въ насъ самоотверженіе Христово, терпѣніе Христово, послушаніе Богу Христово, умъ Христовъ, словомъ—все Христово.

Созерцательная молитва и чистая любовь—рано помянуты. Тѣ влеченія внутрь предъ Бога суть преддверіе созерцательной молитвы, но не самая созерцательная молитва. Молитва имѣетъ разныя степени. Сначала она есть только молитвословная молитва; но вмѣстѣ съ нею должна идти, ею разогрѣваться и поддерживаться молитва ума и сердца. Умосердечная молитва получаетъ за тѣмъ самостоятельность и является то дѣлательною, напрягаемою своими усиліями, то самодвиж-

ною, находящею. Въ послѣднемъ видѣ она есть тоже, что показанныя влеченія: бываетъ современна имъ, и изъ нихъ развивается. Когда потомъ состояніе, въ которомъ бываетъ душа, во время тѣхъ влеченій, станетъ постояннымъ, тогда умно-сердечная молитва становится непрестанно-дѣйствующею. При этомъ, прежнія временныя влеченія перерождаются въ состоянія созерцанія, при которыхъ и изъ которыхъ тогда раскрывается и созерцательная молитва. Созерцаніе есть плѣненіе ума и всего созерцанія какимъ либо духовнымъ предметомъ столь сильное, что все внѣшнее забывается, выходитъ изъ сознанія: умъ и сознаніе уходятъ въ предметъ созерцаемый, такъ что ихъ уже будто нѣтъ въ насъ. Вотъ примѣръ: бесѣдовалъ старецъ съ учениками, и остановился, сталъ какъ бы забывшись. Когда потомъ онъ пришелъ въ себя, ученики спросили его: гдѣ онъ былъ?— „Я былъ,“ сказалъ онъ, „на Голгоѳѣ, предъ распятымъ Господомъ,—тамъ, гдѣ была у ногъ Его Марія Магдалина.“ — Но это созерцаніе было только умовое. Созерцательная молитва походитъ на это, по забвенію всего и плѣ-

ненію въ невидимый міръ. Еще примѣръ: старецъ приготовилъ себѣ трапезу въ обычный часъ, и сталъ помолиться; но восхищенъ былъ въ созерцательную молитву, и простоялъ въ ней до слѣдующаго дня, когда пришелъ въ себя. Отличительною чертою созерцательной молитвы св. Исаакъ Сиріанинъ поставляетъ именно выпаденіе изъ сознанія всего окружающаго и плѣненіе въ горній міръ. По свидѣтельству его, умъ до сего времени владѣетъ собою, а когда вступитъ въ созерцаніе или въ созерцательную молитву, тогда уже никакой власти надъ собою не имѣетъ. Этимъ онѣ отличаются отъ показанныхъ влеченій внутрь, о которыхъ идетъ рѣчь, и въ которыхъ человѣкъ хоть не обращаетъ вниманія на все окружающее, но не совсѣмъ забываетъ его; оно не уходитъ изъ его сознанія, и хотя подлежитъ дѣйствію высшему, но владѣетъ собою, и сколько можетъ помочь къ продленію того состоянія, столько же можетъ и разстроить его. Посему я думаю, что словъ—„или *созерцательная молитва*“ тутъ не слѣдовало ставить.

Тоже надо замѣтить и о чистой любви.

Любовь къ Богу сродна естеству нашему. Полагаю, что она не совсѣмъ угасаетъ даже въ грѣшникахъ, дѣйствуетъ въ нихъ, призывая ихъ къ покаянію, пока они не ожесточатся и не отчаются. Но собственно любовь зачинается съ той минуты, когда въ слѣдствіе покаянія, зараждается рѣшимость работать Господу, не щадя живота своего. Начинающіеся вслѣдъ за тѣмъ труды богоугожденія развиваютъ ее все сильнѣе и сильнѣе, пока она не обратится въ пламень и не обыметъ всего естества его. Въ этихъ степеняхъ любви столько оттѣнковъ, что и перечислить ихъ невозможно. Иной любитъ Бога, потому что имѣетъ отъ Него много добра; иной любитъ Бога ради того, что чаетъ отъ Него какого либо добра: иной любитъ Бога ради того, что чаетъ отъ Него всякаго добра; иной любитъ Бога, потому что Онъ Богъ. Дѣломъ обнаруживается любовь такъ, что иной дѣлаетъ только частію для Бога, оставляя часть и для себя; другой все дѣлаетъ для Бога; а иной и себя и все свое приноситъ въ жертву Богу безусловно. Любить Бога, какъ Бога, съ полнымъ самопожертвованіемъ, безъ вся-

кихъ видовъ, есть чистая любовь. Лѣствичникъ говоритъ о себѣ, что хотя бы и въ адъ послалъ его Богъ, онъ и тамъ также неизмѣнно будетъ любить Его всею душею. Очевидно, что чистая любовь есть вѣнецъ совершенства въ богоугожденіи, и является въ силѣ только въ концѣ трудовъ, на семъ пути подъемлемыхъ. Въ началѣ, при первыхъ проявленіяхъ царствія Божія въ насъ, ея и требовать нельзя: она можетъ быть въ цѣли, но не на дѣлѣ; она воцаряется тогда, когда уже Богъ поглощаетъ все наше.

Слѣдующія за тѣмъ мысли тоже слѣдовало выразить другими словами. Сперанскій говоритъ: „Тогда надобно оставить молитву умную,“ и тутъ же поясняетъ, что именно надо оставить, именно: „размышленія, рефлекціи, разсужденія о Богѣ.“ — какъ будто это однозначущія съ умною молитвою слова. Напротивъ, эти благочестивыя занятія, собственно умовыя, составляютъ богомысліе, занятіе особое отъ молитвы, которое, впрочемъ, можетъ сопровождать ее, или предшествовать и послѣдовать ей. Умная молитва состоитъ въ томъ, чтобы умомъ въ сердцѣ предстоять предъ

Богомъ, или просто, или съ изъявленіемъ прошеній, благодаренія и славословія. Тутъ не время заниматься разсужденіями: всему свой чередъ. Когда приходитъ то влеченіе внутрь, тогда умная молитва является въ силѣ и въ настоящемъ своемъ видѣ: а до этой минуты она есть только искомая; здѣсь же имѣется дѣломъ. Потому размышленія, рефлекціи и разсужденія, равно какъ и всѣ другія самодѣйствія, дѣйствительно, надобно оставлять и подавлять, еслибъ они зараждались во время проявленія влеченія внутрь, но не умную молитву. Ее не только не должно оставлять, а всячески поддерживать, чтобы то состояніе, доброе и многополезное, продлилось какъ можно долѣе. А потомъ, когда и пройдетъ то состояніе,—всячески напрягаться умомъ не отступать отъ Бога, удерживая память о Немъ даже и при обычныхъ занятіяхъ; иначе сказать: стараться ходить въ присутствіи Божіемъ. У Сперанскаго объ этомъ, вслѣдъ за приводимыми словами объ оставленіи умной молитвы, говорится такъ: „постоянно привыкать къ тому, чтобы находиться въ общеніи съ Богомъ, помимо всякихъ образовъ, всякаго

размышленія, всякаго ощутительнаго движенія мысли.“ Вотъ это настоящія выраженія Въ этомъ именно и состоитъ существо умной молитвы, или умомъ въ сердцѣ предстоянія предъ Богомъ. Умная молитва бываетъ въ двухъ состояніяхъ: она есть или *трудовая*, когда человѣкъ самъ напрягается на нее, или *самодвижная*, когда она сама собою стоитъ и дѣйствуетъ. Послѣднее бываетъ во время помянутаго влеченія, а первое должно составлять постоянный нашъ трудъ. Хотъ онъ самъ по себѣ не бываетъ успѣшенъ, ибо мысли все расхищаются, но, свидѣтельствуя о нашемъ желаніи и усиліи имѣть постоянную молитву, привлекаетъ милость Господню,—и Богъ за этотъ трудъ подаетъ, по временамъ, то влеченіе внутрь, при которомъ умная молитва является въ настоящемъ своемъ видѣ. И только въ эту пору ей принадлежитъ то, о чемъ далѣе пишетъ Сперанскій: „тогда кажется, что все въ душѣ молчитъ; не думаешь ни о чемъ; умъ и память меркнутъ и не представляютъ ничего опредѣленнаго: одна воля крѣпко держится за представленіе о Богѣ.“ Эти слова точны; а что слѣдуетъ далѣе, то не точно:

„представленіе, которое кажется неопредѣленнымъ, потому что оно безусловно, и что оно не опирается ни на что въ особенности.“ Въ умномъ предстояніи Богу, трудовомъ и самодвижномъ, надобно быть въ томъ убѣжденіи, что Богъ вездѣсущій есть и въ насъ, зритъ насъ и внимаетъ намъ. Это убѣжденіе, утвердившись, даетъ возможность устранить образность при умномъ предстояніи Богу. Но это убѣжденіе надобно набить себѣ, всячески очищая его отъ образовъ, на которые такъ падка мысль наша, чѣмъ бы она ни была занята. Вотъ что должно быть! Слова: „представленіе о Богѣ“ сюда не идутъ, потому что представленіе безъ образа не бываетъ; вмѣсто его надобно поставить: предстояніе Богу, въ убѣжденіи, что Онъ невидимо присущъ намъ и внимаетъ намъ. „Представленіе,“ говоритъ Сперанскій, „о Богѣ кажется неопредѣленнымъ;“ нѣтъ, не такъ: когда мы пріобрѣтемъ ясныя понятія о Богѣ, чрезъ познаніе Его Божественныхъ свойствъ и дѣйствій, открытыхъ намъ, тогда мысль о Богѣ никогда не можетъ быть неопредѣленною,— тогда Богъ созерцается нами всегда подъ какимъ либо опредѣленно извѣстнымъ намъ

свойствомъ Его. И это признакъ истиннаго отношенія къ Богу, и отличіе отъ мечтательнаго къ Нему устремленія. Въ этой фразѣ есть маленькая частичка туманной мистики, страждущей неопредѣлительностью.

Письмо шестое.

„Тогда-то," пишетъ Сперанскій, „вступаемъ въ *сумракъ вѣры*. Тогда-то не знаешь болѣе ничего, и ждешь всякаго свѣта непосредственно свыше, и если упорствуешь въ этомъ ожиданіи, то свѣтъ этотъ нисходитъ, и царствіе Божіе раскрывается."

Свѣтъ нисходитъ... царствіе Божіе раскрывается,—это тоже, что у мореплавателей: берегъ! берегъ! Но это царствіе не приходитъ съ усмотрѣніемъ; нельзя разсчитать—то и то сдѣлаю, такъ и такъ себя поставлю, и свѣтъ придетъ, и царствіе Божіе раскроется. Съ нашей стороны, пожалуй, это такъ: исполняя всѣ условія, входящія въ приготовительные труды къ проявленію царствія въ насъ, упорствовать въ ожиданіи его, или, лучше сказать.

со смиреннымъ, постояннымъ, упованельнымъ и умолительнымъ терпѣніемъ, ждать, когда, наконецъ, угодно будетъ человѣколюбивому Господу явить милость Свою къ намъ. Не вдругъ даетъ Господь, а почему — Ему единому то вѣдомо. Жди съ надеждою, ибо неложно обѣтованіе: *къ нему пріидемъ, и обитель у него сотворимъ* (Іоан. 14, 23). Но да не будетъ жданіе твое праздно. Господь ждетъ, пока, истощивъ всѣ свои усилія, не видя успѣха, во глубинѣ сердца изречешь ты: „имиже вѣси судьбами, спаси, Господи!“ Но чтобъ истощить усилія, надобно усиливаться, или съ усиліемъ трудиться. Такъ ужъ положено, и по духу ревнующаго такъ требуется. Рѣшившись угождать Господу, онъ, не щадя себя, бросается на труды богоугожденія, и усталости не знаетъ, и нѣтъ дѣла, на которое онъ не былъ бы готовъ тотчасъ: хочется ему отплатить за время, проведенное въ нерадѣніи. Полагаю, что и сама благодать наводитъ на этотъ порядокъ и духъ дѣйствія. Но такъ только въ началѣ... Въ началѣ и замѣтить нельзя, есть ли плодъ отъ трудовъ своихъ; со временемъ же, когда къ порядкамъ бого-

угодной жизни пріобрѣтется навыкъ, и эта сторона не будетъ уже болѣе требовать напряженія силъ, духъ ревности отнынѣ переходитъ внутрь, отъ дѣлъ къ мыслямъ, чувствамъ и намѣреніямъ. Иного на это наводитъ Самъ Господь благодатію Своею: другому подсказываетъ добрый собесѣдникъ или руководитель. Обращается внутрь ревнитель, и что, думаете вы, здѣсь находитъ?—непрестанное броженіе мыслей, непрестанныя страстныя пораженія, дебелость и холодность сердца, упорство и неподвижность на послушаніе, желаніе дѣлать все по своему, словомъ—находитъ у себя внутри снова все въ очень дурномъ состояніи. Опять разгарается ревность, и труды обращаются уже на свою внутреннюю жизнь, на мысли и расположенія сердца. Въ руководствахъ къ внутренней духовной жизни онъ найдетъ, что надобно внимать себѣ, надобно наблюдать за движеніями сердца, дабы не допустить ничего недобраго, надо Бога помнить и проч. Начинаются трудъ и усилія въ этомъ направленіи. Но мыслей не удержишь, какъ подвижнаго воздуха, дурныхъ чувствъ и движеній не можешь не пропустить,

какъ дурнаго запаха отъ трупа гніющаго, и къ памятованію о Богѣ не поднимается умъ, какъ намокшая и подмерзшая птица. Что же дѣлать? Говорятъ: терпи и трудись. Идетъ терпѣніе и трудъ,—а внутри все одно и тоже. Попадается, наконецъ, кто нибудь изъ знающихъ дѣло и растолковываетъ: оттого у тебя все нестройно внутри, что тамъ качествуетъ разложеніе силъ; умъ идетъ своимъ чередомъ, а сердце своимъ. Надобно умъ соединить съ сердцемъ; тогда броженіе мыслей прекратится, и ты получишь руль для управленія кораблемъ души, — рычагъ, которымъ начнешь приводить въ движеніе весь твой внутренній міръ.“ Какъ же это? Навыкни умомъ въ сердцѣ молиться: „Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя!“ и эта молитва, когда научишься совершать ее какъ слѣдуетъ, или лучше, когда она привьется къ сердцу, приведетъ тебя къ желаемому концу: она сочетаетъ умъ твой съ сердцемъ, она уложитъ броженіе мыслей и дастъ тебѣ силу править движеніями твоей души. Изъявившему согласіе дается наставленіе, какъ совершать сію молитву. Слѣдовало бы тотчасъ

начаться труду упражненія въ ней: но напередъ приходится побѣдить свое невѣріе. Никто еще, кого ни касалось это дѣло, сразу не вѣрилъ, чтобы такое простое средство могло привести къ такимъ важнымъ цѣлямъ, особенно въ связи съ нѣкоторыми пріемами, опредѣляющими порядокъ производства этой молитвы. Но, наконецъ, надобно же что нибудь предпринять. И вотъ, хотя — не хотя, съ полу-вѣрою и съ полу-невѣріемъ, начинается трудъ навыкновенія этому спасительному дѣланію. Начатки плодовъ оживляютъ вѣру, вѣра усиливаетъ трудъ и умножаетъ плоды; дѣло спѣется. Впродолженіе именно этого труда навыкновенія умной молитвѣ ко Господу, учащаются, по милости Божіей, тѣ влеченія внутрь предъ Бога, о которыхъ была уже рѣчь. А потомъ приходитъ и то, что это вовлеченіе внутрь укрѣпляется навсегда, и внутрь-пребываніе предъ Богомъ становится непрекращаемымъ. Вотъ это и есть водвореніе царствія Божія внутрь насъ. Но, прибавимъ, это есть вмѣстѣ съ тѣмъ и начало для новаго круга измѣненій во внутренней жизни, который прилично назвать одухотвореніемъ

души и тѣла. Объ этомъ, если окажется нужнымъ, поговоримъ послѣ.

Я нарочно пространно описалъ весь этотъ порядокъ движенія внутренней жизни, дабы показать, что въ ходѣ сей жизни есть пространное поприще для упорства въ ожиданіи. Все мается и мается бѣдная душа, ища и не обрѣтая. Ожидать чего нибудь отъ своихъ усилій и въ умъ ужъ не приходитъ. Давно уже исчезла всякая самоувѣренность, и во глубинѣ души только слышится: „имиже вѣси судьбами, спаси.“ Положеніе себя въ руки Божіи, и чаяніе всего отъ Его единой милости есть послѣдній предѣлъ приготовленія, готовности и годности къ водворенію царствія Божія внутрь насъ, которое, однакожъ, всегда приходитъ не съ усмотрѣніемъ (Лук. 17, 20). Это состояніе смиреннаго, безъ всякихъ притязаній, ожиданія и есть *сумракъ вѣры* (фраза мистиковъ), который сумраченъ только по безвѣстности времени полученія чаемаго и искомаго, тогда какъ предметъ и основанія ожиданія совершенно ясны.

Полагаю, что у васъ уже шевелится вопросъ: да что же это за царствіе Божіе? На

это отвѣчаетъ вамъ далѣе Сперанскій: „никто не можетъ ни описать его вамъ, ни дать о немъ понятіе; его чувствуешь, но оно несообщаемо. Самъ Іисусъ Христосъ описываетъ царствіе Божіе лишь притчами и подобіями.“ Прибавимъ: то только всѣмъ вѣдомо, что это есть ни съ чѣмъ несравнимое драгоцѣнное сокровище, не ожидаемое, а самымъ дѣломъ получаемое и обладаемое. Спаситель объясняетъ это притчею о человѣкѣ, который, нашедши на полѣ сокровище, обрадовался, и, въ радости, никому не сказавши, распродалъ все, что имѣлъ, и купилъ поле то;—и другою—о купцѣ, который, узнавши, что гдѣ-то есть драгоцѣнная жемчужина, пошелъ, продалъ все, что имѣлъ, и купилъ жемчужину ту (Мато. 13, 44. 46). Можно, впрочемъ, въ нѣкоторой степени удовлетворить ваше любопытство, ибо что неопредѣлимо со стороны чувства, то можетъ быть опредѣляемо въ чертахъ своего проявленія. Съ этой стороны я уже очерчивалъ прежде царствіе Божіе, заимствуя описательныя черты изъ писаній отеческихъ и старческихъ. Повторяю здѣсь, какъ писалъ, чтобъ не придумывать новыхъ словъ: царствіе

Божіе въ насъ есть, когда Богъ воцаряется надъ нами, когда душа во глубинѣ своей исповѣдуетъ Бога своимъ Владыкою и покорствуетъ Ему всѣми силами, и Богъ владычно дѣйствуетъ въ ней и *еже хотѣти и еже дѣяти* (Фил. 2, 13). Съ психической же точки зрѣнія о царствіи Божіемъ должно сказать слѣдующее: царствіе Божіе въ насъ зарождается, когда умъ сочетавается съ сердцемъ, самъ сраствoрившись съ памятію о Богѣ. Человѣкъ тогда предаетъ Господу, какъ жертву пріятную Ему, свое сознаніе и свободу; а отъ Него получаетъ власть надъ собою, и силою, отъ Него получаемою, правитъ всѣмъ своимъ, внутреннимъ и внѣшнимъ, какъ бы отъ Его лица.

Когда удосужусь, я соберу черты этого состоянія изъ писаній отеческихъ, и сообщу вамъ. Теперь скажу нѣсколько словъ по памяти.

Думаю, что и вамъ памятно, какъ въ отвѣтахъ старцевъ Варсонофія и Іоанна часто говорится о нѣкоемъ огнѣ, которому возгорѣться въ душахъ учениковъ своихъ они желали всѣмъ желаніемъ. Это говорятъ они о зарожде-

ніи внутренней жизни, или о раскрытіи царствія Божія въ насъ. При этомъ сцентрировываются всѣ силы жизни человѣческой во едино, какъ въ фокусъ, и это отражается горѣніемъ духа, или духовною теплотою; при этомъ не только умъ сраствориется съ памятію о Богѣ и проникается ею, но и все существо наше духовное вступаетъ въ живое Богообщеніе: Богъ *огнь есть* (Евр. 12, 29). И вотъ теплота и горѣніе духа водворяются въ насъ съ момента раскрытія въ насъ царствія Божія. Эта черта осязательнѣе всѣхъ, доступнѣе для понятія, и больше даетъ удобства къ объясненію проявленій духовной жизни. Извѣстно, что когда человѣкъ въ чувствѣ, тогда онъ весь сковывается тѣмъ чувствомъ, и готовъ, и силенъ бываетъ безпрекословно дѣлать все, къ чему побуждаетъ то чувство. Чувство походитъ на рычагъ и руль въ управленіи своимъ внутреннимъ. Его-то и добиваются, оно-то и дается. Что болѣе всего озабочиваетъ ищущаго, такъ это внутреннее нестроеніе въ мысляхъ и желаніяхъ; вся его ревность обращена на то, какъ бы устранить это нестроеніе. Къ этому другаго способа нѣтъ,

какъ добыть это духовное чувство или эту теплоту сердечную, при памяти о Богѣ. Какъ только зародится эта теплота, — мысли улягутся, внутренняя атмосфера станетъ ясна, станутъ видимы всѣ зарожденія добрыхъ и недобрыхъ движеній души, и получится власть на отгнаніе послѣднихъ. И на внѣшнее расходится этотъ внутренній свѣтъ, и тамъ даетъ онъ возможность отличать должное отъ недолжнаго, сообщая и крѣпость установиться въ первомъ, не смотря ни на какія препятствія; словомъ, тогда начинается истинная, дѣйственная, духовная жизнь, которая доселѣ была только въ исканіи, а если и проявлялась, то урывками. И при тѣхъ влеченіяхъ, о которыхъ была рѣчь, бываетъ теплота, но она прекращается съ прекращеніемъ влеченія. Здѣсь же теплота, зародившись въ сердцѣ, остается неотходною, и неотходнымъ держитъ при себѣ вниманіе ума. Когда умъ въ сердцѣ,— это и есть сочетаніе ума съ сердцемъ, представляющее цѣлость нашего духовнаго организма.

Примѣнительно къ этому признаку — теплотѣ и горѣнію духа,—легче понять, почему

тѣ или другіе способы употребляются для достиженія сего состоянія, или для приготовленія къ нему.

Письмо седьмое.

Буду писать вамъ теперь о способахъ, какъ возжечь постоянный огонекъ или теплоту въ сердцѣ. Припомните, какъ возбуждается теплота въ физическомъ мірѣ: трутъ дерево объ дерево, и получаютъ теплоту и даже огонь; держатъ вещь на солнцѣ, и она согрѣвается, а если сосредоточить побольше лучей, то и загорается. Способъ къ зарожденію духовной теплоты похожъ на это. Треніе—труды подвижничества; держаніе на солнцѣ — умная молитва къ Богу.

Труды подвижничества—это весь порядокъ богоугодной жизни. Перескажу его коротко. Послѣ того, какъ въ покаяніи положено твердое намѣреніе работать Господу и не оскорблять Его грѣхами,—для успѣха въ этомъ и для дальнѣйшаго движенія по степенямъ совершенства христіанской жизни, требуется

измѣнить внѣшній образъ жизни и внѣшнія свои отношенія по требованію даннаго обѣта; связать тѣло правилами во всѣхъ его потребностяхъ, особенно тѣхъ, которыя больше даютъ подспорья страстямъ,—благоразумнымъ воздержаніемъ, посильнымъ бдѣніемъ и трудомъ, и отстраненіемъ раздраженія чувствъ; занимать неопустительно всѣ силы души, по духу начатой жизни, — умъ душеспасительнымъ чтеніемъ, собесѣдованіемъ и богомысліемъ, волю — благими дѣлами и начинаніями въ исполненіи заповѣдей Божіихъ, а сердце— всякимъ видомъ молитвованія, церковнаго и домашняго, для возбужденія и утвержденія въ немъ святыхъ чувствъ и сочувствія къ небесному; старательно держать духъ въ страхѣ Божіемъ, въ отрѣшеніи отъ земныхъ благъ, и болѣе всего въ покоѣ со стороны совѣсти. Такъ будутъ въ постоянномъ треніи и духъ, и душа, и тѣло, во всѣхъ силахъ и отправленіяхъ, а чрезъ нихъ и сердце — средоточіе всѣхъ ихъ. Отъ этого оно само собою будетъ разогрѣваться все болѣе и болѣе, какъ идущій естественно разогрѣвается отъ движенія и напряженія силъ.

Трудами подвижничества можетъ загорѣться огнь и въ сердцѣ, но не скоро, если они оставляются одни: путь этотъ многопрепятственъ. Потому-то изстари ревнители спасенія, опытные въ духовной жизни, не отступая отъ этихъ трудовъ, по Божію внушенію, открыли и предали къ употребленію всѣхъ другой способъ для согрѣтія сердца, и притомъ простѣйшій и легчайшій на видъ, но не менѣе трудный къ исполненію, только скорѣе приводящій къ цѣли: это цѣлесообразное совершеніе умной молитвы къ Господу Спасителю. Оно состоитъ въ слѣдующемъ: стань умомъ и вниманіемъ въ сердцѣ, и возставивъ убѣжденіе, что Господь близъ и внимаетъ, взывай къ Нему умиленно: „Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго или грѣшную“ — и дѣлай это непрестанно, и въ церкви, и дома, и на пути, и за дѣломъ, и за столомъ, и въ постели, словомъ — съ той минуты, какъ откроешь глаза, до той, какъ закроешь ихъ. Это будетъ точь въ точь соотвѣтствовать держанію вещи на солнцѣ, потому что тутъ есть держаніе себя предъ лицемъ Господа, Который есть солнце умнаго

міра. Вѣдать надлежитъ, что плодъ отъ этой молитвы начинается тогда, когда она привьется къ сердцу и углубится въ него; а для этого надобно потрудиться надъ навыкомъ совершать ее; для этого надобно отдѣлять исключительно на нее извѣстную часть времени, утромъ и вечеромъ.

Когда все это будешь проходить съ усердіемъ, нелѣностно и неопустительно, — милостивъ Господь,—затеплится огонекъ въ сердцѣ, который будетъ свидѣтельствовать о зарожденіи въ средоточіи естества нашего внутренней духовной жизни, или о воцаренія Господа въ насъ. Короче можно выразить все это такъ: терпѣливо проходи весь порядокъ богоугодной жизни,—молись много, и дома, и въ церкви, особенно молитвою умною,—исправляй всѣ дѣла на тебѣ лежащія добросовѣстно, чтобъ совѣсть твоя всегда была чиста предъ Богомъ, людьми и вещами,—ни къ чему не будь привязанъ и ни на чемъ не опирайся надеждою, ни на своихъ дарованіяхъ, ни на своемъ достоинствѣ, ни на своемъ внѣшнемъ положеніи; но, вмѣнивъ все это въ уметы, положи утвержденіе свое въ единомъ

Богѣ. Устроясь такъ, съ терпѣніемъ жди, пока придетъ желаемое, искомое и чаемое.

Вотъ и все... Я нарочно коснулся подробно этихъ способовъ и путей, потому что и Сперанскій, въ послѣднемъ отдѣленіи своего перваго письма, касается способовъ къ достиженію того состоянія, которое выше назвалъ онъ раскрытіемъ царствія Божія въ насъ. Но говоритъ онъ о нихъ въ этомъ мѣстѣ не вполнѣ, не подробно.

„Что дѣлать“, пишетъ онъ, „чтобы достигнуть этого состоянія (то есть, раскрытія царствія Божія)? Слѣдуетъ: 1) признать себя за величайшаго грѣшника и невѣжду; 2) стараться о томъ, чтобы постепенно отрѣшаться отъ всякаго имущества: а) отъ имущества вещественнаго (прибавимъ: это значитъ, что хоть бы оно было, имѣть его какъ чужое); б) отъ имущества умственнаго, то есть, не слѣдуетъ никогда позволять себѣ разсужденій о предметахъ небесныхъ (вѣроятно, онъ разумѣетъ мечтательное рисованіе сихъ предметовъ въ воображеніи, какъ дѣлаютъ мистики, или пытливость, критическія изслѣдованія, совопросничество, а не благоговѣйныя раз-

мышленія); в) отъ имущества памяти, изгоняя изъ нея всякій образъ предметовъ небесныхъ (это, вѣрно, во время предстоянія Богу, а не вообще).“

Если обобщить все это, то окажется одно средство: ни на чемъ не опирайся, ни во что вмѣни и себя и все свое. Сперанскій коснулся верхняго условія, которое исполняется у самаго преддверія къ царствію. Когда образуется въ душѣ такое настроеніе—скоро придетъ и царствіе внутрь; только оно образуется послѣ долгаго, своеличнаго труда, когда душа уже все перепытаетъ искренно, и во глубинѣ своей начнетъ носить взываніе: „имиже вѣси судьбами, спаси мя!“ Но тутъ же тотчасъ явится и вседѣйствіе Божіе: ибо гдѣ ничего уже не остается своего, тамъ привлекается дѣйствованіе Бога, обычно все творящаго изъ ничего. Вотъ это-то послѣднее условіе и обозначаетъ здѣсь Сперанскій. Другихъ же условій касается въ другихъ мѣстахъ: о подвижничествѣ говоритъ во второмъ письмѣ, разсуждая о говѣніи, которое есть сокращенное и усиленное подвижничество; объ умной же молитвѣ помпнаетъ въ третьемъ.

Такимъ образомъ, мы просмотрѣли почти уже все первое письмо. Остается еще слово-другое сказать о двухъ предпослѣднихъ отдѣленіяхъ этого письма, въ которыхъ выражается похвала состоянію проявленія внутрь царствія Божія.

Въ первомъ,—третьемъ отъ конца,—пишется такъ:

„Въ этомъ-то состояніи начинаетъ раздаваться *внутреннее слово*; это-то состояніе собственно называется *состояніемъ благодати*: это-то состояніе служитъ исходомъ ученію Іисуса Христа, и лишь это состояніе Онъ пришелъ возвѣстить и уготовить намъ. Все то, что предшествуетъ этому состоянію (что я называю азбукою), составляетъ область Іоанна Предтечи, который уготовляетъ пути, но не есть путь."

Тутъ все вѣрно; только нѣкоторыя фразы неточны. „*Внутреннее слово* начинаетъ раздаваться",—лучше бы сказать такъ: являются чувства, *обученныя въ разсужденіе добра же и зла* (Евр. 5, 14).

Во всѣхъ случаяхъ изъ сердца исходитъ опредѣленіе, какъ должно поступить. Другаго

значенія этой фразѣ давать не слѣдуетъ; ина че вступимъ на путь квакеровъ, иллюминатовъ и всѣхъ мистиковъ, у которыхъ внутреннее слово замѣняетъ внѣшнее Божіе откровеніе, совсѣмъ почти ими оставляемое. Оно сказываетъ имъ не что либо практическое, а всегда открываетъ сокровенности духовнаго міра. Такъ какъ у неочищенной души трудно различить внутри собственно Божіе слово, ибо въ ней много словесъ, какъ при смѣшеніи языковъ у вавилонской башни, то опредѣлить себя на безусловное ему слѣдованіе небезопасно,—зайдешь къ мечтательнымъ теоріямъ, планамъ и предпріятіямъ пагубнымъ. *Состояніе благодати* начинается съ крещенія, а у падавшихъ по крещеніи—съ покаянія. Но оно является въ двухъ видахъ: сначала оно бываетъ *скрытное*, это во все время подвига, а потомъ *явное*, — это по очищеніи сердца и раскрытіи царствія Божія внутрь. Здѣсь рѣчь о послѣднемъ, названномъ у него послѣ еще состояніемъ ощутимаго богообщенія. Исходомъ ученія Господа нашего Іисуса Христа было: *покайтеся*, а концомъ то, о чемъ здѣсь рѣчь. *Къ нему пріидемъ, и обитель у него со-*

творимъ, обѣтовалъ Господь (Іоан. 14, 23) и молился, да всѣ едино будутъ въ Немъ и Отцѣ, силою Святаго Духа, какъ Они едино суть (Іоан. 17, 21. 23). Къ этому направлено все домостроительство спасенія, все совершенное Господомъ и св. Апостолами, и совершаемое св. Церковію. Всѣ приготовительные подвиги, о коихъ мы говорили, дѣйствительно, похожи на дѣло Іоанна Предтечи, и не его только, но и всего ветхозавѣтнаго устроенія; а между тѣмъ, они также необходимы, какъ необходимы были Ветхій Завѣтъ и Іоаннъ Предтеча.

Во второмъ — предпослѣднемъ — говорится: „Это же состояніе называется собственно мистическимъ богословіемъ. Это не книжное ученіе. Наставникъ въ немъ Самъ Богъ, и Онъ сообщаетъ Свое ученіе душѣ непосредственно, безъ словъ,—способомъ, который невозможно объяснить словами. Это богословіе есть мистическое не потому, что оно заключаетъ въ себѣ тайны, сокрытыя отъ толпы, но потому, что чувства, возбуждаемыя имъ въ душѣ, и истины, ими раскрываемыя, совершенно несообщимы, и нѣтъ словъ, чтобъ

ихъ объяснить. Это апокалипсическое письмо, которое можетъ прочесть лишь тотъ, кто его получаетъ."

Вотъ тутъ ужъ и фразы и мысли всѣ почти невѣрны. Никто изъ отцевъ и учителей Церкви не называлъ этого состоянія мистическимъ богословіемъ. Такое названіе выдумали мистики, — и выдумали неприлично, ибо не пристало называть такъ состоянія всей духовной жизни, такъ какъ богословствованіе есть дѣло одной умственной стороны. Впрочемъ, это бы еще ничего; но послѣдующія за тѣмъ рѣчи вталкиваютъ въ опасную область мечтательныхъ, льстивыхъ ожиданій чего то необыкновеннаго, какихъ-то откровеній. Откровенія—болѣзнь мистиковъ. У нихъ вся забота объ умовой сторонѣ, и всѣ ожиданія ихъ вращаются около постиженія сокровенныхъ таинъ міробытія; тогда какъ существо дѣла въ духовной жизни — многотрудная работа надъ собою, въ видахъ очищенія сердца отъ страстей. И даже когда это будетъ достигнуто, обѣщается не откровеніе таинъ, а блаженное богозрѣніе (Матѳ. 5, 8). Въ откровеніи Божіемъ передано намъ вполнѣ достаточно о

Богѣ, Божественномъ порядкѣ вещей и о всемъ нужномъ для нашего спасенія. Другихъ откровеній ожидать не слѣдуетъ; онѣ и не даются. Между тѣмъ, однакожъ, эта рѣчь Сперанскаго не во всемъ объемѣ несправедлива. Въ ней невѣрно только то, будто бы сообщаются какія-то необыкновенныя откровенія, истины неизъяснимыя и несообщимыя. По раскрытіи въ насъ царствія, точно, происходитъ нѣчто похожее на откровенія, только не чего либо новаго, а того же, что уже открыто, и что уже извѣстно было намъ по уму, а не по опыту. Тутъ дается сердцемъ ощутить всѣ Божественныя истины, и теоретическія, и практическія, составляющія существо христіанства, или нашего богообщенія въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, благодатію Святаго Духа. И прежде онѣ были вѣдомы, но совсѣмъ не такъ, такъ что незнавшимъ ихъ теперь думается, что они получаютъ нѣчто новое. Это похоже на то, какъ, читая путешествіе, напрягаешься вообразить все по описанію, и думаешь, что все знаешь; а когда придется взглянуть на все своими глазами, то находишь все совершенно новымъ, словно прежде ничего о томъ и не воображалось.

Возьмемъ одну главную мысль. Христіанство, то есть, вѣра въ Господа Іисуса Христа и общеніе съ Нимъ, есть спасеніе или избавленіе насъ отъ рѣшительныхъ золъ, ничѣмъ другимъ неотвратимыхъ. Всѣ это исповѣдуютъ, но только исповѣданіе это до времени есть умовое вѣрованіе: когда же вступитъ кто въ то состояніе, о которомъ рѣчь идетъ, тогда онъ начинаетъ носить въ себѣ чувство спасенія и избавленія. Онъ не только вѣруетъ быть спасеннымъ, но чувствуетъ себя спасеннымъ: все одно какъ утопалъ бы кто, и принятъ былъ на спасительную лодку. Когда придетъ это чувство, тогда самая истина спасенія явится въ новомъ свѣтѣ и въ новой силѣ. Какъ эта истина переходитъ въ чувство, такъ и всѣ другія,—и большія и малыя—всѣ входятъ въ сердце, и обращаются въ существо нашего ума и духа. И всякое такое воспріятіе сердцемъ истины отзывается въ сознаніи новымъ откровеніемъ, словно тутъ только она и узнана. Припомните, какъ игуменъ Парѳеній, до обращенія своего изъ раскола, сто разъ, какъ говоритъ самъ, читалъ въ книгѣ о вѣрѣ, что греческая Церковь и

подъ турецкимъ игомъ сохранила чистоту вѣры,—и все не въ догадку, что это за истина. Но однажды она вошла въ его сердце, и все освѣтила, и мгновенно произвела въ немъ внутренній переворотъ. Я думаю, и всякій испытывалъ, какъ иногда вещь какая нибудь лежитъ передъ глазами, и все не видится; а потомъ вдругъ какъ бы входитъ въ глазъ—глядишь, и недоумѣваешь, откуда она взялась. Тоже совершается и въ духовной жизни: нынѣ одна, завтра другая истина домостроительства нашего спасенія вводится въ сердце и начинаетъ быть чувствуема въ ея истинномъ видѣ, но никакихъ новыхъ откровеній не бываетъ. Вотъ это именно, а не другое что означаетъ и древнее обѣтованіе, что *всѣ будутъ научены Богомъ* (Ис. 54, 13 ср. 1оан. 6, 45). Хорошо сказалъ Сперанскій: „это богословіе есть мистическое не потому, что оно заключаетъ тайны, сокрытыя отъ толпы.“ А вотъ то, что вслѣдъ за симъ говоритъ о раскрытіи истинъ несообщимыхъ, можетъ быть вѣрно развѣ только въ отношеніи къ необыкновеннымъ восхищеніямъ, въ какомъ, напримѣръ, былъ Апостолъ Павелъ. Сказать же, чтобъ это было

свойственно обыкновенному теченію духовной жизни и всѣмъ вообще — и неумѣстно, и опасно.

Оговорить это счелъ я нужнымъ противъ мистиковъ, которые живутъ въ области мечтательныхъ и обманчивыхъ ожиданій. Въ этомъ настроеніи они распаляютъ свое воображеніе до того, что иногда имъ кажется, будто имъ даются откровенія: правда, иногда они и видѣнія видятъ, но эти видѣнія суть только призракъ, а не самое дѣло.

Этимъ и покончимъ мы разборъ перваго письма, который немного протянулся ради того, что касался важнѣйшаго предмета, и что намъ самимъ надлежало опредѣленнѣе высказать тѣ понятія, которыя считаемъ истинными.

Письмо восьмое.

Во второмъ письмѣ Сперанскій показываетъ, что принесло ему новое состояніе раскрытія въ немъ благодатнаго царства, и предлагаетъ своему другу легчайшій способъ—какъ и ему достигнуть поскорѣе того же блага, ко-

ротко намекая въ первыхъ и послѣдующихъ строкахъ—и о томъ, что было прежде.

Сперанскій начинаетъ такъ: „сомнѣніе и внѣшняя религія суть два пути къ благочестію.“

Вы скажете: какъ же это? Сомнѣніе не даетъ идти; внѣшняя религія, пока она только внѣшняя, не идетъ, а стоитъ на одномъ мѣстѣ, или ходитъ около. А между тѣмъ, въ словахъ этихъ истина. Припомните, какъ идетъ у насъ обычно дѣло жизни. Родившись естественно, почти тотчасъ мы отраждаемся благодатно въ купели крещенія и становимся членами Церкви. Насъ носятъ только въ церковь, причащаютъ, и дома не удаляютъ отъ того, когда совершаются какія либо священнодѣйствія и молитвы. Потомъ, ставъ на ноги, мы ростемъ въ порядкѣ религіозной христіанской жизни, и навыкаемъ всему, что обычно дѣлаютъ всѣ христіане, по требованію Церкви. Въ духъ всего этого мы можемъ входить и не входить, или насъ могутъ вводить и не вводить; но, вступая въ жизнь, или приходя въ возрастъ, мы всегда находимъ, что всѣ пути жизни нашей облечены и ограждe-

ны религіозными порядками, составляющими уставъ Церкви. Вотъ вамъ и внѣшняя религія, если предположить, что все это вы исполняете, хоть и безъ противленія сердца, но и безъ всякихъ особенныхъ мыслей, а потому только, что такъ заведено, и что всѣ такъ дѣлаютъ. Пока такъ идетъ дѣло, вы не видите, какъ всѣ эти навыки благотворны. Вы это ощутите и возблагодарите Бога, что все около васъ такъ есть, когда будете наведены, или сами нападете на убѣжденіе, что Богу надобно кланяться духомъ и истиною, а не однимъ этимъ внѣшнимъ чиномъ,— возблагодарите потому, что какъ только дѣломъ возьметесь за такого рода жизнь, вы, во внѣшнихъ чинахъ Церкви, найдете все къ тому потребное, найдете не только истолкованіе той внутренней духовной жизни, но и всѣ способы къ ея возгрѣванію и поддержанію. Вы начинаете теперь пользоваться всѣмъ разумно, растете и крѣпнете духомъ, пока возрастете до полнаго образованія духовнаго. И вотъ внѣшняя религія стала для васъ путемъ къ истинному благочестію. Въ ней зародилась у васъ духовная жизнь, въ ней воспи-

талась и созрѣла. Она тоже для васъ, что утроба матери для образующагося дитяти, или лоно природы для сѣмени. Зачатое дитя, или пробудившійся ростокъ въ сѣмени вокругъ себя находятъ всѣ элементы, потребные для своего развитія и образованія. И вы нашли все нужное для вашей духовной жизни въ строѣ Церкви, будто бы и внѣшнемъ, но проникнутомъ духовными элементами и силами, — и возрасли духовно. Дитя, образовавшись, выходитъ на свѣтъ; вы, созрѣвши, въ свое время перейдете въ другой міръ, въ отношеніи къ которому теперешнее ваше состояніе тоже, что пребываніе дитяти въ утробѣ матери.

Я нарочно остановился на этомъ предметѣ подолѣе, чтобъ выставить на видъ, какъ грѣшатъ неблаговолящіе къ внѣшнимъ чинамъ Церкви, и какіе замыслы, убійственные для духа, питаютъ тѣ, которые загадываютъ измѣнять эти чины по своимъ собственнымъ вкусамъ. Какъ въ природѣ все устроено такъ, что зараждающіяся новыя поколѣнія вокругъ себя находятъ все потребное для продолженія своего существованія, такъ что если перемѣ-

нить что въ этомъ порядкѣ, то зараждающіеся новички, не находя чѣмъ поддержать свою жизнь, замрутъ и положатъ конецъ продолженію существованія ихъ родовъ и видовъ; такъ и въ области религіозной, новыя поколѣнія людей, во внѣшнемъ чинѣ религіи, находятъ всѣ элементы, потребные для жизни по вѣрѣ, и образуются въ семъ духѣ,—и измѣнять этотъ внѣшній чинъ, или отмѣнять что либо въ немъ, по своимъ соображеніямъ, значитъ лишать духовную жизнь поддержки и убивать ее въ зародышѣ. Въ нашей Церкви существо внѣшняго чина составляютъ св. таинства, дающія благодать, и разнообразное преподаваніе слова Божія, просвѣщающаго всѣхъ,—два существенные возбудителя и зародителя духовной жизни; прочія священнодѣйствія и молитвословія раздуваютъ искру духовной жизни, полагаемую ими; все же въ совокупности проникнуто истинами вѣры и духомъ жизни о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ. Войдите только въ это внутреннее,—и вы увидите, сколько тутъ свѣта и жизни. Сперанскій вошелъ, открылъ нѣчто отрадное, и возрадовался, какъ говоритъ ниже.

Видите, какъ внѣшняя религія служитъ путемъ къ истинному благочестію. Но какъ ведетъ къ тому же сомнѣніе,—порожденіе немощи человѣческаго ума и сердца, могущее убить всякій зародышъ духа жизни? Сперанскій напоминаетъ этимъ о нравственномъ состояніи, предшествовавшемъ тому моменту, когда образовалась въ немъ рѣшимость работать Богу въ духѣ, и именно о своемъ только состояніи; у другаго оно можетъ имѣть другой видъ, или у всякаго свой. Дѣло въ томъ, что, какъ я полагаю, никто еще не вступалъ въ такую рѣшимость, не перешедши чрезъ глубокія нравственныя тревоги,—по крайней мѣрѣ, никто такъ искренно не совершаетъ сего, какъ тотъ, кто испыталъ такія тревоги. Но эти тревоги бываютъ не одного рода. Сперанскаго тревожили сомнѣнія, по его умовому характеру; другихъ мучатъ тревоги совѣсти; иныхъ тревоги сердца,—и все это въ разныхъ видахъ и оттѣнкахъ. Болѣзненныя тревоги заставляютъ искать способовъ прогнать ихъ и возвратить себѣ возмущенный покой. Руководство къ тому всегда готово, говоря словами Сперанскаго, во

внѣшней религіи, или, точнѣе, въ строѣ Церкви. Искренно подчинившійся сему руководству тотчасъ находитъ искомое и вступаетъ въ спасительный путь жизни, ведущей къ общенію съ Господомъ, Который всѣмъ обремененнымъ тревогами обѣтовалъ: *пріидите ко Мнѣ, и Азъ упокою вы* (Матѳ. 11, 28).

Послѣ сего, само собою понятно то, что дальше говоритъ Сперанскій: „имѣвъ счастіе пройти эти пути, находишься, или, точнѣе, считаешь себя внутри храма,—сознаешь, что есть религія внутренняя, богопочтеніе болѣе чистое, и радуешься этому открытію.“

„Остановимся немного,“ продолжаетъ Сперанскій, „на оцѣнкѣ этого состоянія, посмотримъ, какой оно доставляетъ намъ *свѣтъ*, какія возбуждаетъ *чувства* и какое вліяніе производитъ на наши дѣйствія.“

Остановимся и мы съ нимъ, и прежде, чѣмъ коснемся его рѣчей, скажемъ нѣсколько своихъ мыслей о томъ же. Отличительная черта состоянія, когда раскрывается царствіе Божіе внутрь, или, что тоже, когда затепливается неотходный духовный огнь въ сердцѣ изъ отношенія къ Богу, есть *внутрь—пребываніе*. Со-

знаніе все сосредоточивается въ сердцѣ и стоитъ предъ лицемъ Господа, изливая предъ Нимъ свои чувства, болѣе же всего болѣзненно припадая къ Нему въ смиренныхъ чувствахъ покаянія, съ сопричастною готовностію весь животъ свой посвящать на служеніе Ему единому. Такой строй устанавливается каждодневно, съ минуты пробужденія отъ сна, держится весь день, при всѣхъ трудахъ и занятіяхъ, и не отходитъ, пока сонъ не смежитъ очи. Вмѣстѣ съ образованіемъ такого строя, прекращается все нестроеніе, которое качествовало внутри до этого момента, въ періодъ исканія, въ это переходное состояніе томленія, какъ называетъ его Сперанскій ниже, въ этомъ же письмѣ. Неудержимое броженіе мыслей прекращается; атмосфера души становится чистою и безоблачною: стоитъ одна мысль и память о Господѣ. Отсюда *свѣтлость* во всемъ внутреннемъ. Все тамъ ясно; всякое движеніе замѣчается и достойно оцѣнивается, при умномъ свѣтѣ, исходящемъ отъ лица Господа созерцаемаго. Вслѣдствіе сего, всякій недобрый помыслъ и недоброе чувство, приражающіеся къ сердцу, въ самомъ зародышѣ

встрѣчаютъ сопротивленіе, и прогоняются. Тутъ исполняется то, что совѣтуетъ Филоѳей Синайскій: „отъ утра стань у входа сердца, и именемъ Іисусовымъ поражай подступающихъ враговъ.“ Это прогнаніе недобраго можетъ быть мгновенно, но можетъ длиться часы, дни, мѣсяцы и годы; между тѣмъ, существо дѣла всегда одно, именно то, что ничто недоброе не допускается въ сердце, а встрѣчаетъ рѣшительный отпоръ съ минуты сознанія недоброты его, и гнаніе его не прекращается, пока совершенно не упразднится отъ него сердце. Вслѣдъ за симъ, что ни думается, что ни чувствуется, что ни желается, что ни говорится и ни дѣлается,—думается, чувствуется, желается, говорится и дѣлается, по точному сознанію, что все такое не оскорбляетъ неотступно созерцаемаго Господа, благоугодно Ему и сообразно съ Его волею. Если же противъ воли и проскользнетъ что либо противное, тотчасъ смиренно исповѣдуется Господу и очищается внутреннимъ покаяніемъ или внѣшнимъ исповѣданіемъ, такъ что совѣсть всегда хранится чистою предъ Господомъ. Въ награду за весь такой внутренній

трудъ подается дерзновеніе къ Богу въ молитвѣ, которая и теплится непрестанно въ сердцѣ. Теплота молитвы непрестанная есть духъ этой жизни, такъ что, съ прекращеніемъ сего теплѣнія, прекращается и движеніе духовной жизни, какъ съ прекращеніемъ дыханія прекращается жизнь тѣлесная.

Этими немногими словами сказано все, что приноситъ съ собою водвореніе внутрь царствія, или, другими словами, блаженный огнь, возгарающійся наконецъ въ сердцѣ; этимъ же опредѣляется и существо истинной духовной жизни, или ея существенныя отправленія. Не вдругъ, конечно, все это является въ свойственной силѣ,—бываютъ и уклоненія, и ошибки, и ослабленія: но въ виду имѣется именно это, съ тѣхъ поръ, какъ умъ сочетавается съ сердцемъ, и, утвердясь внутрь, становится на службу предъ лице Господа. Объ этомъ и хотѣлъ говорить Сперанскій; но высказался, не какъ слѣдуетъ, ограничиваясь немногими намеками, и описывая болѣе нестроенія, свойственныя предыдущему состоянію. Сдѣлалъ же такъ Сперанскій потому, что, какъ я полагаю, такія рѣчи понятнѣе были другу его,

еще не дошедшему до того, до чего дошелъ уже Сперанскій.

Письмо девятое.

Положивъ разсмотрѣть свое новое состояніе со стороны умовой, сердечной и дѣятельной, вотъ что говоритъ Сперанскій въ первомъ отношеніи:

„Разсматривая съ нѣкоторою строгостію сумму свѣдѣній, которыми обладаешь въ этомъ состояніи, находишь, что всѣ они сводятся къ одной истинѣ, а именно, къ той, что *Іисусъ Христосъ въ насъ*, — истина конечно великая, но которая можетъ остаться безплодною, если она не обратится въ чувство преобладающее, и останется невоздѣланною.“

Это онъ намекнулъ на то, какъ умъ стоитъ въ сердцѣ предъ Господомъ, въ томъ убѣжденіи или чувствѣ, что Онъ тутъ есть, видитъ, слышитъ и внимаетъ. Воздѣлывается это умнымъ въ сердцѣ молитвеннымъ обращеніемъ къ Господу, пока это не станетъ преобладающимъ чувствомъ; а оно становится таковымъ вмѣ-

стѣ съ зарожденіемъ того состоянія, о которомъ идетъ рѣчь. Вмѣстѣ съ этимъ, туманъ внутренній разсѣевается, и тамъ становится все свѣтло отъ Господа созерцаемаго, Который есть свѣтъ. Вотъ на это онъ и намекнулъ; а что далѣе слѣдуетъ, то относится къ предыдущему состоянію исканія и томленія.

„Въ такомъ случаѣ (то есть, пока не воздѣлано это умное видѣніе Господа въ сердцѣ) все ограничивается чтеніями, воспроизводящими предъ нами туже истину подъ разными точками зрѣнія, то есть, обращаешься постоянно въ томъ же кругу мыслей, вѣрныхъ по сущности, но безплодныхъ въ своемъ приложеніи.“

Сознавъ, въ чемъ существо жизни христіанской, и не находя ея въ себѣ, умъ начинаетъ работать, чтобъ добиться до того, читаетъ, размышляетъ, бесѣдуетъ. При этомъ, та истина, что жизнь зависитъ отъ сочетанія съ Господомъ, представляется въ разныхъ видахъ и обсуждается, но все еще остается далекою отъ сердца, еще не ощущается; отъ того и плода не приноситъ. Мысли неудержимо бродятъ и колеблютъ нерѣдко самыя

основанія жизни. Главное, что въ этомъ состояніи томитъ и тревожитъ, это то, что всѣ истины вѣры, будучи содержимы только познавательною стороною, подвержены въ ней нападенію недоразумѣній, сомнѣній и невѣрія. Только когда преобладающимъ чувствомъ станетъ ощущеніе спасенія въ Господѣ (что бываетъ современно съ зарожденіемъ состоянія, о которомъ идетъ рѣчь), истины св. вѣры начнутъ, одна за другою, переходить въ сердце, и, обращаясь въ сокъ и кровь, отстранять напередъ всякую возможность недоумѣній и сомнѣній. Послѣ сего, можете слышать тысячи возраженій,—сердце не поколеблется; ибо оно ощущаетъ, что все воистину такъ есть, какъ исповѣдуется. До того же времени, вотъ что бываетъ, какъ хорошо описываетъ далѣе Сперанскій.

„Увѣряешь себя, что все подвигаешься впередъ, и, по естественному заблужденію, изъ разнообразія точекъ зрѣнія заключаешь, что расширяешь и умножаешь свои свѣдѣнія; между тѣмъ великіе вопросы о воплощеніи, о страданіяхъ, о смерти, о воскресеніи Іисуса Христа остаются неразрѣшимыми, или ста-

раешься согласовать ихъ посредствомъ аллегорическихъ толкованій и системъ, болѣе или менѣе остроумныхъ, и если въ концѣ концевъ еще не находишься погруженнымъ въ сомнѣнія,—увѣряешь себя, что ходишь въ сумракѣ вѣры: это великое слово, дурно понятое и еще хуже приложенное, отвѣчаетъ на все, и успокоиваетъ на счетъ всего."

Больше, или меньше, но всѣ испытываютъ это, особенно изъ тѣхъ, которые заняты науками, и, слѣдовательно, развиваютъ въ себѣ болѣе познавательную сторону. Жалки всѣ пріемы для успокоенія ума, придумываемые тѣми, которые вступаютъ въ область вѣры, безъ смиренной покорности вѣрѣ, съ самонадѣянною увѣренностію все понять и уяснить! Недоумѣніе за недоумѣніемъ роптся въ умѣ, и самъ же онъ снѣшитъ устранять ихъ своими способами: но что ни придумываетъ,—удовлетворенія не встрѣчаетъ. И всегда будетъ такъ, пока сердце опытно не ощутитъ истинности всѣхъ истинъ св. вѣры. Тогда всѣмъ колебаніямъ и недоумѣніямъ конецъ; тогда душа успокоивается на лонѣ вѣры, и

свѣтъ Божій прочно озаряетъ все внутреннее. Впрочемъ, объ этомъ уже поминалось.

Тоже у Сперанскаго и въ отношеніи къ чувству: онъ только намекнулъ на то, что бываетъ въ этомъ состояніи, а больше говоритъ о немъ, какъ оно бываетъ въ состояніи предыдущемъ. Въ этомъ состояніи, въ сердцѣ теплится молитва и даетъ силу отражать всѣ суетныя приражения. И въ предыдущемъ состояніи была молитва (трудовая), но сердце почти постоянно было холодно, и развѣ-развѣ когда подвигалось на теплую и усердную молитву. Теперь напротивъ—теплота молитвенная не отходитъ, а только кое-когда нападаетъ охлажденіе, которое скоро прогоняется терпѣливымъ пребываніемъ въ порядкахъ и занятіяхъ, возбуждающихъ чувство. Есть большая разность и въ отношеніяхъ сердца къ суетнымъ и страстнымъ приражениямъ,— кто отъ нихъ свободенъ! — но въ предыдущемъ состояніи они входили въ сердце, совосхищали его, и будто силою брали сочувствіе: отъ того хоть дѣлъ грѣшныхъ не было и тамъ, но сердце рѣдко оставалось свободнымъ отъ осквернения соуслажденіемъ грѣхов-

нымъ. И теперь подходятъ тѣже приражения; но у входа сердца неотходно стоитъ стражъ— вниманіе, и именемъ Господа Іисуса отражаетъ сихъ враговъ. И только когда-то когда врагъ воровски успѣваетъ заронить сласть такую, которая, впрочемъ, тотчасъ замѣчается, извергается и очищается покаяніемъ до того, что и слѣда ея не остается. Таковъ обычный строй сердца въ состояніи, о которомъ идетъ рѣчь. Посмотримъ теперь, что далѣе говоритъ Сперанскій.

„Молитва становится кротче или горячѣе, или независимѣе, то есть, изъ словесной она обращается въ умную.“

Да, это такъ и есть. Обращается не въ умную только, но вмѣстѣ и сердечную, и становится умно-сердечною или сердечно-умною. Сердце молится, и умъ держитъ во вниманіи и молитвѣ. Но что предъ этимъ сказано: „внимательное прилежаніе къ благочестивому чтенію естественнымъ образомъ производитъ измѣненіе въ молитвѣ,“ то есть, будто измѣненіе въ молитвѣ происходитъ отъ внимательнаго чтенія, — это сюда нейдетъ Благочестивое чтеніе въ предыдущемъ состоя

нiи предрасполагаетъ къ молитвѣ, или даетъ матеріалъ для нея: но въ этомъ состоянiи молитва держится сама, исходя изъ всего внутренняго строя и держась на немъ. Тутъ она все держитъ и всему даетъ движеніе и жизнь — и чтенію, и разсужденію помысловъ, и всякому благомыслію и благожеланію, ибо становится дыханіемъ жизни духовной. Равнымъ образомъ, и то, что говорится вслѣдъ за тѣмъ, сказано такъ, что скорѣе идетъ къ предыдущему состоянію, чѣмъ къ этому. Именно, тамъ сказано: „Вскорѣ настаютъ охлажденія, уклоненія и разсѣянности, слѣдовательно, и тревоги; знаешь, что это внутренніе кресты, и стараешься нести ихъ по мѣрѣ силъ; но не сможешь скрыть отъ себя и свою бѣдность благодатію, и все, что можешь сдѣлать, это — не оставлять пути, по которому идешь. Гордость болѣе, можетъ быть, всякаго другаго побужденія удерживаетъ насъ на немъ.“

Охлажденія бываютъ и въ этотъ періодъ неотходной теплоты сердца отъ внутрьпребыванія предъ лицемъ Господа, но не характеризуютъ его. Онѣ здѣсь случайны: тогда какъ въ предыдущемъ состоянiи, въ переходномъ

періодѣ исканія, эти расхищенія ума, блужданія помысловъ, холодность или дебелость сердца постоянны. Только въ минуты благодатнаго влеченія внутрь улегаются волны мыслей и умягчается немного сердце; но какъ только кончится это, опять начинается тоже. И это до тѣхъ поръ, пока не зародится настоящая внутренняя жизнь, первое благо которой есть неотходная теплота сердца и умиреніе помысловъ. Испытывать это скорбно, но силъ совладать собою все же нѣтъ: и ничего не остается, какъ, трудясь надъ собою по силѣ, терпѣливо ждать, когда присѣтитъ Господь. Надежда получить отъ милостиваго Господа искомое и держить въ начатомъ пути, но ужъ никакъ не гордость. Гордость отгоняетъ благодать Божію, и причиняетъ отступленіе помощи свыше, могущее сопровождаться гибельными послѣдствіями. Гордость можетъ еще держать въ исправности внѣшнее поведеніе; но чтобъ она располагала къ трудамъ на стяжаніе внутренняго совершенства,— никогда! Напротивъ, при первомъ шагѣ внутрь, надо будетъ вооружиться на нее саму. А если этого не будетъ, то и успѣха не будетъ, потому

что гордость есть отрицаніе всякой помощи свыше; а безъ нея всѣ наши усилія—ничто.

„При всемъ внутреннемъ убѣжденіи, говорится далѣе, въ обязанности смиренія, на дѣлѣ спотыкаешься на каждомъ шагу, и самый осторожный проводитъ жизнь скорѣе въ томъ, что сознаетъ свои паденія, чѣмъ въ томъ, что ихъ избѣгаетъ. Дорожишь всѣмъ, а между тѣмъ чувствуешь, что отъ всего слѣдуетъ отрѣшиться. Такимъ образомъ, относительно всѣхъ чувствъ, наиболѣе существенныхъ для благочестія (говорю о молитвѣ, о смиреніи и объ отрѣшеніи), живешь почти въ постоянномъ противорѣчіи.“

Обѣ эти черты — самомнѣніе и дорожаніе всѣмъ—качествуютъ въ предыдущемъ состояніи,—и не они одни, а и всѣ прочія недобрыя чувства и страсти живутъ въ сердцѣ, тамъ спрятаны и изъ него выходятъ, когда искушаютъ. Отъ того и противорѣчіе или постоянный разладъ съ собою; умъ и сознаніе требуютъ одного, а сердце держитъ свое. Въ состояніи же благодати или ощутимаго богообщенія все страстное и неправое извергается изъ сердца: тамъ вселяется благодатный

огнь и начинаетъ пережигать все наше естество изъ средоточія его. Дурные помыслы и страсти уже не изъ сердца исходятъ, а нападаютъ со внѣ и искушаютъ, ища пробраться опять внутрь, но всегда бываютъ отражаемы.

Что касается до указанныхъ здѣсь чувствъ, то именно на совершеномъ ихъ погашеніи и созидается истинно духовная, внутренняя жизнь. Только тогда, когда невозвратно отходитъ всякая самонадѣянность и самоувѣренность, эти чада гордости, всякое дорожаніе чѣмъ либо и всякая надежда на что либо, кромѣ Бога,—только тогда и открывается доступъ къ намъ Божію вседѣйствію, возжигающему въ сердцѣ огнь жизни о Господѣ.

Вотъ что, наконецъ, говорится о *дѣйствіяхъ*: „Поведеніе, вообще, становится правильнѣе, совѣсть чувствительнѣе; слабости представляются пороками, пороки преступленіями.“

Это рѣшительно такъ. Неотходно стоя умомъ въ сердцѣ предъ лицемъ Господа, человѣкъ всякое свое дѣло, и внутреннее и внѣшнее, со всѣми соприкосновенностями, обсуждаетъ такъ, чтобъ оно вполнѣ было угодно Господу зримому. Страхъ Божій—предсѣдатель въ этомъ

судѣ; разсужденіе помысловъ—дѣлопроизводитель; совѣсть — судія, полагающій окончательное рѣшеніе. Засѣданіе этого внутренняго совѣта непрерывно. Потому-то у такого человѣка всѣ дѣла совершаются не иначе, какъ по вѣрному сознанію воли Божіей на нихъ—велики ли онѣ, или малы. Ничто не дѣлается какъ попало; внутри идетъ трезвенное и осмотрительное самоуправленіе. Господь, возобладавшій сердцемъ, даетъ на то силу человѣку. И онъ силенъ бываетъ не только противостоять внѣшнимъ обстоятельствамъ, но и теченію внутреннихъ измѣненій и движеній. Свойство царствія Божія таково, что человѣкъ, возъимѣвшій Бога Царемъ своимъ, самъ воцаряемъ бываетъ надъ собою и всею своею жизнію, и все обращаетъ въ способъ богоугожденія. А до этого что бываетъ?

„Не углубляешься, пишетъ далѣе Сперанскій, достаточно въ сердце; признаешь себя за великаго грѣшника, но въ тоже время говоришь себѣ: „таковъ человѣкъ,“ и, обобщая такимъ образомъ свою испорченность, умаляешь ее хитрыми изворотами своего самолю-

бія, скрываешь ее отъ себя и живительный огнь раскаянія лишь скользитъ по язвѣ. Это самое плачевное заблужденіе!“

Но какъ этому и быть иначе? Не установился внутри, ну и не видишь, что такое тамъ дѣется, и какъ дѣется. Тамъ все течетъ само собою, безъ удержи и самовластнаго направленія, а вслѣдъ за тѣмъ и вовсе внѣ такъ дѣлается, какъ поведутъ обстоятельства. Отъ такого механизма жизни, неправости не замѣчаются, развѣ ужъ рѣзкія какія и большія, какъ бревно; а не будучи замѣчаемы, не вызываютъ раскаянія и заботы объ исправленіи, — и живетъ человѣкъ какъ живется. Хоть и положилъ онъ намѣреніе жить, какъ слѣдуетъ, да совладать-то съ собою силъ не имѣетъ.

Объяснивъ, какое вліяніе имѣетъ благодатное состояніе на всѣ отправленія внутренней жизни, Сперанскій дѣлаетъ теперь общій изъ того выводъ. Но какъ самое объясненіе у него болѣе уклонялось къ предыдущему состоянію исканія, такъ тоже состояніе характеризуетъ и общій выводъ.

„Подведемъ, говоритъ онъ, итоги: мало

свѣта, безпрестанное противорѣчіе въ чувствахъ, много нечистоты въ дѣйствіяхъ: таково это состояніе, которое я называю *состояніемъ томленія*. Томленіе—истинное ему названіе, ибо чувствуешь себя неспособнымъ отступить, слишкомъ слабымъ, чтобъ идти впередъ, и, однакожъ, несчастнымъ, оставаясь на мѣстѣ. Сидя около купели, проводишь года, восклицая: „человѣка не имамъ.“ О, когда придетъ спасеніе Израилево, чтобъ бросить насъ въ эту живительную купель! Какимъ образомъ Онъ, принятый нами въ себя, даетъ намъ томиться такимъ образомъ? Онъ внутри насъ; но насъ самихъ тамъ нѣтъ. Итакъ, нужно намъ туда вернуться. Довольно читать,—нужно дѣйствовать; довольно глядѣть, какъ ходятъ другіе,—надобно ходить самому.“

Къ этимъ прекраснымъ мыслямъ и внушеніямъ нечего прибавить. Хочешь внутренней жизни,—войди внутрь. Но какъ войти,—объ этомъ мы поговоримъ въ слѣдующемъ письмѣ.

Письмо десятое.

Какъ войти внутрь, объ этомъ было уже говорено. Можно бы прибавить только: устройся такъ, и держись этого строя терпѣливо, ожидая Божія посѣщенія. Милостивъ Богъ,—получишь несомнѣнно, только въ часъ, въ который и не чаешь, ибо оно не приходитъ съ усмотрѣніемъ. Но наше вниманіе должно останавливаться на томъ, что говоритъ объ этомъ Сперанскій. Припомните, что онъ уже касался этого предмета въ первомъ письмѣ, но не высказался вполнѣ. Тамъ онъ упомянулъ о послѣднемъ условіи къ полученію сего дара, а здѣсь говоритъ объ образѣ перваго вступленія въ путь, ведущій къ тому,—такомъ образѣ, которымъ можно измѣрять шаги впередъ на этомъ пути. Именно онъ говоритъ объ удаленіи по временамъ отъ міра для того, чтобы поглубже заняться собою, объ исповѣди и причащеніи. Хоть эти три дѣйствія онъ называетъ тремя шагами, но въ практикѣ нашей Церкви это одно дѣло—*говѣніе*.

Что за дивное у насъ учрежденіе—это говѣніе! Хочетъ-не хочетъ человѣкъ, но глубже займется собою и усерднѣе припадетъ ко Господу; а тутъ, невѣдомо какъ, у одного засѣменяется рѣшеніе исправить свою жизнь, у другаго зарождается забота отъ внѣшней исправности перейти къ внутренней, у третьяго возгарается огнь внутренней предъ Богомъ жизни; далѣе — поддерживается и усиливается этотъ огнь строгимъ исполненіемъ сего же учрежденія, во всѣ положенные у насъ посты, и кромѣ ихъ.

Сказавъ, что надо войти внутрь предъ Господа, Сперанскій опредѣляетъ шаги туда. „Первый шагъ, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, чтобы войти въ самого себя (удалясь отъ міра); второй шагъ есть раскаяніе; третій—причащеніе.“

Иначе сказать: брось всѣ дѣла на время, пересмотри всю свою жизнь, отвратись отъ всего худаго, оплачь то, что слѣдуетъ оплакать, и, положивъ намѣреніе ходить по заповѣдямъ непорочно, очисти себя покаяніемъ; затѣмъ чашу спасенія пріими, чтобъ искреннѣе соединиться съ Господомъ. Обновившись

такимъ образомъ, ты съ новыми силами опять вступишь въ порядокъ своей жизни, на труды о спасеніи, соотвѣтственно степени твоего духовнаго преспѣянія. Выносится изъ этого чина говѣнія не всѣми одно: одни выносятъ рѣшимость жить исправно, другіе—ревность о внутренней жизни, третьи—огнь этой жизни, или поддержаніе и усиленіе его. Сперанскій говоритъ о говѣніи вообще, не ограничивая его какимъ либо особымъ состояніемъ духа, хоть по ходу рѣчи видно, что онъ чаетъ отъ этого для друга своего зарожденія внутрьпребыванія предъ Господомъ.

Всѣ дѣйствія, входящія въ составъ говѣнія, такъ хорошо опредѣлены у Сперанскаго, что намъ остается только переписать ихъ здѣсь, лишь кое-гдѣ прибавляя нѣсколько пояснительныхъ словъ.

„*Удаленіе отъ міра.* Быть одинокимъ*) среди міра есть принадлежность существъ совершенныхъ, на которую мы не должны имѣть притязанія**). Періодическія удаленія необходи-

*) Лучше, уединеннымъ въ себѣ, собраннымъ въ сердцѣ.

**) Утвердившіеся во внутренней жизни сильны на то, но прописываемое по временамъ удаленіе отъ міра, или уединеніе, и имъ необходимо.

мы. Посвятите одну, двѣ недѣли на удаленіе, хочу, сказать на самое строгое одиночество*). Странность, приличія, — все это вздоръ, въ сравненіи съ спасеніемъ**). Употребите это время единственно на то, чтобъ разсматривать самого себя, безъ всякой примѣси теоретическихъ размышленій. Довольно вы размышляли: пора вамъ себя обсудить. Производите надъ собою слѣдствіе, съ трехъ главныхъ точекъ: гражданской, нравственной и религіозной***). Недостаточно осудить себя въ общихъ

*) У насъ обычно говѣніе ведется недѣлю, или шесть дней, и достаточно. Временное удаленіе отъ міра требуетъ прекращенія житейскихъ дѣлъ и сношеній. У насъ всего удобнѣе, — особенно, если говѣніе предпринимается не въ постъ наряду съ другими, — удалиться въ какую либо благоустроенную обитель. Тамъ легче забыть все и заняться только дѣломъ спасенія: ибо для возгрѣванія духа необходимы и церковная служба, и душеполезное чтеніе, и назидательная бесѣда. Строгое одиночество, даже временное, тому, кто еще не умѣетъ править своимъ внутреннимъ, неполезно.

**) Если говѣть въ посты, не будетъ никакой странности, и не окажется никакого опущенія приличій. Къ сожалѣнію, обычай — говѣть въ посты становится все болѣе и болѣе чуждымъ нашему обществу, особенно образованному. Это достойно сожалѣнія, ибо обличаетъ нерадѣніе о спасеніи, а то и еще болѣе—невѣріе.

***) Разсматривать себя безъ пособія трудно, особенно на первый разъ; надо имѣть подъ руками книжку въ руководство. Всего проще, возьми чинъ исповѣданія и просматривай себя

чертахъ (великая ошибка обыкновенныхъ исповѣдей)! — нужно спуститься до малѣйшихъ подробностей; нужно имѣть храбрость взглянуть въ лицо всѣмъ безобразнымъ формамъ своего беззаконія *). Я слишкомъ полагаюсь на благость нашего Спасителя, и на благодать, уже пребывающую въ насъ, чтобъ не надѣяться, что взглядъ вашъ не будетъ отведенъ изворотами самолюбія, и что вы будете имѣть достаточно силъ, чтобъ увидѣть себя таковымъ, какъ вы есть**). Не выходите изъ

по нему. Кромѣ сего, читай Евангеліе и посланія Апостольскія тамъ, гдѣ изображаются характеристическія черты христіанской жизни. Но поелику мы стоимъ на переходѣ къ внутренней жизни, то всего пригоднѣе взять въ руки отеческія писанія объ этомъ. Лучше всѣхъ въ этомъ отношеніи Лѣствица св. Іоанна Лѣствичника.

*) Стороны разсмотрѣнія суть: 1) дѣла или факты; 2) лежащія подъ ними чувства и расположенія, изъ коихъ каждое можетъ быть выражаемо множествомъ фактовъ, иногда разновидныхъ; и 3) главное, — общій духъ всей жизни: кому служимъ — себѣ, міру, или Богу. Когда обращаются только еще отъ грѣха къ добродѣтели, тогда разбираются и въ глаза болѣе мечутся дѣла или факты; когда хотятъ перейти отъ внѣшней исправности къ внутренней, тогда разбираютъ и отыскиваютъ болѣе чувства и расположенія; а послѣ сего, стараются опредѣлить болѣе общій духъ жизни, духъ самоотверженнаго, исключительнаго богоугожденія. Но осматривать эти стороны должно всегда и всѣмъ.

**) Надобно усердно молить о семъ Господа, прося у Него

этого горнила прежде, чѣмъ когда вы убѣдитесь, что злодѣй, влекомый въ темницу и терзаемый публичною казнію. есть нѣкотораго рода святой *) въ сравненіи съ нами, людьми добра и внутренняго благочестія, которые имѣемъ притязанія **) на благодать и на об-

---

просвѣщенія, чтобъ увидѣть себя. Какъ помогаетъ въ этомъ отношеніи откровенная бесѣда съ своимъ духовнымъ отцемъ прежде самой исповѣди! Ее можно рекомендовать всякому, коль скоро есть возможность устроить ее.

*) Поменьше распалять воображеніе. Вѣдь это поведетъ только къ минутнымъ движеніямъ, какъ парламентскія рѣчи, хоть конечно сравненія и образы могутъ помочь въ усмиреніи самолюбія и разогнаніи его обольщеній. Главное, вадобно позаботиться образовать глубокое и прочное чувство и убѣжденіе въ своемъ непотребствѣ и безотвѣтности предъ Богомъ. Тутъ не будетъ времени опредѣлить — есть ли кто грѣшнѣе. Надобно поставить предсѣдателями этого суда страхъ Божій, съ сознаніемъ неумолимаго правосудія Божія. Онъ разбудитъ и оживитъ совѣсть, и съ нею пройдетъ до раздѣленія души же и духа, членовъ же и мозговъ, т. е., по всѣмъ исходищамъ и путямъ нашихъ дѣлъ, и осудитъ самыя сокровенныя помышленія сердца.

**) Не та фраза: не притязанія, а самое дѣло. О всякомъ должно сказать, что онъ получилъ благодать возрожденія въ св. крещеніи, печать дара Духа Святаго въ муропомазаніи, получалъ не разъ благодать разрѣшенія отъ грѣховъ въ таинствѣ покаянія и благодать тѣснѣйшаго общенія съ Господомъ въ таинствѣ причащенія. То-то и обличительно, что не только естественные, но и всѣ эти благодатные дары попираются грѣхомъ и грѣхолюбивыми расположеніями.

щеніе съ Іисусомъ Христомъ (вы легко проникнитесь этою истиною, вмѣстѣ горькою и спасительною). При этомъ разборѣ слѣдуетъ остерегаться одного камня претыканія: судя себя, не слѣдуетъ судить другихъ,—слѣдуетъ держаться своей личности и предоставлять всѣ сравненія Тому, Кто вѣдаетъ сердца *).

„*Раскаяніе*“**). Когда чувствуешь себя проникнутымъ, растерзаннымъ въ сознаніи своего беззаконія, тогда понимаешь впервые, что такое раскаяніе. *сердце сокрушенное* не есть

*) Когда Богъ даетъ сокрушеніе, тогда никто не придетъ на умъ стороній, кромѣ себя. Но чтобы сокрушеніе пришло, надобно тереть сердце. Трется оно молитвою. Надо много молиться, и въ церкви, и дома; наибольшую часть говѣнія надо посвящать молитвѣ. Какъ многопомощно въ этомъ отношеніи бдѣніе, или хоть умаленіе сна! (Достаточно вставать къ утрени). Оно дастъ умиленіе—преддверіе сокрушенія.

**) Это второе дѣло говѣнія. Одно слово — „раскаяніе“ не выражаетъ его вполнѣ. Надо разумѣть при семъ и *исповѣдь*. Вѣрнѣе было бы такъ и озаглавить. Первое дѣло, сознаніе себя кругомъ *виновнымъ и безотвѣтнымъ* предъ Богомъ, производится помянутымъ уже судомъ надъ собою. Теперь къ тому надобно приложить соотвѣтственныя *чувства раскаянія,* и силою чувствъ дойти до *рѣшимости* — впередъ быть исправнымъ во всемъ, въ чемъ оказался теперь неисправнымъ. Полное дѣло слагается изъ всѣхъ сихъ трехъ моментовъ. Самоиспытаніе и самоосужденіе не полно безъ чувствъ сокрушенія; а сіи послѣднія безплодны безъ послѣдующаго рѣшенія — являть себя впередъ исправнымъ.

выраженіе метафорическое: это истинное и положительное ощущеніе; чувствуешь, какъ оно сокрушается, стирается въ прахъ. Не бойтесь измять его; напротивъ того, разорвите его окончательно *), свидѣтельствуя, такъ сказать публично объ этомъ внутреннемъ

*) Истинное сокрушеніе Богъ подаетъ, и молить Его надобно о семъ всеусердно, не переставая, однакожъ, и своими усиліями вызывать сокрушительныя чувства. *Устыди себя* предъ людьми, ангелами и святыми, *подосадуй на себя* за оплошность, *поскорби* за себя ради потерь, причиненныхъ грѣхомъ, *поболѣй*, что оскорбилъ Бога, не переставшаго изливать на тебя Свои милости и тогда, какъ ты работалъ грѣху, *устраши себя* горькою участію, ожидающею тебя въ будущемъ, и поплачь обо всемъ этомъ, если подастъ Богъ слезы. Сокрушеніе слагается изъ всѣхъ этихъ чувствъ, изъ конхъ каждое, въ настоящей силѣ, тоже для сердца, что ударъ молота для камня. Сокрушился? — благо тебѣ. Но надобно же подумать и о томъ, чтобъ поправить свое горькое состояніе. Это производится рѣшимостію — не ходить болѣе тѣми путями, которые довели до него. Все тутъ въ двухъ словахъ: *согрѣшилъ, не буду*. Этотъ актъ имѣетъ иной смыслъ въ первую исповѣдь, когда отстаютъ отъ грѣха и обращаются на путь добродѣтели; иной въ тотъ періодъ, когда ищутъ внутренней жизни; и иной, когда она утверждается уже. Во второмъ, много помогаетъ этому дѣлу повседневная исповѣдь и откровеніе помысловъ духовному отцу; въ третьемъ, кромѣ сего, поминутное очищеніе себя сердечнымъ покаяніемъ, или непрерывное сокрушеніе и плачъ сердечный. Но во всѣхъ видахъ раскаянія надобно доходить до причинъ уклоненія отъ правоты, и придумывать, какъ чего избѣжать впредь, чтобъ, когда будетъ произноситься: *согрѣшилъ, не буду*, ясно было, что и какъ будетъ дѣлаться потомъ.

раскаяніи, — хочу сказать, исповѣдуясь въ церкви, то есть, священнику, который, въ нѣкоторомъ родѣ, есть представитель, уполномоченный всѣхъ нашихъ вѣрующихъ братій, извѣстныхъ и неизвѣстныхъ, видимыхъ и невидимыхъ, живыхъ и умершихъ, составляющихъ въ смыслѣ мистическомъ и истинномъ, тѣло Іисуса Христа*). Не боюсь утвер-

*) Священникъ, при исповѣди, не есть представитель всѣхъ вѣрныхъ, а носитель (не представитель) власти Господа Іисуса Христа, разрѣшителя грѣховъ нашихъ. Власть вязать и рѣшить вручилъ Господь священству, которое и носитъ ее въ томъ же полномъ значеніи, какъ она есть въ Господѣ. Потому-то священникъ и говоритъ: „азъ недостойный, *властію Его, мнѣ данною*, прощаю и разрѣшаю.“ Въ человѣческихъ обществахъ люди сами себѣ пишутъ законы, и наблюденіе за исполненіемъ ихъ поручаютъ избраннымъ своимъ, въ руки которыхъ даютъ и власть судить и наказывать неисполняющихъ. Тутъ можно сказать, что власти суть представители общества, и его силою дѣйствуютъ; въ Церкви же всѣ заповѣди отъ Господа; члены Церкви, не участвуя въ законодательствѣ, не имѣютъ и судной власти; не имѣя же ея, не могутъ имѣть притязанія и на представительство ея отъ своего лица. Не того ищетъ кающійся, чтобы другіе христіане его простили и извинили, а того, чтобы Господь простилъ и не помянулъ болѣе беззаконій его. Это и дѣлаетъ разрѣшеніе священника силою и властію Господа; оно изглаждаетъ грѣхъ отвсюду, гдѣ бы онъ ни означился. Церковь, какъ союзъ лицъ, похожа на другія общества; но существенно отлична отъ нихъ тѣмъ, что она есть союзъ вѣрующихъ въ Господа, — главу, производителя и сочетателя во едино всѣхъ членовъ Церкви, и душу

ждать, что внутреннее раскаяніе, какъ бы оно ни было горячо, безъ этой форменной исповѣди (развѣ при неодолимыхъ препятствіяхъ) всегда будетъ не полно *).

„*Причащеніе*. Въ причащеніи Іисусъ Христосъ истинно соединяется съ нами. Онъ всегда въ насъ**) (и это присутствіе называется благодатію; вотъ истинный смыслъ этого выраженія, столь мало извѣстный книжникамъ

всего тѣла ея. Это надобно всегда помнить, чтобы ни въ этомъ, ни въ другомъ какомъ либо случаѣ, не переносить на вѣрующихъ силу и дѣйствіе Церкви, которая есть въ ней не отъ ней, а отъ Господа — главы. Сама Церковь, какъ союзъ людей, — ничто. Вся сила ея отъ Господа, чрезъ нее дѣйствующаго.

*) Слова: безъ форменной исповѣди, не хороши. Лучше бы такъ: безъ таинства исповѣди, или безъ словеснаго исповѣданія грѣховъ своихъ предъ священникомъ въ таинствѣ покаянія. Безъ этого, одно внутреннее раскаяніе не только не полно, но и безплодно; оно — пустоцвѣтъ. Благодать потеряна чрезъ грѣхъ; кающійся ищетъ возвращенія ея. Когда священникъ произноситъ разрѣшеніе отъ всѣхъ грѣховъ, то снова отверзается въ насъ дверь для входа благодати, которая тутъ же и исходитъ, и во многихъ случаяхъ очень ощутительно. У многихъ тутъ же зарождается и настоящая внутренняя жизнь, и внутрь пребываніе предъ лицемъ Господа, зачавшись въ этотъ моментъ, уже потомъ не прекращается.

**) Надобно приразумѣвать: пока мы не впадаемъ въ смертные грѣхи, и не болимъ безпечностію и нерадѣніемъ о богоугожденіи и спасеніи. Ибо въ этомъ случаѣ Господь отходитъ, и стоитъ уже внѣ и толцетъ, чтобъ опять войти.

нашего вѣка),—хотя мы Его и не ощущаемъ, но мы должны Его ощущать въ себѣ: и для того, чтобъ возбуждать или оживлять сіе ощущеніе, и установлено св. причастіе *). Тѣ, которые увѣряютъ, что, вслѣдствіе постояннаго непрерывнаго общенія, они могутъ обойтись и безъ этого спеціальнаго сочетанія, заблуждаются глубоко. Ибо, во первыхъ, постоянное общеніе предполагаетъ высокую степень святости, — а кто будетъ достаточно смѣлъ,— чтобъ ее себѣ приписать? Далѣе, предположивъ даже, что существуетъ это непрерывное общеніе, сіе другое, нарочитое и символическое, общеніе лишь оживитъ и усилитъ его. Итакъ, оно во всякомъ случаѣ чрезвычайно полезно и нужно **). Присовокупите

*) Этого мало. Господь Самъ говоритъ объ этомъ сильнѣе: *Аще не снѣсте плоти Сына человѣческаго, ни піете крове Его, живота не имате въ себѣ. Ядый Мою плоть, и піяй Мою кровь во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ* (Іоан. 6, 53. 56). Такимъ образомъ, причащеніе есть дѣло существенное въ христіанской жизни, какъ въ тѣлѣ принятіе каждымъ малымъ членомъ кровавыхъ частицъ существенно въ дѣлѣ жизни его. Ощущеніе живаго съ Господомъ общенія при этомъ можетъ быть и не быть. Это въ рукахъ Господа: какъ Ему угодно, такъ и творитъ. Но въ достойно причащающихся жизнь отъ Господа всегда пріемлется и дѣйствуетъ—сокровенно ли то, или явно.

**) Слова: „безъ *спеціальнаго* сочетанія“ не хороши. Лучше

къ этимъ доводамъ, что ваша церковь представляетъ къ этому упражненію столь великія удобства, что не пользоваться ими непростительно *). Было бы излишне предупре-

---

такъ: безъ этого сочетанія чрезъ богоучрежденное таинство Тѣла и Крови. Равно не точно и „символическое общеніе:“ тутъ не символъ общенія. Лучше бы и здѣсь сказать: общеніе чрезъ таинство тѣла и крови Господнихъ. Отказываться отъ причащенія, ссылаясь на присущее уже общеніе съ Господомъ, могутъ только теоретики, а не практики. Кто самымъ дѣломъ достигъ непрерывнаго общенія съ Господомъ и ощущаетъ Его, тотъ сильнѣе еще, чѣмъ прежде, стремится къ таинству причащенія, — и причащается, какъ только есть возможность. И это не потому только, что причащеніе полезно или сладостно, а потому, что оно есть условіе, безъ котораго нѣтъ духовной жизни, ибо Господь Самъ сказалъ: иначе *живота не имате въ себѣ*.

*) Сперанскій пишетъ къ лютеранину о лютеранской церкви. Въ какой мѣрѣ благодать Божія присуща этой церкви, — не наше дѣло судить. Можетъ быть, здѣсь приложимо слово Господа: *по вѣрѣ вашей буди вамъ*. На сколько вѣруютъ, на столько и получаютъ. Но что говорится объ удобствахъ причащаться въ этой церкви, то надобно бы выразить такъ: „и ваша церковь представляетъ удобства. Въ нашей православной Церкви есть всѣ удобства, но и ваша не лишена ихъ вовсе.“ У насъ церковь Божія всегда открыта, и каждый день вѣрующіе приглашаются — со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступать къ чашѣ Господней. Что не приступаютъ, или рѣдко приступаютъ,— не Церковь виновата, а сами нерадѣющіе о семъ священнѣйшемъ дѣлѣ. Въ обычное время, можетъ быть, иной и не соберется какъ слѣдуетъ; но мы имѣемъ четыре поста, назначенные на это. Въ эти времена очень удобно приготовиться

ждать васъ, относительно другой опасности— сердечной сухости. Вамъ слишкомъ хорошо извѣстно, что кротость и горячность чувства не всегда суть вѣрное ручательство въ умноженіи благодати: напротивъ, она дѣйствуетъ могущественнѣе при внутреннихъ мученіяхъ и крестахъ *).“

Изложивъ весь порядокъ говѣнія, Сперанскій даетъ другу своему нѣсколько уроковъ, примѣнительно къ тому. Уроки эти такого рода, что могутъ идти ко всякому изъ насъ: ими стоитъ заняться.

Письмо одиннадцатое.

Сперанскій продолжаетъ:

„Возвращайтесь, о, возвращайтесь, любез-

къ св. причастію, и причащаться можно въ рождественскій постъ дважды, а въ великій — и трижды, въ успенскій хоть одинъ разъ.

*) Сухость во время говѣнія, или, какъ обычнѣе бываетъ, вялость и безжизненность зависитъ отъ того, что не все исполняютъ, чего требуетъ говѣніе. Одни много умомъ работаютъ, другіе ограничиваются однимъ внѣшнимъ чиномъ говѣнія. Надобно все исполнять, — не удаляться только отъ міра, но и поститься, въ церковь ходить, и дома молиться, читать, размышлять, бесѣдовать съ кѣмъ либо единомысленнымъ. Пе-

ный другъ, къ этимъ тремъ упражненіямъ*), и смѣю васъ увѣрить отъ имени Того, чья радость состоитъ въ жизни и общеніи съ людьми, что Онъ не замедлитъ явиться **). Онъ придетъ излить свѣтъ Свой на вашъ разумъ, очищать чувство ваше, руководить вашими дѣйствіями. Вы ощутите въ себѣ силы, до

реходи отъ одного къ другому, говѣльщикъ будетъ постоянно оживляться, и избѣжитъ сухости.

*) Такъ начинаетъ свое приложеніе Сперанскій. По нашему сказать бы такъ: устройте себѣ почаще говѣніе, со всѣми его принадлежностями, прекращеніемъ житейскихъ дѣлъ, или, въ крайности, и безъ того, пощеніемъ, дѣлами благотворенія, хожденіемъ въ церковь, домашними молитвами, благочестивыми размышленіями, чтеніемъ и бесѣдами, особенно же умною молитвою. Но и промежуточное между говѣніями время надобно такъ проводить, чтобъ не далеко отходить отъ порядковъ, соблюдаемыхъ при говѣніи. При такомъ только постоянствѣ самопринужденія и можно ожидать Божія посѣщенія, по началу, часто повторяемому св. Макаріемъ: „увидитъ Богъ, что ты усердно желаешь и нудишь себя на то,—и дастъ.“

**) Ищущій усердно обрѣтаетъ, по слову Господа: но опредѣленнаго срока тому назначить нельзя. Можетъ статься, что десять говѣній исполнены будутъ, какъ должно, и годы пройдутъ въ усиленныхъ трудахъ надъ собою, а то, что ищется, все еще будетъ искомымъ. Но бываетъ, что оно подается скоро, даже иногда въ тотъ моментъ, когда берется грѣшникъ съ распутій грѣха. Какъ изволитъ Господь, такъ и бываетъ, хоть несомнѣнно и то, что это устроенъ Онъ по соображенію съ нами.

сихъ поръ вамъ неизвѣстныя *). Томленія ваши разсѣются; ибо Онъ придетъ *не въ видѣ мысли, отвлеченнаго понятія, какъ испытывали вы досель*, но столь же дѣйствительно, столь же физически**), какъ сегодня восходящее солнце. Ибо когда разъ раскроется предъ нами зрѣлище духовнаго міра, невозможно не чувствовать солнца, имъ управляющаго ***).

---

*) Явится и придетъ не чувственно и видимо, а невидимо и духовно, но тѣмъ не менѣе дѣйствительно. Признакомъ того служитъ зарожденіе уже непрекращаемаго горѣнія сердца: причемъ умъ, стоя въ сердцѣ, сраствореется съ памятію о Господѣ, утверждается внутрь пребываніе, и, вслѣдствіе того, замѣчается все тамъ происходящее, и — угодное Богу принимается, а все грѣховное отвергается и дѣла всѣ ведутся по точному сознанію на нихъ воли Божіей; подается сила править всѣмъ теченіемъ своей жизни, и внутренней и внѣшней, подается господство надъ собою. Человѣкъ обыкновенно есть болѣе дѣемый, нежели дѣйствующій. Свободу дѣйствій получаетъ онъ съ ощутимымъ въ сердцѣ пришествіемъ Господа. Тогда исполняется обѣтованіе: *Аще Сынъ вы свободитъ, воистину свободни будете* (Іоан. 8, 36). Вотъ что приноситъ Господь, а не что либо необыкновенное!

**) Фраза, по обычному понятію о ней, не совсѣмъ идущая къ дѣлу. Лучше такъ: существенно, то есть, существомъ своимъ. Богъ не есть идея, а существо живое, лично дѣйствующее, хотя все же невидимо и духовно.

***) Планеты обращены къ солнцу, и имъ правятся въ движеніи. И весь духовный міръ — ангелы и святые на небѣ, и люди, духовно живущіе на землѣ, обращены къ Господу Спасителю, и Имъ хороводятся. Онъ — центръ, вокругъ котораго

Но спрашиваю васъ: что дѣйствительнѣе — міръ духовный или вещественный *)?

„Не говорю, чтобы все было сдѣлано, какъ только достигнешь этого состоянія ощутимаго общенія **). О, нѣтъ, остается еще сдѣлать многое, чтобъ достигнуть иного общенія,

---

все вращается, возглавитель всѣческихъ, яже на небеси и на земли (Еф. 1, 10).

*) Дивно, а такъ оно есть. Для людей духовныхъ значеніе всего вещественнаго исчезаетъ. Какъ ни огроменъ этотъ міръ, но и онъ сознается ничтожнымъ. У нихъ сущимъ исповѣдуется только Богъ — Сый, великій и дивный: всего прочаго словно нѣтъ. У людей плотской жизни на оборотъ: міръ духовный будто несуществуетъ, даже бытіе Бога нерѣдко стоитъ у нихъ вопросомъ.

**) Этимъ полагается только начало новой степени, или новаго періода христіанской жизни. Отселѣ пойдетъ преобразованіе души и тѣла по духу жизни о Христѣ Іисусѣ, или ихъ одухотвореніе. Возобладавъ надъ собою, человѣкъ начнетъ влагать въ себя все истинное, святое и чистое, и изгонять все ложное, грѣховное и плотское. И доселѣ онъ трудился надъ тѣмъ же, но помнутно былъ окрадаемъ; оттого, что успѣвалъ созидать онъ, то тотчасъ почти было разоряемо. Теперь не то. Человѣкъ сталъ твердою ногою, и, не поддаваясь противностямъ, ведетъ цѣлесообразно свое созиданіе. Воспринимается, по словамъ Варсонофія, огнь, который вовремя на землю пришелъ Господь, — и въ этомъ огнѣ начинаютъ перегорать всѣ силы естества человѣческаго. Если долгимъ трепіемъ возбудите вы огнь, и вложите его въ дрова, — дрова загорятся, и, горя, будутъ издавать трескъ и дымъ, пока перегорятъ. Перегорѣвшія же являются проникнутыми огнемъ, из-

которое уже неощутимо, но трансцендентально отрѣшено не только отъ всякаго образа, но и отъ всякой мысли,—общенія почти неизъяснимаго словомъ, хотя весьма дѣйствительнаго*). Когда вы разъ прочно утвердитесь въ немъ, тогда вы, или не будете болѣе нуждать-

данная пріятный свѣтъ, безъ дыма и трески. Точь въ точь подобное же происходитъ и внутри. Огнь воспринятъ; начинается перегораніе. Сколько при этомъ дыма и трески—знаютъ испытавшіе. Но когда все перегоритъ,—дымъ и трескъ прекращаются, и внутри качествуетъ только свѣтъ. Состояніе это есть состояніе чистоты; до него долгій путь. Но Господь многомилостивъ и всесиленъ... Очевидно, что тому, кто воспринялъ огнь ощутительнаго общенія съ Господомъ, предлежитъ не покой, а трудъ многій, но трудъ сладкій и плодный; доселѣ же онъ былъ и торекъ и малоплоденъ, если не совсѣмъ безплоденъ.

*) Состояніе чистоты есть верхъ совершенства, и, достигнутое, оно пребываетъ постояннымъ. То же, о чемъ здѣсь рѣчь идетъ, постояннымъ быть не можетъ. Оно находитъ, временно возникая на почвѣ чистоты. Это суть по временамъ подаемыя плѣненія въ созерцаніе, о коихъ мы уже упоминали. Св. Исаакъ Сиринянинъ не разъ касается этого высшаго состоянія, которое, по словамъ его, дается достигшимъ чистоты. Онъ не говоритъ, что оно неощутимо, но что умъ въ немъ невластенъ надъ собою. Доселѣ онъ властенъ былъ мыслямъ сказать: „прочь и отойди," а тутъ невластенъ: стоитъ и созерцаетъ. Хорошо нѣкоторые изъ св. отецъ опредѣляли его плѣненіемъ ума. Слово *трансцендентальный*, можетъ быть, и хорошо: но поелику оно придумано для означенія совсѣмъ не такихъ предметовъ, то можетъ сбивать съ толку, потому, мнѣ кажется, лучше бы ему не быть здѣсь.

ся въ моихъ совѣтахъ (ибо Онъ поведетъ васъ Самъ), или, если Онъ еще захочетъ дѣйствовать чрезъ меня, то Онъ дастъ мнѣ къ тому способы и силы *). О, сколь великія вещи Онъ вамъ откроетъ! Внутренности ваши тогда буквально вострепещутъ отъ радости. Вѣрьте мнѣ, при нашей разлукѣ, мы съ вами питались лишь молокомъ. Совсѣмъ иной вкусъ имѣетъ хлѣбъ сильныхъ, хотя онъ и составленъ изъ тѣхъ же началъ **).

---

*) Утвердиться можно только въ состояніи ощутимаго богообщенія, и далѣе въ состояніи чистоты; но не въ томъ, о коемъ упомянулъ онъ предъ симъ: ибо это не можетъ быть постояннымъ, а подается по временамъ. Св. Макарій говоритъ, что еслибъ оно стало постояннымъ, то нельзя было бы жить на землѣ съ людьми. — Что касается до руководства и совѣщанія съ опытнѣйшими, то оно никогда не прекращалось, даже у достигшихъ совершенства: ибо много у врага подсадъ и обольщеній видимостію добра. Надо молить Господа, чтобъ Онъ далъ намъ руководителя, знающаго дѣло, и не лишалъ насъ его до конца жизни.

**) Миръ и радость о Дусѣ Святѣ обѣщаны тѣмъ. въ сердцѣ коихъ ощутительно дѣйствуетъ благодать. Но это состояніе тихое, хотя глубоко проникающее. Трепетныя же обрадованія, особенно сопровождаемыя пріятными движеніями и въ тѣлѣ, небезопасны. За ними надобно смотрѣть строго и строго. Онѣ могутъ быть и натуральныя, могутъ быть и отъ врага. Опасны они потому, что выводятъ изъ укрѣпленія, т. е., изъ сердца. — О льстивыхъ обѣщаніихъ какихъ-то дивныхъ откровеній мы уже говорили, и теперь повторяемъ; никакихъ осо-

„Я теперь знаю довольно точно вашъ образъ жизни въ свѣтѣ, и не скрываю отъ себя всѣхъ трудностей, съ которыми придется вамъ бороться для того, чтобъ предаться съ послѣдовательностію этимъ упражненіямъ *). Но подумайте, 1) что вы уже получили значительные задатки отъ Святаго Духа, и что подобныя отступничества, когда они упорны, не прощаются **); 2) что все то, что теперь

бывъ откровеній не бываетъ здѣсь, а тѣже истины—открытыя уже и извѣстныя — входитъ въ сердце, вкушаются имъ, и являются въ новомъ свѣтѣ, прежде непѣдомомъ.

*) Сперанскій представляетъ побужденія противостоять неудобствамъ, какія встрѣчаетъ благочестіе въ порядкахъ свѣтской жизни. Что говорится здѣсь, то приложимо во всѣ времена и ко всѣмъ ищущимъ Господа. Конечно, всегда бы лучше покруче взяться за труды исканія, безъ всякаго саможалѣнія и безъ стѣсненія мнѣніями окружающихъ. Сдѣлай это, вбей себя внутрь, положи основу, а потомъ иди ужъ это дѣло среди обычнаго порядка жизни, сколько это возможно. Но не у всѣхъ достаетъ на это духа. Однакожъ, надобно рѣшиться на жертвы; ибо то несомнѣнно, что, безъ измѣненія внѣшнихъ порядковъ свѣтской жизни, дѣлу благочестія спѣяться нельзя; и притомъ, въ какой мѣрѣ дѣлается уступка симъ порядкамъ, въ такой замедляется успѣхъ въ исканіи Господа. Смотри всякъ, чѣмъ благоразумнѣе пожертвовать.

**) Уступки порядкамъ свѣтской жизни, съ ущербомъ дѣлу исканія Господа, точно не прощаются, особенно, когда онѣ происходятъ отъ поблажки себѣ, а не отъ разумныхъ какихъ либо причинъ. Въ духѣ погрѣшность, въ духѣ же и наказаніе.

кажется вамъ обязательствомъ, долгомъ признательности, удовольствіемъ, приличіемъ, чрезъ два-три мѣсяца покажется почти смѣшнымъ *). 3) Развѣ и на этомъ пути, какъ и на всякомъ другомъ, не нужны жертвы? И долго ли мы останемся ни холодными, ни теплыми? 4) Всегда есть средства раздѣлаться со свѣтомъ и уклониться отъ него потихоньку и безъ разрыва **).

„Во время вашихъ удаленій отъ свѣта, въ предотвращеніе разсѣянности мыслей, избе-

---

Но надобно и различать случаи, чтобъ не быть слишкомъ строгимъ. Обязательно искать Господа всеусильно; обязательно исполнять всѣ условія, безъ коихъ невозможно достиженіе искомаго; но образъ исполненія всего не можетъ быть для всѣхъ одинаковъ, по разности обстоятельствъ каждаго: тутъ все надобно предоставить благоразумію самаго ищущаго, только бы не крылось подъ этимъ титломъ льстивое самоугодіе и человѣкоугодіе.

*) Чрезъ два-три мѣсяца—обѣщать нельзя, какъ не разъ было говорено. Ищи съ надеждою несомнѣнною, но безъ опредѣленій.

**) Когда есть ревность, она сама все изобрѣтетъ, какъ что уладить; а когда нѣтъ ея, такъ и говорить нечего. Но и при ревности надо имѣть довольно крѣпкое сердце, чтобъ рѣшиться противостоять средѣ, въ коей вращаешься. Воодушевленіе на это придается чувствомъ крайней опасности отъ уступокъ. Имъ слѣдуетъ запастись, и приподнимать его, потому что—какъ знать, когда придется выступать на борьбу.

рите себѣ чтеніе простое, напримѣръ, „Подраженіе,“ или дѣлайте переводы, словомъ, возьмитесь за упражненіе, которое заняло бы вашъ умъ, не побуждая его къ изслѣдованію. Но главное, предавайтесь молитвѣ и тщательному разсмотрѣнію вашей прошлой жизни*). Въ прочія времена посовѣтую вамъ подробное изученіе Библіи, не потому, чтобъ истинный свѣтъ истекалъ изъ буквы, — нѣтъ, но чрезъ это посредство изливается онъ обыкновенно. Итакъ, надобно запастись этимъ ма-

*) Главное — молитва не по молитвенникамъ, а своеличная, лучше всего умно совершаемая молитва Іисусова съ поклонами. Когда остановится движеніе молитвы, — для подогрѣванія ея, возьмись за чтеніе. Надобно имѣть книги, приспособленныя къ начатымъ упражненіямъ. Таковы тѣ, кои говорятъ о внутренней жизни, о трезвеніи и молитвѣ. *Подраженіе*—не первая изъ нихъ. Лучше — Лѣствичникъ и св. Исаакъ Сиринъ, Варсонофій и Іоаннъ, въ Добротолюбіи статьи Исихія, Филовея, Ѳеолипта, Діадоха, Григорія Синаита, Симеона Новаго Богослова. Не много читать: больше внимать и вкушать истины. Многочтеніе развлекаетъ и охлаждаетъ. Переводы совсѣмъ пейдутъ: это работа осуечающая. Что касается до изслѣдованія своей жизни, то оно, при обращеніи отъ порока къ добродѣтели, составляетъ почти главное дѣло. Не мало можетъ оно занять и при обращеніи отъ внѣшней неправности къ внутренней жизни. Но въ послѣдній періодъ исканія Господа, своя жизнь будетъ довольно уже извѣстна. Сиди и взывай: „Господи, вмѣне вѣси путями, устрой о мнѣ благую вещь сію!“

теріаломъ на время его дѣйствія. Утвердитесь въ буквальномъ смыслѣ, и Учитель въ свое время раскроетъ вамъ смыслъ истинный... Начните съ Ветхаго Завѣта: это ступень необходимая, чтобы возвыситься до Новаго. Но еще разъ, никто не долженъ льститься мыслію, что онъ видитъ ясно, пока его не озаритъ свѣтъ свыше...*)".

Этимъ окончимъ разсмотрѣніе втораго письма Сперанскаго.

---

*) Для чтенія что можетъ быть лучше книгъ, содержащихъ Божественное Откровеніе? Но выраженныя здѣсь понятія о смыслахъ Писанія не наши, а взяты у мистиковъ. Мистики всюду видятъ таинства, и самыя простыя евангельскія сказанія превращаютъ въ аллегоріи высокихъ идей, какія они сами сплетаютъ. Буква для нихъ ничто, и буквальный смыслъ не есть для нихъ истинный смыслъ, оттого, что простъ; а имъ хитрить хочется. На самомъ же дѣлѣ, буквальный смыслъ есть истинный смыслъ, отъ Духа Святаго исходящій, и отступать отъ него, при изученіи Откровенія, позволяется только въ крайней нуждѣ. Если отступить отъ этого закона, то можно извратить все Божественное Писаніе по своему смышленію, — и не останется у насъ никакого критерія истины. Что даетъ озареніе свыше? Оно даетъ не новое что либо узрѣть помимо буквальнаго смысла, а тотъ же самый смыслъ, печатлѣя его въ сердцѣ. Пока одинъ умъ трудится надъ уразумѣніемъ Писанія, до тѣхъ поръ получаемыя истины держатся въ головѣ для умовыхъ интересовъ, большею частію безплодно для жизни. Озареніе же свыше, печатлѣя эти истины въ сердцѣ, и давая вкусить ихъ, дѣлаетъ ихъ направителями жизни, а опы-

Письмо двѣнадцатое.

Просмотрѣли мы два первыя письма довольно протяжно, потому что въ нихъ излагаются главныя мысли. Слѣдующія письма подробнѣе изъясняютъ тоже самое, о чемъ говорилось въ первыхъ въ общихъ очеркахъ. Въ третьемъ письмѣ афористически предлагаются разныя наставленія о духовной жизни, относящіяся, впрочемъ, преимущественно къ молитвѣ. „Сообщу, говоритъ Сперанскій вамъ нѣсколько отдѣльныхъ мыслей, по мѣрѣ того, какъ онѣ будутъ даны мнѣ.“— и сообщаетъ. Мысли эти стоютъ того, чтобъ прочитать ихъ и обдумать.

„Благодать, возбуждающая столько теоретическихъ споровъ, для чувства вещь простая. Она именно есть это присутствіе Господа нашего внутрь насъ. *Безъ Мене ничего*

ты жизни еще полнѣе даютъ уразумѣть силу ихъ. При этомъ, такъ какъ всякая истина имѣетъ свой кругъ понятій, то озареніе вводитъ умъ чрезъ сердце въ созерцаніе всего этого круга. Это можетъ казаться откровеніемъ чего-то новаго, а оно вовсе не ново; оно тоже самое, только видится полнѣе и ясиѣе.

не можете: это и есть принципъ благодати. Въ этомъ-то смыслѣ также Апостолы и первые христіане называли Іисуса Христа просто Господомъ. Самое блистательное доказательство математической истины можетъ ли сравниться въ очевидности съ дѣйствіями благодати, когда сердце раскрыто для нея покаяніемъ?“

До зарожденія внутренней жизни, или проявленія ощутительнаго дѣйствія благодати и богообщенія, человѣкъ часто еще что нибудь самъ дѣлаетъ, и напрягаетъ къ тому свои силы. Но, измаявшись безуспѣшно въ своихъ усиліяхъ, онъ бросаетъ, наконецъ, свою самодѣятельность и всецѣло предаетъ себя вседѣйствію благодати. Тогда посѣщаетъ его Господь милостію Своею, и возжигаетъ въ немъ огнь внутренней духовной жизни. Что въ этомъ великомъ переворотѣ его усилія ничего не значили, это знаетъ онъ по опыту. Послѣ, болѣе и ли менѣе частыми отступленіями, благодать Божія впечатлѣваетъ въ него также опытное удостовѣреніе, что и поддержаніе этого огня жизни не есть дѣло его собственныхъ усилій. За тѣмъ, частое нахожденіе благихъ мыслей и начинаній, частыя осѣненія духа

молитвеннаго, невѣдомо какъ и откуда находящаго, тоже опытно даютъ ему убѣдиться, что и все доброе не иначе для него возможно, какъ отъ дѣйствія Божіей благодати, всегда присущей ему, по милости Господа, спасающаго всѣхъ спасаемыхъ. Онъ предаетъ себя Господу, и Господь вседѣйствуетъ въ немъ. Опытъ показываетъ, что тогда только и идетъ у него все успѣшно, когда онъ исполненъ этимъ самопреданіемъ. Онъ и не отступаетъ отъ него, и всячески блюдетъ.

Теоретиковъ много занимаетъ вопросъ объ отношеніи благодати къ свободѣ. Для носящаго благодать вопросъ этотъ рѣшенъ самымъ дѣломъ. Носящій благодать предаетъ себя вседѣйствію благодати, и благодать въ немъ дѣйствуетъ. Эта истина для него не только очевиднѣе всякой математической истины, но и всякаго внѣшняго опыта, ибо онъ уже пересталъ жить во внѣ, и весь сосредоточенъ внутри. Забота у него теперь одна—быть всегда вѣрнымъ присущей въ немъ благодати. Невѣрность оскорбляетъ ее, и она или отступаетъ или сокращаетъ свое дѣйствіе. Вѣрность свою благодати или Господу человѣкъ свидѣтельствуетъ

тѣмъ, что ни въ мысляхъ, ни въ чувствахъ, ни въ дѣлахъ, ни въ словахъ, ничего не допускаетъ такого, что сознаетъ противнымъ Господу, и, напротивъ, никакого дѣла и начинанія не пропускаетъ, не исполнивъ его, коль скоро сознаетъ, что на то есть воля Божія, судя по теченію его обстоятельствъ и по указанію внутреннихъ влеченій и мановеній. Это иногда требуетъ много труда, болѣзненныхъ самопринужденій и самопротивленій; но ему радостно приносить все въ жертву Господу, ибо, послѣ всякой такой жертвы, онъ получаетъ внутреннее воздаяніе: миръ, обрадованіе и особенное дерзновеніе въ молитвѣ.

Этими актами вѣрности благодати и возгрѣвается даръ благодати, въ связи съ молитвою, уже неотходною въ то время. Когда возгнетутъ огнь, нужно движеніе воздуха, чтобъ раздувать его; точно также, когда возгнетется огнь благодати въ сердцѣ,—нужна молитва, которая есть своего рода движеніе воздуха духовнаго въ сердцѣ. Что такое эта молитва? Непрестанное обращеніе ума къ Господу въ сердцѣ, или непрестанное предстоя-

ніе Господу умомъ въ сердцѣ, съ воззваніями къ Нему или безъ воззваній, съ одними чувствами преданности и сокрушеннымъ припаденіемъ къ Нему въ сердцѣ. Въ этомъ дѣйствіи или, скорѣе, настроеніи главное средство къ поддержанію внутренней теплоты и всего внутренняго порядка, къ прогнанію худыхъ и пустыхъ мыслей, къ утвержденію мыслей и начинаній добрыхъ. Приходятъ мысли и начинанія добрыя,—онъ углубляется въ молитву, и смотря по тому — укрѣпляются ли онѣ въ молитвѣ, или исчезаютъ, онъ узнаетъ, угодны ли онѣ или неугодны Богу. Приходятъ мысли худыя или начинаетъ что либо тревожить душу,—онъ опять углубляется въ молитву, не обращая вниманія на происходящее въ немъ,— и все исчезаетъ. Такимъ образомъ, умная молитва ставится въ немъ главнымъ двигателемъ и правителемъ духовной жизни. Не дивно потому, что всѣ наставленія въ писаніяхъ отеческихъ преимущественно направлены къ тому, чтобъ научить умно молиться Господу, какъ слѣдуетъ.

Молитва есть первое дѣло въ нравственно-религіозной жизни. Корень этой жизни состав-

ляетъ сознательно-свободное отношеніе къ Богу, которое заправляетъ потомъ всѣмъ. Поприще, гдѣ раскрывается и является въ дѣйствіи это отношеніе, есть *молитва*, какъ *взаимнообщеніе*, —есть поприще, гдѣ раскрываются наши нравственныя отношенія къ себѣ подобнымъ, и *подвижничество*—поприще, гдѣ раскрывается нравственное отношеніе къ самимъ себѣ. Каково наше отношеніе къ Богу, такова и молитва; и какова молитва, таково и отношеніе наше къ Богу. А такъ какъ отношенія эти не одинаковы, то не одинаковъ и образъ молитвы. Иначе относится къ Богу нерадящій о спасеніи; иначе тотъ, кто отсталъ отъ грѣха и ревнуетъ о добродѣтели, но еще не вошелъ внутрь себя и работаетъ Господу внѣшно; иначе, наконецъ, тотъ, кто вошелъ внутрь и носитъ въ себѣ Господа и предстоитъ Ему. Первый какъ о жизни нерадитъ, такъ нерадитъ и о молитвѣ, и совершаетъ ее въ церкви, дома, по заведенному только обычаю, безъ вниманія и чувства. Второй много читаетъ молитвъ и часто ходитъ въ церковь, стараясь вмѣстѣ съ тѣмъ и вниманіе соблюдать и чувства имѣть соотвѣтственно читаемымъ молитвамъ, хоть это ему

очень рѣдко удается. Третій, сосредоточась весь внутрь, умно предстоитъ Господу и неразвлеченно молится Ему въ сердцѣ, безъ долгихъ молитвословій, хоть и при долгихъ стояніяхъ на молитвѣ, дома и въ церкви. Отнимите у втораго молитвословіе,— вы отнимите у него всякую молитву; навяжите третьему молитвословіе,— вы погасите въ немъ молитву вѣтромъ многословія. Всякому чину людей, или всякой степени приближенія къ Богу своя молитва и свои для ней правила. Какъ дорого при этомъ опытное указаніе, и какъ много можетъ повредить самочинное распоряженіе!

Какъ только обратится кто отъ грѣха къ добродѣтели, тотчасъ начнетъ ревновать о приближеніи къ Богу. И обращеніе его произвелъ страхъ Божій, и обращенъ онъ за тѣмъ, чтобъ исправною жизнію угодить Богу, присвоиться Ему и Его себѣ присвоить. Труды въ этомъ духѣ суть шаги его на пути приближенія къ Богу. Поприще, на которомъ раскрывается это восхожденіе къ Богу, какъ уже сказано, есть молитва. На нее и налегаетъ сразу покаявшійся и положившій не побла-

жать болѣе дурнымъ привычкамъ, а прилежать добрымъ правамъ!

Нельзя такому сказать съ перваго раза: „молись самъ“. Онъ этого не сможетъ, какъ не сможетъ, напримѣръ, говорить по французски не учившійся тому. И молитвѣ надо учиться, надо пріобрѣсть навыкъ къ молитвеннымъ оборотамъ мыслей и движеніямъ чувствъ, по чужимъ молитвамъ, какъ учатся иностраннымъ языкамъ по печатнымъ разговорамъ. Для этого у насъ есть молитвенники для домашняго употребленія, и совершаются чины молитвенные, въ церковномъ богослуженіи. Чрезъ посредство ихъ и надо сначала навыкать къ молитвѣ. Законъ здѣсь такой: внимай молитвамъ, и читаемымъ и поемымъ, и напрягайся чувствовать такъ, какъ выражено въ тѣхъ молитвахъ. Надобно, однакожъ, съ благоразуміемъ дѣлать выборъ молитвамъ. Относительно церковныхъ молитвословій выборъ неумѣстенъ: тутъ все для всѣхъ—и ты хорошо сдѣлаешь, если сколько можно чаще станешь бывать въ церкви, а каждый день и на всѣхъ богослуженіяхъ—еще лучше. Для молитвы же домашней выборъ и умѣстенъ и

многозначущъ. Тутъ правило: не выбирай много молитвословій, акаѳистовъ и каноновъ; возьми небольшое правило, лучше всего удовольствуйся извѣстными утренними и вечерними молитвами; только просмотри ихъ хорошенько на свободѣ, обдумай и прочувствуй,— и потомъ совершай ихъ, неспѣшно, съ полнымъ вниманіемъ, воспроизводя благоговѣйныя мысли и чувства, въ нихъ выраженныя, кладя при этомъ, и въ началѣ, и въ промежуткахъ, и въ концѣ, побольше поклоновъ, и земныхъ и поясныхъ.

По мѣрѣ того, какъ станешь навыкать молиться, какъ слѣдуетъ, по чужимъ молитвамъ, начнутъ у тебя возбуждаться и свои молитвенныя къ Богу обращенія и воззванія. Никогда не пропускай безъ вниманія этихъ, проявляющихся въ душѣ твоей, восхожденій къ Богу; но всякій разъ, какъ онѣ возбудятся, остановись и молись своею молитвою. Не думай, что, молясь такъ, дѣлаешь ущербъ молитвѣ,— нѣтъ: тутъ то ты и молишься, какъ слѣдуетъ, и эта молитва доходнѣе до Бога. Потому-то есть и правило, всѣми преподаваемое: въ церкви ли, дома ли, душа

твоя сама захочетъ помолиться своимъ, а не чужимъ словомъ,—дай ей свободу, пусть молится, хоть всю службу сама промолится, а дома – отъ правила молитвеннаго отстанетъ и не успѣетъ совершить его.

Тотъ и другой образъ молитвы, — по молитвенникамъ со вниманіемъ и соотвѣтственными благоговѣйными мыслями и чувствами, или безъ нихъ. своимъ словомъ — пріятны Богу. Ему непріятно только, когда кто читаетъ молитвы дома, или въ церкви стоитъ на службѣ безъ вниманія: языкъ читаетъ или ухо слушаетъ, а мысли бродятъ не знать гдѣ. Тутъ совсѣмъ нѣтъ и молитвы. Но молитва не читательная. а своеличная ближе къ существу дѣла и многоплоднѣе. Посему совѣтуется не всегда ждать. пока захочется самому помолиться, но заставлять себя принудительно такъ молиться, и не только во время церковной службы и домашняго молитвословія, но и во всякое время. Для навыка въ этомъ самопринудительномъ молитвенномъ трудѣ, опытные молитвенники избрали одну молитву къ Господу Спасителю, и установили правила, какъ ее совершать,

чтобы съ помощію ея развить въ себѣ своеличную молитву. Объ этомъ говорили мы прежде. Дѣло это просто: стань умомъ въ сердцѣ предъ Господомъ и молись Ему: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя.“ Такъ дома предъ молитвословіемъ, въ промежуткахъ молитвословія, и въ концѣ, такъ и въ церкви, такъ и весь день, чтобъ всѣ моменты дня наполнить молитвою.

Эта спасительная молитва сначала обыкновенно бываетъ трудовая, дѣлательная. Но если не полѣнится кто потрудиться надъ нею, она станетъ и самодвижною, сама будетъ твориться, словно ручеекъ журчащій въ сердцѣ *). Это благо великое, и потрудиться стоитъ, чтобъ достигнуть его. Труженики, преуспѣвшіе въ молитвѣ, указываютъ для этого небольшой трудъ, или немноготрудное упражненіе молитвенное, именно: прежде или послѣ молитвеннаго правила, утренняго или вечерняго, а то и днемъ, опредѣли нѣсколько времени на совершеніе этой одной молитвы,

*) Слова старца Парѳенія, кіевскаго схимника. Пишущій самъ слышалъ ихъ вмѣстѣ съ Д. И. Макаровымъ, нынѣ архимандритомъ Лаврентіемъ.

и совершай ее такъ: сядь, а лучше стой молитвенно, сосредоточься вниманіемъ въ сердцѣ предъ Господомъ, воздвигнувъ убѣжденіе, что Онъ тутъ и внимаетъ тебѣ, и взывай къ Нему: „Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя,“—и клади поклоны, если есть охота, поясные и земные. Такъ дѣлай четверть часа, полчаса, больше или меньше, какъ тебѣ удобнѣе. Чѣмъ усерднѣе потрудишься, тѣмъ скорѣе молитва эта привьется къ сердцу. Лучше взяться за дѣло поревностнѣе и не отступать, пока не достигнешь желаемаго, или пока молитва эта не начнетъ сама двигаться въ сердцѣ: послѣ того только поддерживай. Та теплота сердечная, или горѣніе духа, о коихъ прежде было говорено, приходятъ именно этимъ путемъ. Чѣмъ болѣе внѣдряется въ сердце молитва Іисусова, тѣмъ болѣе согрѣвается сердце, и тѣмъ самодвижнѣе становится молитва, такъ что огнь жизни духовной въ сердцѣ возгарается, и горѣніе ея становится непрестаннымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ молитва Іисусова займетъ все сердце и станетъ непрестанно движущеюся. Отъ того получившіе зарожденіе совершенной

внутренней жизни почти исключительно молятся этою молитвою, опредѣляя ею свое молитвенное правило *).

Успѣхъ въ семъ дѣлѣ зависитъ отъ вѣры, съ какою берутся за это упражненіе, отъ мѣры усердія въ продолженіи и правильности совершенія его. Всѣ правила, сюда относящіяся, и случаи, при семъ бывающіе, опредѣлены въ писаніяхъ отеческихъ. собранныхъ въ „Добротолюбіи.“ Желающій руководительныхъ указаній пусть обращается туда.

На эти мысли о молитвѣ навело меня третье письмо Сперанскаго, гдѣ у него рѣчь все почти о молитвѣ.

Письмо тринадцатое.

Вотъ афористическія изреченія Сперанскаго о молитвѣ. Буду приводить ихъ не въ томъ порядкѣ, какъ у него, а какъ мнѣ кажется лучше, по теченію мыслей.

„Молитва *словесна,* когда мы своими мыслями слѣдимъ за чужими словами; она *ума,*

*) Указаніе, какъ дѣлать это, есть въ Слѣдованной Псалтири. тамъ. гдѣ означается, какія молитвы совершать каждый день готовящимся ко св. причащенію.

когда мы мысленно слѣдимъ за собственными словами. Слово тутъ есть всегда, ибо нельзя мыслить безъ словъ. Въ первомъ случаѣ они даны намъ, во второмъ они придуманы нами самими. Разница весьма невелика *).“

„Въ молитвѣ чисто созерцательной, слово, какъ и самыя мысли, исчезаютъ, но не по тому, что этого желаешь, а потому, что это дѣлается само собою **).“

„Вотъ дивное средство для того, чтобы из-

---

*) Сперанскій можетъ сказать: молитва умна, когда молимся своею молитвою; только надо знать, что въ этомъ случаѣ не мысль идетъ за словомъ, а слово за мыслію и чувствами. Настоящая умная, своя молитва не сочиняется, а исходитъ изъ сердца и слово поспѣшаетъ за нею. Разница въ этихъ двухъ видахъ молитвы не то что не велика, а довольно значительна.

**) Молитва умная переходитъ въ молитву сердечную, или умно-сердечную. Появленіе ея современно зарожденію сердечной теплоты. Другой молитвы уже нѣтъ въ обычномъ теченіи духовной жизни. Умно-сердечная молитва можетъ глубоко внѣдриться въ сердце, и быть въ этомъ случаѣ безъ словъ и мыслей, состоя въ одномъ предстояніи Богу и благоговѣйно-любовномъ къ Нему припаданіи. Тутъ она тоже, что влеченіе внутрь предъ Бога на молитву, или нахожденіе духа молитвеннаго. Но все это еще не созерцательная молитва, которая есть высшее состояніе молитвенное, по временамъ являющееся въ избранныхъ Божіихъ. Догадываюсь, что Сперанскій назвалъ созерцательною молитвою что нибудь другое, а не то, что она есть собственно, по опредѣленію св. отцевъ.

гонять дурные мысли, предупреждать разсѣянность, содержать себя постоянно въ присутствіи Господа нашего, и даже для того, чтобы приготовляться издали къ дару созерцанія,—средство, къ которому прибѣгали лучшіе изъ старинныхъ аскетовъ (панафидники*), подвизающіеся труженики), и сохранившееся въ нашей греческой Церкви,—это пріучать себя, всякій разъ, какъ не занимаешься умственнымъ трудомъ, или правильною молитвою (на прогулкѣ, напримѣръ, въ обществѣ, и т. п.) къ тому, чтобы повторять сквозь зубы слова: *Господи помилуй*, но повторять ихъ безостановочно и непрерывно**). Привычка эта пріобрѣтается довольно скоро. Пріемъ этотъ поистинѣ изумителенъ, я сказалъ бы—волшебенъ, еслибъ тутъ было умѣстно такое слово***). Это лучше всѣхъ умозрѣній, относительно самыхъ высокихъ истинъ вѣры, развѣ эти

*) Странное слово! Вѣрно хотѣлъ сказать, панихисты,—всенощно-бдѣнники.

**) Какъ это совершается, объяснялось въ прошломъ письмѣ.

***) Молитва Іисусова не талисманъ какой. Сила ея отъ вѣры въ Господа и глубокаго съ Нимъ сочетанія сердца и ума. При такихъ расположеніяхъ, призываемое имя Господа оказывается многодѣйственнымъ. Одно повтореніе словъ ничего не значитъ.

умозрѣнія даются намъ безъ всякаго съ нашей стороны старанія, а словно по вдохновенію; ибо тогда, и лишь тогда слѣдуетъ имъ предаваться*). Въ особенности полезно засыпать съ этимъ маленькимъ упражненіемъ на устахъ и въ мысляхъ."

„Ошибочно думать, говоритъ Тереза, чтобы молитва даже чисто словесная, если только она искренна, была недостаточна для того, чтобы довести насъ до великаго совершенства**)."

„Разные виды молитвы не предоставляются

---

*) Мысль этого пункта непонятна.

**) Кромѣ Терезы, въ этомъ же письмѣ упоминается и о Францискѣ. *Тереза*—мечтательница, и, въ общей сложности, ея писанія не могутъ вести къ добру, особенно малоопытныхъ. *Францискъ*, если это *де Саль*, оставилъ книгу въ руководство къ благочестивой жизни очень основательную, приспособленную къ живущимъ въ обществѣ. Сперанскій приводитъ мнѣнія ихъ, а не своихъ, вѣроятно, потому, что его другу пріятнѣе было слышать ихъ мнѣнія. Что касается до приведенной мысли, то противъ нея нечего сказать. Читательная молитва по молитвеннику, коль скоро она совершается съ соотвѣтственными мыслями и чувствами есть настоящая молитва, способная привлекать и всѣ дары, обѣтованные молитвѣ. Иные цѣлый вѣкъ молятся только по молитвенникамъ, въ простотѣ сердца, и Богъ не лишаетъ ихъ Своихъ милостей. И степени молитвы обусловливаются природными дарованіями. Высшія степени молитвы требуютъ сильнаго ума.

на нашъ выборъ. Это разныя истеченія одной и той же благодати.“

Такого рода суть только молитвы самодвижныя, когда находитъ духъ молитвенный. Но и онѣ бываютъ двухъ видовъ: въ одномъ человѣкъ властенъ повиноваться ему или нѣтъ, содѣйствовать ему или разстроить его; а въ другомъ невластенъ ничего сдѣлать, а восхищается въ молитву и держимъ бываетъ въ ней иною силою, не имѣя свободы дѣйствовать какъ либо иначе. Слѣдовательно, выраженная мысль можетъ относиться вполнѣ только къ послѣдней. Въ отношеніи ко всѣмъ другимъ видамъ молитвы выборъ умѣстенъ.

„Тотъ не знаетъ, что такое Сынъ, кто въ молитвахъ своихъ не обращается къ Его Матери. Тотъ не знаетъ также, что такое Единый Святый, кто не поклоняется Ему во святыхъ Его.“

Очень умѣстное внушеніе лютеранину! И во всѣхъ своихъ отступленіяхъ отъ истинъ, правилъ и уставовъ истинной Церкви у лютеранъ обличается недостатокъ логики. Въ православной Церкви всегда идутъ нераздѣльно молитвы къ Господу Іисусу, къ Пресвятой

Владычицѣ Богородицѣ и ко Святымъ. Такой же порядокъ и въ собраніи молитвъ въ молитвенникахъ. Тоже движеніе принимаетъ молитва и тогда, когда совершается своелично.

„Въ точности повинуйтеся духовному отцу вашему, въ особенности относительно причащенія. Какъ вы счастливы, что можете причащаться каждый мѣсяцъ!“

Премудрое наставленіе—повиноваться духовному отцу! У ревнующаго блюсти совѣсть свою чистою сколько бываетъ случаевъ, возмущающихъ ее недоумѣніемъ, какъ лучше поступить. Сдѣлай—какъ скажетъ духовный отецъ, и будь покоенъ. Для упражняющагося въ молитвѣ путь къ успѣху въ ней короче, коль скоро совершается по указаніямъ и наставленіямъ знающаго отца. Относительно причащенія въ нашей Церкви нѣтъ никакого ограниченія. Причащайся хоть каждую недѣлю, хоть каждый день. Но, конечно, жаръ усердія въ этомъ отношеніи долженъ быть умѣряемъ мудрыми совѣтами духовнаго отца, ибо можно впасть въ самомнѣніе, а за тѣмъ и въ пагубныя послѣдствія его.

Это все, что можно сказать о третьемъ пись-

мѣ. Четвертое пропустимъ, потому что оно говоритъ совсѣмъ о другомъ, — о священномъ союзѣ государей, съ нѣкоторыми побочными мыслями. Только послѣднее отдѣленіе этого письма касается того же предмета, который занималъ насъ доселѣ. Вотъ оно:

„Вы исполнили мою душу радости вашими немногими словами о *непрестанной молитвѣ*. Нѣтъ ничего дѣйствительнѣе этого таинства зачатія. Да будетъ съ вами благодать Господа нашего, и да соизволитъ Онъ сочетаться въ васъ съ самимъ Собою чрезъ св. причастіе "

Въ прошедшемъ письмѣ моемъ я упоминалъ, что привитіе молитвы Іисусовой къ сердцу такъ, чтобъ она сама тамъ журчала, сопровождается теплотою сердечною и ею потомъ поддерживается. Когда теплота эта станетъ неотходною, тогда не престаетъ и молитва. Это современно зарожденію внутренней духовной жизни, о которомъ столько разъ говорилось. Объ этомъ таинствѣ зачатія и говоритъ здѣсь Сперанскій. Другъ Сперанскаго сдѣлалъ большой шагъ, вступивъ теперь на прямой путь жизни о Господѣ.—чему нельзя не сорадоваться. Годъ прошелъ послѣ пре-

поданныхъ предъ этимъ правилъ. Вѣрно, трудъ исканія по прописанному началъ былъ ревностно и продолжался неутомимо. Вотъ и награда!

Не буду болѣе стоять на этомъ письмѣ. Оговорю только послѣднюю фразу о соединеніи въ насъ во св. причащеніи Господа съ Самимъ Собою. Фраза мистиковъ! Не съ Самимъ Собою соединяется Господь, а съ тѣмъ, что есть въ насъ по образу Божію, и что возстановлено въ насъ благодатію Святаго Духа, по вѣрѣ въ Господа Спасителя, Который есть образъ Ипостаси Отчей.

Не будемъ останавливаться и на пятомъ письмѣ, въ которомъ упоминается только о двухъ книгахъ: „Житія Святыхъ," возвращаемыхъ Сперанскимъ, по прочтеніи, сестрѣ друга его, и о „Добротолюбіи," которое, наконецъ, попалось въ руки сему ревнителю о духовной жизни, и нашло у него достойную себѣ оцѣнку. Не могу удержаться, чтобъ не помѣстить здѣсь отзыва его объ этой великой книгѣ.

„Все, что я читалъ когда либо о вершинахъ самаго возвышеннаго созерцанія, какъ по ла-

тинѣ, такъ и по французски.—все это я на дняхъ нашелъ пространно изложеннымъ и разъясненнымъ въ аскетической книгѣ, переведенной съ греческаго на славянскій языкъ*), и напечатанной Сунодомъ въ 1793 году, подъ заглавіемъ о Добротолюбіи**), по ходатайству и стараніямъ настоятеля Валаамскаго монастыря. Книга эта повсюду продается ***) и обращается. Вотъ сколь истинно, что у Господа никогда не будетъ недостатка въ дѣятеляхъ! И между тѣмъ, какъ міръ кажется намъ почти погрязшимъ въ безднѣ беззаконій, вертоградъ Его воздѣлывается, растетъ и процвѣтаетъ, и царство Его, шагомъ медленнымъ, но твердымъ, все приближается. Эта мысль о труженикахъ смиренныхъ и невѣдомыхъ, но вѣрныхъ, дѣятельныхъ, одаренныхъ всѣми силами мудрости и благодати, имѣетъ для меня нѣчто столь привлекательное, что я никогда не останавливаюсь на ней, не почерпнувъ изъ нея великихъ утѣшеній. Эта книга,

*) Паисіемъ Нямецкимъ.

**) Добротолюбіе, или словеса и главизны священнаго трезвенія.

***) Только въ синодальныхъ лавкахъ.

впрочемъ, въ сущности есть не что иное. какъ изложеніе ясное и весьма подробное, происхожденія и великихъ плодовъ молитвы: *Господи помилуй*, которую называютъ молитвою духа, молитвою безъ образовъ, молитвою мистическою“ и т. д.

Мистическою эта молитва не называется; но есть такія ея опредѣленія: „сокровенное во Христѣ дѣланіе, тайное поученіе сердца.“ Что вообще до книги „Добротолюбія,“ то въ ней разъясняется все относящееся до подвижнической жизни, покаянія, борьбы со страстями, трезвенія и молитвы, — изображенъ весь путь приближенія къ Богу отъ начала до конца. Нѣтъ человѣка, который бы, взявшись читать эту книгу, не нашелъ въ ней именно нужнаго ему.

Письмо четырнадцатое.

Въ шестомъ письмѣ Сперанскій говоритъ о случайныхъ уклоненіяхъ въ дѣлѣ внутренней духовной жизни, которыя испытывалъ его другъ. Сперанскій предостерегаетъ его и убѣждаетъ пресѣчь эти неправости, пока онѣ

не окрѣпли, — убѣждаетъ и общимъ разсужденіемъ о власти нашей надъ проявленіями духа, и наставленіями старцевъ о способахъ возгрѣванія жизни въ духѣ, и собственнымъ опытомъ.

Рѣчь идетъ о видѣніяхъ въ тѣлѣ, бывающихъ во время углубленія въ умносердечную молитву у тѣхъ, кои не слѣдуютъ при этомъ установленнымъ правиламъ благоразумія.

О видѣніяхъ кратко: „Вспомните, что Тереза и другіе святые молили объ избавленіи отъ видѣній. Какъ бы ни были онѣ отрѣшены отъ земнаго, какъ бы ни были духовны, къ нимъ всегда примѣшиваются нѣкоторыя формы.“

У рѣдкаго изъ св. подвижниковъ, писавшихъ о духовной жизни, вы не встрѣтите предостереженій на счетъ этихъ видѣній или привидѣній. Не всѣ ихъ испытываютъ. У иныхъ не бываетъ ихъ никогда; другіе имѣютъ къ нимъ особое предрасположеніе. Но не природа виновата, а неправость дѣйствованія самихъ подвергающихся имъ лицъ.

Въ естественномъ порядкѣ, или строѣ на-

шихъ силъ, на переходѣ отвнѣ внутрь, стоитъ воображеніе. Надо благополучно миновать его, чтобъ благополучно попасть на настоящее мѣсто внутри. По неосторожности, можно застрять на немъ, и, оставаясь тамъ, быть увѣренными, что вошли внутрь, тогда какъ это только внѣшнее преддверіе, *дворъ языковъ*. Да это бы еще ничего; но этому состоянію всегда почти сопутствуетъ самопрельщеніе, а изъ него развивается визіонерство, съ его пагубными послѣдствіями.

Очерчу вамъ это состояніе со словъ Симеона Новаго Богослова, въ его статьяхъ о трехъ образахъ молитвы *). Извѣстно, что вся забота ревнителей о духовной жизни обращена на то, чтобы поставить себя въ должное отношеніе къ Богу. Совершается это и обнаруживается въ молитвѣ. Она есть путь восхожденія къ Богу, и ея степени суть степени приближенія нашего духа къ Богу. Самый простой законъ для молитвы,—ничего не воображать, а собравшись умомъ въ сердцѣ, стать въ убѣжденіе, что Богъ близъ, видитъ

*) Добротолюбіе часть 1, стр. 62.

и внимаетъ, и въ этомъ убѣжденіи припадать къ Нему, страшному въ величіи и близкому въ благоснисхожденіи къ намъ. Между тѣмъ, иные вотъ что дѣлаютъ во время молитвы: „Предстоя на молитвѣ, возводятъ на небо очи и умъ, и воображаютъ въ умѣ своемъ Божественные совѣты, небесныя блага, чины св. Ангеловъ и обители святыхъ, словомъ, — все, что говорится въ Писаніи объ этихъ предметахъ особенно образно, вызываютъ ихъ изъ памяти и перебираютъ воображеніемъ во время молитвы, стараясь разительностію сихъ представленій и воображеній потрясти свое чувство, въ чемъ иногда и успѣваютъ, — разблажаютъ свое сердце къ желанію Божественнаго, умиляются и плачутъ.“ Представлять предметы Божественные подъ тѣми образами, какъ они представляются въ Писаніи, ничего нѣтъ худаго и опаснаго: мы и разсуждать о нихъ иначе не можемъ, какъ облекая понятія во образы, — но не должно никогда думать, что и на дѣлѣ такъ есть, какъ эти образы являются, и тѣмъ болѣе останавливаться на этихъ образахъ во время молитвы. Во время благочестивыхъ

размышленій, или при богомысліи, это умѣстно; но во время молитвы — нѣтъ. Образы держатъ вниманіе вовнѣ, какъ бы они священны ни были, а во время молитвы вниманію надо быть внутрь, въ сердцѣ: сосредоточеніе вниманія въ сердцѣ есть исходный пунктъ должной молитвы. И поелику молитва есть путь восхожденія къ Богу, то уклоненіе вниманія отъ сердца есть уклоненіе отъ этого пути. Значитъ, употребляющіе означенный, воображательный образъ держанія себя во время молитвы, на первыхъ же порахъ, сами себѣ устраиваютъ препоны къ дѣлу, за которое взялись съ такою ревностію.

Но въ этой неправости начала есть только начало бѣды, которое наводитъ на нѣчто худшее и опаснѣйшее. Такъ какъ это пареніе или летаніе ума въ небесныхъ областяхъ легко, и, по связи сердца съ воображеніемъ, тотчасъ оставляетъ слѣдъ вліянія своего въ разблаженіи чувствъ, то занимающійся такъ тотчасъ начинаетъ мечтать объ успѣшности своего дѣла и своемъ совершенствѣ. „У такого, говоритъ св. Симеонъ, мало-по-малу кичится сердце; ибо онъ воображаетъ, что со-

вершаемое имъ и происходящее въ немъ бываетъ отъ Божественной благодати къ утѣшенію его. Почему онъ и молитъ Бога, чтобъ далъ ему и всегда быть въ такомъ состояніи; а оно не есть доброе состояніе, а прелесть.“ Такимъ образомъ, у него путь къ преспѣянію пресѣкается въ самомъ началѣ, ибо искомое считается достигнутымъ, тогда какъ достиженіе его еще не начато. Посему-то такой человѣкъ „никогда не можетъ прійти въ разумъ и достигнуть добродѣтели или безстрастія.“ Далѣе,—самомнѣніе еще болѣе разгорячаетъ воображеніе, и оно быстро рисуетъ новыя картины, вставляя въ свои мечтанія личность мечтающаго и представляя ее всегда въ привлекательномъ видѣ, въ близости къ Богу, ангеламъ и святымъ. Чѣмъ болѣе онъ такъ мечтаетъ, тѣмъ болѣе укореняется въ немъ убѣжденіе, что онъ точно уже другъ неба и небожителей, достойный осязательнаго съ ними сближенія и особыхъ откровеній. На этой степени начинается визіонерство, и какъ естественная болѣзнь душевная, и болѣе того, какъ дѣло врага, который не дремлетъ *).

*) Мистики почти всѣ были въ этомъ состояніи. Стоитъ

„Такимъ образомъ многіе прельстились, видя свѣтъ и сіяніе очами тѣлесными, обоняя благоуханіе обоняніемъ своимъ, слыша гласы ушами своими и т. п. Иные изъ нихъ повреждались въ умѣ, и переходили съ мѣста на мѣсто, какъ помѣшанные. Иные, принявъ бѣса, являвшагося имъ въ образѣ свѣтлаго ангела, до того утверждались въ прелести, что до конца оставались неисправимыми, и не принимали совѣта ни отъ одного брата; иные, по внушенію бѣсовскому, сами себя убивали, низвергались въ стремнины, удавливались. И кто можетъ исчислить всѣ прельщенія, въ какія ввергалъ таковыхъ врагъ! Если не всякій изъ держащихся такого образа молитвы терпитъ вредъ, то это только изъ тѣхъ, которые живутъ въ обителяхъ съ другими братіями. Но все же они проводятъ жизнь безъ всякаго успѣха.“

Вотъ на какое уклоненіе отъ прямаго пути въ трудѣ молитвенномъ указываетъ Сперанскій, когда предостерегаетъ друга своего отъ увлеченія видѣніями! Видѣнія бываютъ и

прочитать нѣсколько страницъ изъ ихъ писаній, чтобъ удостовѣриться въ этомъ. Въ немъ была и Тереза.

истинныя. Опытные умѣютъ ихъ различать отъ порожденій своего воображенія и привидѣній бѣсовскихъ; но какъ на дѣлѣ людей неопытныхъ болѣе, чѣмъ опытныхъ, и къ тому же врагъ слишкомъ хитеръ, то поставлено вообще закономъ не принимать никакихъ видѣній и не довѣряться имъ. „Внимай себѣ тщательно, рачитель Божіяго дѣла,“ пишетъ другой наставникъ въ духовной жизни *), „и разумно совершай дѣло свое. Если увидишь свѣтъ или огонь, внѣ себя или внутри, или образъ какой — Христа, напримѣръ, или ангела, или иного кого,—не принимай того, чтобъ не потерпѣть вреда. И уму своему не попускай строить въ тебѣ такіе образы: это внѣшнее дѣло и ведетъ къ прелести. И если замѣтишь, что будто тянетъ кто умъ твой къ такимъ внѣшнимъ воображеніямъ,—не поддавайся, держась внутрь, и совершая дѣло вниманія къ Богу, безъ всякихъ образовъ.“

Другое предостереженіе Сиранскаго другу своему касается какихъ-то необыкновенныхъ

*) Григорій Синаитъ. Доброт. 1 ч. стр. 129 — на оборотѣ.

измѣненій въ тѣлѣ, во время молитвы. Эти измѣненія или движенія бываютъ разнообразны, и не столько опасны, сколько причудливы. Иной, напримѣръ, сильно вздыхаетъ, или вскрикиваетъ, или дѣлаетъ жесты, руки и глаза поднимаетъ быстро къ небу, или падаетъ ницъ стремительно, или искривляетъ черты лица и т. п. Эти движенія и въ домашней молитвѣ не хороши, а тѣмъ болѣе, когда стоитъ кто въ церкви. Онѣ могутъ начинаться и не нарочно, отъ движенія внутреннихъ чувствъ; но потомъ мало-по-малу можно къ нимъ привыкнуть, и производить ихъ уже и безъ внутреннихъ чувствъ, иногда для того, не поможетъ ли это возобновиться внутреннимъ чувствамъ, а иногда съ тѣмъ, чтобы показать, что у насъ эти чувства не прекращаются. Не прекрати такой привычки, можетъ образоваться фиглярство; да и безъ того дѣло это нестройно.

Эти, впрочемъ, странности болѣе внѣшняго свойства. Но могутъ быть въ тѣлѣ раздраженія болѣе внутреннія, и именно, во время умнаго дѣланія или вниманія себѣ въ сердцѣ. Во время навыка умной въ сердцѣ молитвы

ко Господу, вмѣстѣ съ собираніемъ вниманія въ сердце, совѣтуютъ стѣснять нѣсколько дыханіе и сводить къ груди напряженіе мышцъ, считая это не существенною необходимостію, а приспособленіемъ тѣла къ умному дѣланію. И само по себѣ, по связи души съ тѣломъ, умное напряженіе должно воздѣйствовать на сердце, а тѣмъ болѣе при сказанномъ приспособленіи. Оно показывается вскорѣ въ крови, а отъ крови переходитъ на нервы. Раздраженіе, происходящее при этомъ, пріятно, и неопытными, каковы почти всѣ начинающіе, можетъ быть и бываетъ почитаемо слѣдствіемъ, необходимо слѣдующимъ за дѣйствіемъ благодати въ сердцѣ. Этого мнѣнія довольно, чтобъ не только не отклонять, но и усугублять сказанное раздраженіе. Тутъ ничего пока нѣтъ худаго и опаснаго, кромѣ того неправаго мнѣнія, что это есть дѣйствіе благодати. Но что далѣе выходитъ? У крѣпкотѣлыхъ все тѣмъ и ограничивается, и послѣдующіе опыты вразумляютъ ихъ, что это дѣло просто и естественно, и высшаго происхожденія ему приписывать нѣтъ основаній. Но есть слаботѣлые, нервные, у которыхъ упо-

мянутое раздраженіе входитъ глубже въ нервы и начинаетъ отражаться въ мускулахъ; происходятъ легкія движенія, тоже пріятныя, которыя, усиливаясь, переходятъ въ замѣтныя трясенія. Если не остановить этого на первыхъ порахъ, трясеніе начнетъ сопровождать каждое углубленіе умной молитвы въ сердцѣ; а окрѣпши и углубившись, начнетъ въ нѣкоторыхъ личностяхъ, переходить въ конвульсіи, паденія, въ родѣ обмороковъ, съ пѣною изо рта и скрежетаніемъ зубовъ. И вотъ трясущіеся и конвульсивные молельщики! На западѣ были и есть цѣлыя общества такихъ молельщиковъ. Молитва при этомъ идетъ своимъ чередомъ, или можетъ идти и быть очень углубленною, а трясенія, конвульсіи и даже паденія—тоже своимъ чередомъ*). Гдѣ доходятъ до этого по невѣдѣнію и простотѣ, тамъ, можетъ быть, это неукоризненно-нравственно, если только не держаться того мнѣнія, будто тутъ проявляется особое дѣйствіе благодати. Но иные склонны къ причудливостямъ, увлекают-

*) Я объясняю такимъ образомъ необыкновенныя состоянія тѣла у Василиска, — человѣка строгой жизни и великаго молитвенника. О томъ, что съ нимъ бывало во время молитвы, ходитъ по рукамъ рукопись.

ся только подражаніемъ, и пріучаютъ себя къ самотрясеніямъ и безъ молитвенныхъ углубленій; это жертвы глупости человѣческой и пустаго желанія занимать собою праздныхъ зрителей. Полагаю, впрочемъ, что у насъ всѣ такого рода явленія, — и извинительныя,— крайне рѣдки, и упоминать бы объ нихъ не слѣдовало, при рѣчахъ объ умной молитвѣ, дабы не охладить усердія къ этой молитвѣ, возбудивъ опасенія. Пришлось къ слову, и сообщается только къ свѣдѣнію.

Такія то или подобныя симъ измѣненія въ тѣлѣ начали, должно быть, показываться у друга Сперанскаго, во время молитвы. Онъ и пишетъ къ нему, убѣждая пресѣчь это въ самомъ началѣ, чтобъ оно не обратилось въ навыкъ недобрый. Сперанскій сначала внушаетъ ему, что это совершенно въ его власти. „Никогда не слѣдуетъ, пишетъ онъ, позволять себѣ погружаться слишкомъ глубоко въ созерцаніе *), когда находишься при людяхъ, даже въ церкви. Въ особенности не слѣдуетъ допускать, чтобы внутреннее чувство распро-

*) Не то слово. Просто въ молитву умно-сердечную, и притомъ не самодвижную, а трудовую, своими усиліями дѣлаемую.

странялось на тѣло и оказывало на него воздѣйствіе *). Чрезъ это пріобрѣтаешь дурныя духовныя привычки, послѣдствія которыхъ часто опасны. И не думайте говорить мнѣ, что отъ этого нельзя воздержаться, или что это значило бы противиться дѣйствію Духа Святаго.“

„Во первыхъ отъ этого можно всегда воздержаться, ибо всегда можно спуститься съ высоты созерцанія, постепенно переводя вниманіе на молитву умную, или сосредоточивая оную на смыслѣ молитвъ Церкви**). Это уклоненіе нисколько не препятствуетъ дѣйствію Духа Святаго, и нисколько Его не ограничиваетъ: измѣняетъ лишь направленіе этого дѣйствія.“

Предпославъ это общее положеніе, Сперанскій доказываетъ его правилами, какія св. Павелъ далъ коринѳской церкви, относительно

*) У нашихъ опытныхъ старцевъ только одно означается предостереженіе, именно: когда, при дѣланіи умной молитвы, начнетъ подходить теплота блажная, снизу, отъ почекъ, тогда ее надобно отбивать; когда же теплота зарождается, ниспадая сверху и трезвенная, такой не трогать—пусть ее.

**) Припомнить надо, что у Сперанскаго созерцаніе тоже, что умная молитва; умною же молитвою онъ называетъ богомысліе, или разсужденіе о духовныхъ предметахъ. Не то, что съ высоты созерцанія спускаться, а ослабить нѣсколько самодѣльное напряженіе души и тѣла, и стоять въ молитвѣ умной въ сердцѣ, съ простотою дитяти, стоящаго предъ своимъ отцемъ.

употребленія благодатныхъ даровъ, именно дара языковъ. Этотъ случай точно доказываетъ, что человѣкъ можетъ и долженъ править своими внутренними движеніями, даже благодатными, и цѣль Сперанскаго достигнута. Но его взглядъ на событіе въ коринѳской церкви и на слова Апостола Павла невѣренъ. Его нельзя не оговорить.

„Ученіе св. Павла, пишетъ Сперанскій, на этотъ счетъ положительно. Прочтите со вниманіемъ 14-ю главу перваго посланія къ Коринѳянамъ. Тутъ рѣчь идетъ объ извѣстной формѣ дѣйствія Святаго Духа, которой вѣрующіе этой церкви добивались предпочтительно предъ всѣми другими; состояла она въ томъ, чтобы говорить чужими языками (это нѣкотораго рода изступленіе или экстазъ, дѣйствительно обнаруживающійся употребленіемъ языковъ, неизвѣстныхъ тѣмъ самимъ, которые на нихъ говорятъ). И что же? Онъ воспрещаетъ этотъ даръ, хоть и самъ причисляетъ его къ истиннымъ дарамъ Духа Святаго, и возбраняетъ его единственно по неудобству пользоваться имъ въ церкви, въ которой онъ можетъ произвести смятеніе. Онъ совѣтуетъ

имъ приберечь этотъ даръ для ихъ одинокихъ упражненій, а въ церкви пользоваться лишь даромъ пророчества. Болѣе того,—онъ даже воспрещаетъ имъ пророчествовать иначе, какъ соблюдая порядокъ очереди, и предупреждаетъ всѣ возраженія, которыя вы могли бы мнѣ сдѣлать, изрекая великое слово, что самые духи пророчества подчинены пророкамъ."

Вы видите, что этою рѣчью сильно доказывается, что человѣкъ можетъ править собою, даже въ то время, когда состоитъ подъ дѣйствіемъ благодати. Но вмѣстѣ не трудно замѣтить, что тутъ допущены положенія, съ которыми нельзя согласиться. *Во первыхъ,* невѣрно, будто говорившіе на чужихъ языкахъ находились въ это время въ умоизступленіи или экстазѣ, и говорили, сами не понимая своей рѣчи. Въ умоизступленіи теряется сознаніе и своего я и всего окружающаго; а при обнаруженіи дара языковъ, этого не было. Говорившіе на нихъ сознавали, кому говорятъ и о чемъ говорятъ. Ошибка состояла въ томъ, что увлекались движеніемъ сего дара, и говорили, зная, что тѣ, кому говорятъ, не понимаютъ ихъ. Когда пишетъ св. Павелъ правила для

говорящихъ языками, значитъ, онъ считаетъ ихъ способными править собою во время движенія сего дара: въ умоизступленіи же или экстазѣ править собою нельзя. Къ тому же, во всей этой главѣ даръ языковъ ставится на ряду съ даромъ пророчества: пророчество же въ томъ видѣ, какъ оно проявлялось въ первенствующей Церкви, не ставило пророчествующихъ въ умоизступленіе; стало быть, не дѣлалъ этого и даръ языковъ. И то невѣрно, будто языки оставались безвѣстными тѣмъ, которые на нихъ говорили; иначе они не понимали бы, что говорятъ. Ибо св. Павелъ пишетъ, что говорящій на незнакомомъ языкѣ себя назидаетъ (1 Кор. 14, 4): какъ же онъ назидалъ бы себя, еслибъ не понималъ языка? Невѣрно, наконецъ, и то, будто Апостолъ запрещаетъ даръ, по неудобству употребленія его въ церкви, и совѣтуетъ приберечь его для одинокихъ упражненій, пользуясь въ церкви только даромъ пророчества. Св. Павелъ заповѣдуетъ совсѣмъ противное: *ревнуйте*, говоритъ онъ, *о томъ, чтобы пророчествовать; но не запрещайте говорить и языками* (ст. 39); только бы то, что говорилось, изъясняемо было

на понятномъ языкѣ (ст. 27. 28). Видно, что св. Павелъ не всякое вообще употребленіе сего дара считалъ неудобнымъ въ церкви, а только употребленіе его безъ истолкованія. Что касается до того, чтобы приберегать этотъ даръ для одинокихъ упражненій, о томъ и помину нѣтъ.

Второе убѣжденіе для друга своего — пресѣкать непорядочныя измѣненія въ тѣлѣ, — беретъ Сперанскій изъ примѣра св. старцевъ—подвижниковъ. Онъ пишетъ:

„Вслѣдъ за этимъ великимъ авторитетомъ, идутъ всѣ примѣры, вся практика святыхъ созерцательныхъ. Неизмѣнное ихъ ученіе объ этомъ предметѣ состоитъ въ томъ, что при людяхъ никогда не слѣдуетъ позволять, чтобы внутреннее чувство разливалось наружу. Вы найдете это въ трактатѣ Мюлаваля, какъ я это нахожу въ ста мѣстахъ моего „Добротолюбія.“ Не только по сущности, но и по формѣ, полезно, достойно истиннаго смиренія слѣдовать доброй практикѣ и здравому преданію истинныхъ нашихъ отцевъ духовныхъ. Помню, что сообщалъ кое-что объ этомъ въ разговорахъ; напомню вамъ тутъ эту форму въ немногихъ словахъ.“

И это убѣдительно. При собраніяхъ въ церкви, было закономъ ничѣмъ не особиться отъ другихъ: какъ всѣ стоятъ и держатъ себя, такъ стой и держи себя и ты. Арсеній великій однажды вздохнулъ въ церкви, не замѣтивъ, что передъ нимъ близко стоитъ другой. Онъ поклонился ему и сказалъ: „прости, братъ; я еще не начиналъ быть монахомъ.“ — Но, вслѣдъ за этимъ, Сперанскій изображаетъ какъ великіе старцы трезвенно совершали свою умную молитву, уединенно, въ келліяхъ своихъ. И въ этомъ изображеніи своемъ далеко отступилъ отъ того, какъ дѣло шло на самомъ дѣлѣ. Это заставляетъ меня сдѣлать извлеченія изъ „Добротолюбія“ о томъ, какъ подвижники Божіи возбуждали въ себѣ духъ молитвенный и утверждались въ молитвѣ. Тогда само собою видно будетъ, на какихъ пунктахъ Сперанскій отступилъ отъ истины.

Письмо пятнадцатое.

Какъ возгрѣвали въ себѣ духъ молитвенный и утверждались въ молитвѣ подвижники, отцы и учители наши? Главное, чего они

искали, состояло въ томъ, дабы сердце горѣло къ единому Господу безпрестанно. Богъ требуетъ сердца, потому что въ немъ исходище жизни. Гдѣ сердце, тамъ сознаніе, вниманіе и умъ, тамъ вся душа. Когда сердце въ Богѣ, тогда и вся душа въ Богѣ, и предстоитъ человѣкъ въ непрестанномъ поклоненіи Ему духомъ и истиною.

Это главное нашимъ доставалось скоро и легко. Милость Божія! Какъ глубоко потрясалъ ихъ страхъ Божій, какъ скоро оживала совѣсть во всей своей силѣ, какъ стремительно возжигалась ревность—держать себя предъ Господомъ чисто и непорочно, какъ скоро трудъ богоугожденія раздувалъ этотъ огонекъ и превращалъ его въ пламень! Это серафимскія души, пламенныя, быстродвижныя, многодѣятельныя.

Но у другихъ все идетъ вяло. Строй ли ихъ естественный такой, или другія о нихъ намѣренія Божіи, только сердце ихъ не скоро согрѣвается. Казалось бы, они ужъ навыкли всѣмъ дѣламъ благочестія, и жизнь у нихъ идетъ праведно; а нѣтъ, — на сердцѣ все не то, чему бы слѣдовало быть. Такъ бываетъ

не только съ мірянами, но и съ живущими въ обителяхъ, и даже съ отшельниками. Богъ вразумилъ и труженики трезвенія установили особый способъ привитія къ сердцу неисходной молитвы ко Господу, согрѣвающей сердце. Мы объ этомъ поминали не разъ. Опытъ оправдалъ этотъ пріемъ успѣхомъ, и онъ сталъ почти повсюденъ, и всѣ, которые проходятъ его какъ слѣдуетъ, успѣваютъ.

Дѣлаю теперь выписки изъ „Добротолюбія.“ На первомъ мѣстѣ поставлю опытъ согрѣванія сердца, описанный Симеономъ, Новымъ Богословомъ, въ Словѣ его о вѣрѣ *).

„Былъ въ Константинополѣ юноша лѣтъ двадцати, благообразный тѣломъ, но еще болѣе душею и сердцемъ. Познакомился онъ съ нѣкоторымъ мужемъ святымъ, инокомъ одной изъ константинопольскихъ обителей, и, открывъ ему всѣ тайны сердца своего, сказалъ, что усердно хочетъ спастись, и великое имѣетъ желаніе оставить міръ и сдѣлаться инокомъ. Честный старецъ одобрилъ это намѣреніе, преподалъ ему нужныя наставленія, и далъ прочитать книгу словъ св. Марка подвиж-

*) Доброт. ч. 1, стр. 76.

ника *). Юноша принялъ эту книгу, какъ изъ рукъ Божіихъ, въ полной увѣренности, что получитъ отъ нея великую себѣ пользу, и, пришедши домой, тотчасъ принялся читать ее съ благоговѣйнымъ вниманіемъ; прочиталъ всю трижды и четырежды, и послѣ все еще не выпускалъ ее изъ рукъ. Онъ напитался изъ нея духовною пищею, и все еще хотѣлъ питаться. Однакожъ, изъ всего, содержащагося въ книгѣ той, онъ избралъ себѣ въ руководство три только главы, которыя и положилъ исполнять со всѣмъ вниманіемъ, неопустительно. *Первая*: если желаешь исцѣленія душѣ твоей, всякимъ храненіемъ храни совѣсть свою чистою, чтобъ она ни въ чемъ не обличала тебя, — и какія бы дѣла ни внушала она тебѣ дѣлать, дѣлай ихъ не тяготясь, и получишь пользу. *Вторая*: ищущій и чающій получить дѣйствіе Святаго Духа, прежде исполненія заповѣдей Божіихъ, подобенъ купленному рабу, который проситъ у господина своего себѣ свободы, въ тотъ самый часъ, какъ тотъ еще только расплачивается за него. *Третья:*

*) Въ Добротолюбіи есть ихъ нѣсколько, всѣ же слова изданы въ русскомъ переводѣ особою книжкою.

кто молится только устами, и не стяжалъ еще разума духовнаго, и не умѣетъ молиться умно, тотъ подобенъ слѣпому, который вопіялъ: *Сыне Давидовъ, помилуй мя!* Кто же стяжалъ разумъ духовный и молится умно, тотъ подобенъ тому же слѣпцу, но уже исцѣленному отъ слѣпоты, когда онъ, получивъ просвѣщеніе очей своихъ, увидѣлъ Господа, и уже не именовалъ Его Сыномъ Давидовымъ, а исповѣдалъ Сыномъ Божіимъ и поклонился Ему, какъ подобало.

„Эти три главы по душѣ были юношѣ тому, и онъ принялъ извѣщеніе въ сердцѣ своемъ, что несомнѣнно получитъ великую пользу, если будетъ внимать своей совѣсти, что насладится дарами Духа Святаго и получитъ силу отъ Него, если будетъ хранить заповѣди, и что, по дару Духа Святаго, сподобится того, что отверзутся очи его и онъ узритъ Господа. Упованіе увидѣть неизреченную красоту Господню уязвило сердце его любовію къ ней, и онъ возымѣлъ великое желаніе узрѣть ее. И однакожъ, онъ ничего особеннаго не дѣлалъ, а только всякій вечеръ, отходя ко сну, не прежде возлегалъ на одръ,

какъ совершивъ молитву и поклоны, какъ заповѣдалъ ему старецъ тотъ. Такъ прошло нѣсколько времени.

„Въ одинъ вечеръ, когда исполнялъ онъ старцево молитвенное правило, совѣсть сказала ему: сотвори и еще другую такую же молитву и другіе поклоны, говоря: „Господи, Іисусе Христе, помилуй мя!“ многократно, сколько сможешь. Онъ охотно внялъ совѣсти и усердно исполнилъ, что она внушила ему, вѣруя, что Самъ Богъ говорилъ ему чрезъ совѣсть. Съ того времени онъ уже никогда не возлегалъ на одръ свой прежде, чѣмъ не исполнитъ всего, о чемъ говорила ему совѣсть, что онъ можетъ то исполнить. Это одно и могъ онъ дѣлать, ибо на немъ лежало управленіе дома одного вельможи, и днемъ онъ не имѣлъ свободнаго для молитвы времени; только вечеромъ всегда уже молился онъ столько, сколько заставляла его совѣсть.

„Мало-по-малу начало согрѣваться сердце юноши, и очи источать слезы умиленія; творилъ онъ частыя колѣнопреклоненія; возсылалъ молитвы и къ Богоматери, съ воздыханіями и болѣзнію сердечною. Помышляя, что

предстоитъ предъ Господомъ; онъ мысленно припадалъ къ пречистымъ ногамъ Его, и со слезами умиленія умолялъ Его — умилосердиться надъ нимъ, какъ надъ слѣпымъ, и даровать свѣтъ умнымъ очамъ его. День ото дня росла и свѣтлѣла молитва его, и, углубляясь, длилась иногда до полуночи. Неподвижно стоялъ онъ тогда, какъ столпъ какой, и очей своихъ не обращалъ туда и сюда, чтобъ видѣть что нибудь, а стоялъ съ великимъ страхомъ и трепетомъ, не дремля, не тяготясь, не унывая.

„Въ одинъ вечеръ, когда молился онъ по обычаю, и въ умѣ своемъ говорилъ мысленно: „Боже! милостивъ буди мнѣ грѣшному!“ — внезапно осѣнилъ его умный свѣтъ Божественный. Будучи плѣненъ такимъ видѣніемъ, юноша забылъ себя и не понималъ, на землѣ ли онъ, или на воздухѣ; весь міръ исчезъ предъ нимъ, и самъ онъ весь измѣнился, бывъ проникнутъ тѣмъ Божественнымъ дѣйствіемъ, и исполненъ слезъ и радости неизреченной, которая не отходила отъ него и тогда, когда онъ пришелъ въ себя. Всю эту ночь не спалъ онъ; сонъ и на умъ не при-

ходилъ ему отъ сладости духовной, наполнявшей сердце его. Послѣ этого, сладость умиленія уже не отходила отъ сердца его, и отгоняла отъ него всякій мірской и плотской помыслъ; онъ сталъ ко всѣмъ вещамъ безчувственъ до того, что сонъ и пища не приходили ему на умъ, и онъ проводилъ въ постѣ и бдѣніяхъ многіе дни.

„Дивно и достохвально, что двадцати-лѣтній юноша, озабоченный дѣлами житейскими и мірскими, и, кромѣ ихъ, ни о чемъ высшемъ не помышлявшій, а только малое нѣчто слышавшій отъ старца, и тѣ три слова усвоившій изъ душеспасительной книги, малымъ тѣмъ подвигомъ, который несъ съ искреннею вѣрою и упованіемъ, въ короткое время достигъ такого совершенства духовнаго, что плѣненъ былъ въ видѣніе умное, сподобился Божественнаго просвѣщенія и вкусилъ сладости духовной, облегчившей ему весь послѣдующій путь жизни! Такъ-то, ни юность не вредитъ, когда она исполнена страха и вожделѣнія Божественнаго, и жизнь среди міра въ самомъ шумномъ городѣ не помѣшаетъ намъ творить заповѣди Божіи и преуспѣть

въ жизни духовной, если только имѣемъ усердіе.“

Выразить нельзя, сколько назиданія источаетъ опытъ сей! А вотъ и другой, бывшій съ инокомъ, но удобоподражаемый для всѣхъ.

Григорій Синаитъ спросилъ авву Максима Кавсокаливита (это на Аѳонѣ): держитъ ли онъ умную молитву? Тотъ отвѣчалъ: „не скрою отъ тебя, честный отче, милости, явленной мнѣ Богоматерію. Отъ юности имѣлъ я великую вѣру къ Госпожѣ моей Богородицѣ, и молился Ей со слезами, да дастъ мнѣ благодать умной сей молитвы. Однажды, пришедши въ храмъ по обычаю, съ большимъ усердіемъ и съ обильнѣйшими слезами помолился я Ей объ этомъ, — и когда потомъ приступилъ со страхомъ приложиться къ иконѣ, изображавшей Божественный ликъ Ея, вдругъ ощутилъ теплоту, впадшую въ перси мои и въ сердце, которая не палила, но услаждала и орошала, и къ умиленію подвигала душу мою. Съ этой минуты умъ мой началъ непрестанно поучаться въ молитвѣ, и сердце услаждаться памятію Господа моего Іисуса и Богоматери; и никогда ужъ эта молитва не

оскудѣвала въ сердцѣ моемъ. Я желалъ тогда безмолвія и уходилъ въ пустынныя мѣста, чтобъ сподобляться явленнѣйшаго и богатѣйшаго плода молитвы — восхищенія ума ко Господу. Блаженный Григорій спросилъ: а что бываетъ съ душею, когда приходитъ это восхищеніе?—Старецъ отвѣчалъ: „когда благодать Святаго Духа придетъ въ молитвѣ и плѣнитъ умъ, тогда перестаетъ молитва *), потому что умъ бываетъ тогда обладаемъ пришествіемъ Святаго Духа, и не можетъ простирать силъ своихъ, но бываетъ празденъ, и покоряется только Духу Святому, Который, какъ изволитъ, изводитъ его или въ невещественный воздухъ Божественный **), или въ другое изступительное зрѣніе ***), или Божественную бесѣду. Утѣшитель Духъ Святый каждому по достоинству подаетъ утѣшеніе, какъ и въ какой мѣрѣ хочетъ; Онъ не показываетъ ему что либо обычное, но тайно

---

*) Дѣлательная, нашими усиліями творимая.

**) Въ созерцаніе Божества.

***) Плѣненіе въ созерцаніе Божественныхъ свойствъ и дѣйствій промышленія и искупленія.

научаетъ тому, чего онъ прежде не видалъ и не воображалъ никогда“ *).

Этотъ опытъ указываетъ, кажется, на самый надежный способъ стяжанія теплой молитвы — самую молитву. Онъ говоритъ: молись о молитвѣ, и Дающій молитву молящемуся, дастъ и тебѣ молитву просимую. Я хотѣлъ бы привести здѣсь, какъ выраженное этимъ фактомъ съ силою изъяснено правоучительнымъ словомъ въ бесѣдахъ Макарія великаго, но опасаюсь наскучить. Скажу только общую объ этомъ мысль сего отца, которую не разъ повторялъ онъ своимъ ученикамъ: „Нудь себя на молитву, и Господь, видя усердіе, съ какимъ домогаешься ты молитвы, дастъ тебѣ молитву.“ Но не могу удержаться, чтобъ не привесть здѣсь примѣръ молитвенника, который представляетъ св. Исаакъ Сиріанинъ въ 10-мъ словѣ своемъ.

„Въ одинъ день, пишетъ онъ, пришелъ я въ келлію къ одному брату, и, по болѣзни своей, прилегъ у него, чтобъ онъ походилъ за мною, ради Бога, такъ какъ знакомыхъ

*) Доброт. ч. I, стр. 130.

у меня тамъ никого не было. И видѣлъ я, какъ этотъ братъ совершалъ свою молитву. Довольно времени онъ стихословилъ (читалъ Псалтирь на распѣвъ) и вдругъ оставлялъ правило, падалъ на лицо свое, и до ста, или болѣе разъ, съ горячностію, какую возжигала въ сердцѣ его благодать, ударялъ головою въ землю. Послѣ сего онъ вставалъ, лобызалъ крестъ Владычный, и снова повергался на лицо свое. И такой обычай соблюдалъ онъ всю жизнь, такъ что невозможно исчислить множества его колѣнопреклоненій. Разъ двадцать со страхомъ и горячностію, съ любовію, растворенною благоговѣніемъ, лобызалъ онъ крестъ, и опять начиналъ стихословіе; а иной разъ отъ великаго возгорѣнія помысловъ, распалявшихъ его горячностію своею, когда не въ силахъ былъ вынесть разженіе того пламени, препобѣждаемый радостію, вскрикивалъ, будучи не въ силахъ удержаться. По утру же, послѣ перваго часа, когда садился онъ за чтеніе, то дѣлался подобенъ человѣку плѣненному, и, въ продолженіе каждой читаемой имъ главы, не разъ падалъ на лицо свое и

на многихъ стихахъ воздѣвалъ руки свои къ небу и славословилъ Бога.“

Изъ приведенныхъ опытовъ можно вывесть весьма вѣрное заключеніе, что у кого есть усердіе молиться, того нечего учить, какъ усовершенствоваться въ молитвѣ. Самый трудъ молитвенный, съ терпѣніемъ продолжаемый, доведетъ его и до высшихъ степеней молитвы.

Но что дѣлать немощнымъ, вялымъ и особенно тѣмъ, которые прежде чѣмъ дошли до разумѣнія, какова должна быть молитва, успѣли затвердѣть во внѣшней формальности и охладѣли въ навыкновеніи порядкамъ уставнаго молитвословія? Имъ остается еще прибѣжище—художественное дѣланіе умной молитвы, молитвы ко Господу. И не для нихъ ли преимущественно и изобрѣтено это художественное дѣланіе, или, иначе, искусственное привитіе къ сердцу умной молитвы Іисусовой?

Какъ бы то ни было, я изображу это художество во всей его подробности, не оставляя ничего изъ касающагося до того въ поученіяхъ св. отцевъ подвижниковъ. Начну это опять съ Симеона Новаго Богослова.

Письмо шестнадцатое.

Упомянутое въ предыдущемъ моемъ письмѣ „художество“ Симеонъ, Новый Богословъ, описываетъ въ своемъ Словѣ о трехъ образахъ молитвы. Первый образъ молитвы—неправый, указанъ уже мною: это мечтательная молитва. Второй, тоже неправый, или неполный, приведу здѣсь, какъ переходъ къ третьему, который есть настоящій образъ молитвы. Поясню немного, откуда такая градація.

Первый неправый способъ молитвы зависитъ отъ того, что иные дѣйствуютъ въ ней преимущественно воображеніемъ и фантазіей. Эти силы составляютъ первую инстанцію въ движеніи отвнѣ внутрь, которую слѣдовало бы миновать, а вмѣсто того останавливаются на ней. Вторую инстанцію на пути внутрь представляетъ разсудокъ, разумъ, умъ, вообще—разсуждающая и мыслящая сила. Слѣдуетъ и ее миновать, и вмѣстѣ съ нею сойти въ сердце. Когда же останавливаются на ней, то происходитъ второй неправый образъ мо-

литвы, отличительная черта котораго та, что *умъ, оставаясь въ головѣ, самъ собою все въ душѣ хочетъ уладить и всѣмъ управить;* но изъ трудовъ его ничего не выходитъ. Онъ за всѣмъ гоняется, но ничего одолѣть не можетъ, и только терпитъ пораженія. Это состояніе бѣднаго ума очень полно изображено у Новаго Богослова.

„Второй образъ вниманія и молитвы, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, когда кто собираетъ умъ свой въ себѣ, отвлекая его отъ всего чувственнаго, и хранитъ чувства свои (особенно зрѣніе и слухъ, уединяясь сколько можно, и устраняясь отъ случаевъ къ раздраженію ихъ) и собираетъ помыслы свои, чтобъ они не скитались по суетнымъ вещамъ міра сего (а они все свое: возвратишь, а они убѣгутъ; опять возвратишь, опять убѣгутъ, — и такъ безъ конца) и иногда истязуетъ помыслы свои (обсуждаетъ критически, по началамъ христіанской нравственности), иногда внимаетъ словесамъ молитвы (во время, свободное отъ молитвословія, гоняется за помыслами, а на правилѣ внимаетъ словамъ молитвы; но и это безуспѣшно), которую читаетъ,“ —

(А между тѣмъ, какъ происходитъ это броженіе въ головѣ, сердце идетъ своимъ чередомъ; его никто не блюдетъ, и на него набѣгаютъ заботы и страстныя движенія. Тогда и умъ себя забываетъ, и убѣгаетъ къ предметамъ заботъ и страстей; и развѣ ужъ когда-то когда опомнится), —„собираетъ снова къ себѣ всѣ помыслы, плѣненные отъ діавола и превращенные въ суетливые и грѣшные. Но въ иной разъ, съ великимъ трудомъ и самопринужденіемъ, приходитъ въ самого себя,—это тогда, когда бываетъ онъ плѣненъ и увлеченъ какою либо страстію. Имѣя такой подвигъ и такую брань въ себѣ, никогда не можетъ онъ быть миренъ, и хоть минуты не имѣетъ свободной отъ труда, но вѣнца правды не получаетъ. Такой подобенъ человѣку, ведущему брань со врагами своими во тьмѣ ночной; онъ слышитъ голоса враговъ и раны отъ нихъ принимаетъ, а ихъ самихъ не видитъ и не знаетъ, кто они, откуда пришли, какъ и чего ради борютъ его. Въ этомъ жалкомъ положеніи держитъ его тьма, качествующая въ умѣ его, и буря, волнующая помыслы его. И не можетъ онъ никогда ни освободиться отъ

враговъ своихъ мысленныхъ, ни воспрепятствовать имъ, чтобъ не поражали его; и что еще дивнѣе, остается увѣреннымъ, что онъ какъ должно внимаетъ себѣ“ (то есть, что состоитъ въ чинѣ настоящихъ трезвенниковъ). „Оттого окрадается тщеславіемъ, и нерѣдко въ гордости охуждаетъ другихъ и презираетъ; себя же, по самомнѣнію, считаетъ достойнымъ быть пастыремъ овецъ, и путеводствовать ихъ, уподобляясь на дѣлѣ слѣпцу, покушающемуся водить иныхъ слѣпцевъ.“

„Вотъ второй образъ молитвы!“ (Его прилично назвать *умно-головнымъ*, въ противоположность третьему—умно-сердечному, или сердечно-умному). „Всякому, ищущему спасенія, надобно его понять и различить, чтобъ не остановиться на немъ по невѣдѣнію, и не потерпѣть вреда, который онъ причиняетъ. Впрочемъ, этотъ второй образъ лучше перваго, какъ ночь лунная лучше ночи безлунной и мрачной.“

Приложу къ этому нѣсколько словъ изъ предисловія къ писаніямъ Григорія Синаита, старца Василія схимонаха, спостника и друга Паисія нямецкаго. Выписавъ приведенное

нами мѣсто изъ Симеона Новаго Богослова, онъ прибавляетъ: „Какъ можно, однимъ ограженіемъ внѣшнихъ чувствъ, хранить умъ нерасхищеннымъ, когда помыслы его сами собою растекаются и парятъ на вещи чувственныя? Если не можно, то нужда настоитъ уму, въ часъ молитвы, бѣжать внутрь до сердца и стоять тамъ глухимъ и нѣмымъ для всѣхъ помысловъ. Кто внѣшно только удаляется отъ зрѣнія, слышанія и глаголанія, тотъ мало получаетъ пользы. Затвори умъ свой во внутренней клѣти сердца,—и тогда насладишься покоемъ отъ злыхъ помысловъ, и вкусишь радости духовной, приносимой умною молитвою и вниманіемъ сердечнымъ. Св. Исихій говоритъ: „не можетъ умъ нашъ побѣдить мечтаніе бѣсовское самъ собою токмо, и да не надѣется когда либо сего. Посему блюдись, да не вознесешься по примѣру древняго Израиля,—и преданъ будешь и ты мысленнымъ врагамъ. Тотъ, будучи избавленъ Богомъ всяческихъ отъ египтянъ, помощникомъ себѣ вздумалъ возымѣть идола перстнаго. Подъ идоломъ перстнымъ разумѣй немощный нашъ разумъ, который, пока молитъ Іисуса Христа

противъ лукавыхъ духовъ, удобно ихъ отгоняетъ; а когда на себя безсмысленно попадѣется, падаетъ паденіемъ дивнымъ и разбивается.“

Эти слова достаточно уже предуказываютъ, въ чемъ именно состоитъ третій образъ вниманія и молитвы Теперь опять продолжаетъ Симеонъ Новый Богословъ:

„Третій образъ вниманія и молитвы есть вещь воистину преславная и неудобовъяснимая, даже невѣроятная, пока кто не испытаетъ ее дѣломъ. И въ наши времена не у весьма многихъ найдешь ты его. Тутъ нѣтъ того, чтобы умъ свой занимать воображеніями небесныхъ вещей, или, держа умъ въ головѣ только, гоняться безуспѣшно за помыслами, оставляя сердце быть пораженнымъ, когда и какъ придется. Чтожъ это такое?

„Приготовленіемъ къ этому образу молитвы служитъ совершенное послушаніе духовному отцу своему, сопровождаемое безпопеченіемъ, и храненіе совѣсти своей чистою предъ Богомъ, предъ своимъ духовнымъ отцемъ, предъ всѣми людьми и въ отношеніи ко всѣмъ вещамъ. Предъ Богомъ хранить совѣсть свою

чистою, значитъ не дѣлать ничего, о чемъ знаешь, что оно непріятно и неугодно Богу; хранить совѣсть свою чистою предъ духовнымъ отцемъ, значитъ ничего — ни больше, ни меньше—не дѣлать противъ заповѣданнаго имъ; къ инымъ людямъ хранить совѣсть свою чистою, значитъ не дѣлать имъ ничего, чего не хочешь, чтобъ они дѣлали тебѣ; къ вещамъ хранить чистою совѣсть, значитъ беречься злоупотребленія, но все употреблять надлежащимъ образомъ,—пищу, питье, одежду и проч. Коротко: все долженъ ты дѣлать, какъ предъ лицемъ Бога, чтобы совѣсть отнюдь ни въ чемъ не обличала тебя, что ты не хорошо сдѣлалъ то или это.

„Устроясь такъ, приступай къ прохожденію третьяго образа вниманія и молитвы, который состоитъ въ слѣдующемъ: умъ, во время молитвы, да пребываетъ неисходно внутрь сердца, и оттуда, то есть, изъ глубины сердца да возсылаетъ молитвы къ Богу.“ (Въ этомъ существо дѣла!) „Когда вкуситъ онъ потомъ изъ среды сердца, яко благъ Господь, и усладится тѣмъ, тогда не станетъ уже болѣе исходить изъ мѣста сердечнаго, говоря, какъ нѣ-

когда Апостолъ Петръ: *добро есть намъ здѣ быти;* но будетъ всегда зрѣть внутрь сердца, и тамъ пребывать, вымышляя образъ нѣкій (ухищряясь) прогонять всѣ помыслы, всѣвасмые туда врагомъ. Тѣмъ, которые не извѣдали еще этого спасительнаго дѣланія, кажется оно весьма трудпымъ и стѣснительнымъ; тѣ же, которые, вкусили сладость его, и наслаждаются ею во глубинѣ сердца своего, взываютъ съ Апостоломъ Павломъ: *кто ны разлучитъ отъ любве Божія* (Рим. 8, 35)?

„Св. отцы наши, слыша слово Господа, что отъ сердца исходятъ помышленія злыя, — убійства, прелюбодѣянія, любодѣянія, татьбы, лжесвидѣтельства, хулы, и сквернятъ человѣка, — слыша также заповѣдь Его очищать *внутреннее стклянницы, да будетъ и внѣшнее чисто*, оставили всякое иное дѣло, и всю ревность свою, весь подвигъ свой обратили на храненіе сердца, навѣрно зная, что этимъ дѣланіемъ удобно стяжать и всякую другую добродѣтель; а безъ него не успѣютъ ни въ одной. Это дѣланіе нѣкоторые изъ отцевъ назвали безмолвіемъ сердечнымъ, иные — вниманіемъ, иные—трезвеніемъ, иные — хране-

ніемъ ума. Они всѣ упражнялись въ немъ и оставили на счетъ его подробныя наставленія. Кто хочетъ знать о томъ, пусть читаетъ слова Марка подвижника, Іоанна Лѣствичника, преподобнаго Исихія, Филоѳея Синайскаго, аввы Исаіи, Варсонофія и другихъ."

„Вотъ какъ надобно проходить эти дѣланія! Но не забудь о стяжаніи напередъ приготовительныхъ распоряженій, о которыхъ я поминалъ тебѣ. Ихъ три: *первое*, безпопеченіе о всякой вещи, благословной и неблагословной; *второе*, совѣсть чистая во всемъ, такъ, чтобъ она ни въ чемъ тебя не обличала; и *третье*, безпристрастіе совершенное, чтобъ сердце твое не было привязано ни къ чему мірскому. Эти приготовительныя расположенія утвердивъ напередъ въ сердцѣ, приступай къ тому дѣланію, какъ я тебѣ укажу, именно: затворивъ двери келліи, сядь въ безмолвномъ мѣстѣ, въ углу, прилѣпи къ персямъ браду твою, стѣсни нѣсколько и дыханіе твое; за тѣмъ, отвлекши умъ отъ всякой привременной и суетной вещи, низведи его въ сердце, туда же обращая и чувственныя очи, и внимая ему, держи тамъ умъ свой: гдѣ сердце

твое, тамъ совершенно да будетъ и умъ твой. Сначала тамъ встрѣтишь ты тьму и жесткость; но потомъ, если будешь продолжать дѣло такого вниманія день и ночь, обрѣтешь непрестанное веселіе. Умъ, подвизаясь въ этомъ, найдетъ мѣсто сердечное, и тогда скоро увидитъ тамъ то, чего никогда не видалъ и не вѣдалъ,—увидитъ себя свѣтлымъ, исполненнымъ благоразумія и разсужденія, и оттолѣ впредь, откуда бы ни возникъ и ни явился какой помыслъ, прежде чѣмъ войдетъ онъ въ сердце и изобразится въ немъ, будетъ онъ отгонять его оттуда и истреблять именемъ Іисусовымъ, говоря: „Господи, Іисусе Христе, помилуй мя!“ Прочее же, что обычно бываетъ при этомъ, узнаешь послѣ, съ помощію Божіею, самъ, своимъ опытомъ, посредствомъ вниманія ума твоего, держа въ сердцѣ Іисуса, то есть, означенную молитву: „Господи, Іисусе Христе, помилуй мя!“

„При этомъ не забывай слѣдующее мудрое наставленіе св. Лѣствичника. Онъ изображаетъ путь восхожденія нашего къ Богу подъ видомъ лѣствицы о четырехъ ступеняхъ. Одни, говоритъ онъ, укрощаютъ страсти; другіе по-

ютъ, то есть, молятся устами своими; третьи упражняются въ умной молитвѣ; четвертые, наконецъ, восходятъ въ видѣнія. Хотящіе восходить по симъ четыремъ ступенямъ не могутъ начинать сверху, а должны начать снизу,—и, ступивъ на первую ступень, съ ней уже восходятъ на другую, потомъ на третью, и послѣ всего уже на четвертую. Этимъ путемъ всякій можетъ взойти на небо. Сначала надобно подвизаться въ укрощеніи и умаленіи страстей; потомъ, упражняться въ псалмопѣніи, то есть, навыкнуть молиться устно; далѣе, молиться умно и, наконецъ, получить возможность восходить въ видѣнія. Первое есть дѣло новоначальныхъ, второе—возрастающихъ въ преуспѣяніи, третье—достигшихъ до конца преуспѣянія, а четвертое—совершенныхъ."

Я извлекъ теперь все изъ Симеона Новаго Богослова о художественномъ прохожденіи умной молитвы. Вы видите, что тѣлесныя при этомъ положенія и пріемы не составляютъ главнаго дѣла: они не больше, какъ приспособленія. Я ихъ тутъ означу еще особо: сѣсть въ уединенномъ мѣстѣ, преклонить голову

къ персямъ, стѣснить нѣсколько дыханіе, и тѣлесныя очи обратить тоже внутрь къ мѣсту сердца, и въ этомъ положеніи, собравши умъ въ сердце, говорить: Господи, Іисусе Христе, помилуй мя!“

Иду далѣе по Добротолюбію (славянскому). За св. Симеономъ Новымъ Богословомъ въ этой книгѣ слѣдуетъ Григорій Синаитъ.—Сокращенное извлеченіе изъ него составитъ содержаніе слѣдующаго письма.

Письмо семнадцатое.

„Слѣдовало бы намъ, пишетъ св. Григорій Синаитъ, принявшимъ духа жизни о Христѣ Іисусѣ, чистою въ сердцѣ молитвою, херувимски бесѣдовать съ Господомъ; но мы, не разумѣя величія, чести и славы благодати возрожденія, и не заботясь о томъ, чтобы возрасти духовно чрезъ исполненіе заповѣдей, востечь до состоянія умнаго созерцанія, предаемся нерадѣнію, чрезъ что впадаемъ въ страстные навыки, и, такимъ образомъ, низвергаемся въ бездну нечувствія и мрака. Бы-

ваетъ и то, что мы даже мало помнимъ—есть ли Богъ; а каковы мы должны быть, какъ чада Божіи по благодати, о томъ нерѣдко и совсѣмъ не знаемъ. Вѣруемъ, но вѣрою недѣйственною, и, по обновленіи духомъ въ крещеніи, не перестаемъ жить плотски. Если иногда, покаявшись, и начинаемъ исполнять заповѣди, то исполняемъ ихъ только внѣшно, а не духовно, и до того отвыкаемъ отъ духовной жизни, что проявленія ея въ другихъ кажутся намъ неправостями и заблужденіями. Такъ до самой смерти пребываемъ мы мертвыми духомъ, живя и дѣйствуя не о Христѣ, и не соотвѣтствуя тому опредѣленію, что рожденное отъ Духа должно быть духовно.

„Между тѣмъ, принятое нами о Христѣ Іисусѣ во святомъ крещеніи не истребляется, а только зарывается, какъ нѣкое сокровище въ землю. И благоразуміе и благодарность требуютъ позаботиться о томъ, чтобы открыть его и привесть въ явность. Къ этому ведутъ слѣдующіе способы: *во первыхъ*, даръ этотъ открывается многотруднымъ исполненіемъ заповѣдей, такъ что поколику исполняемъ запо-

вѣдн, потолику даръ сей обнаруживаетъ свою свѣтлость и свой блескъ; *во вторыхъ*, приходитъ онъ въ явленіе и раскрывается непрестаннымъ призываніемъ Господа Іисуса, или, что тоже, непрестанною памятію о Богѣ. И первое средство могущественно, но второе могущественнѣе, такъ что и первое отъ него получаетъ полную свою силу. Посему, если искренно хотимъ раскрыть сокрытое въ насъ сѣмя благодатное, то поспѣшимъ скорѣе навыкнуть сему послѣднему сердечному упражненію, и имѣть всегда въ сердцѣ это одно дѣло молитвы, безвидно и невообразимо, пока оно согрѣетъ сердце наше и распалитъ его до неизреченной любви ко Господу."

„Дѣйствіе этой молитвы въ сердцѣ бываетъ двоякимъ образомъ: иногда умъ предваряетъ, прилѣпляясь къ Господу въ сердцѣ непрестанною памятію; иногда дѣйствіе молитвы, само подвигшись предварительно огнемъ веселія, привлекаетъ умъ въ сердце и привязываетъ его къ призыванію Господа Іисуса и благоговѣйному Ему предстоянію" (Первая молитва есть трудовая, вторая самодвижная). Въ первомъ случаѣ дѣйствіе молитвы начинаетъ от-

крываться, по умаленіи страстей исполненіемъ заповѣдей, теплотою сердечною, вслѣдствіе усиленнаго призыванія Господа Іисуса; во второмъ Духъ привлекаетъ умъ къ сердцу и водружаетъ его тамъ въ глубинѣ, удерживая отъ обычнаго скитанія. И тогда онъ не бываетъ уже какъ плѣнникъ, отводимый изъ Іерусалима къ ассиріянамъ, а, напротивъ, совершаетъ переселеніе изъ Вавилона въ Сіонъ, взывая съ Пророкомъ: *Тебѣ подобаетъ пѣснь Боже въ Сіонѣ, и Тебѣ воздастся молитва во Іерусалимѣ.* Отъ этихъ двухъ видовъ молитвы и умъ бываетъ то дѣятельнымъ, то созерцательнымъ: дѣяніемъ онъ, съ помощію Божіею, побѣждаетъ страсти, а созерцаніемъ Бога зритъ, сколько это доступно человѣку.

„Дѣятельная умно-сердечная молитва совершается такъ: сядь на сѣдалищѣ въ одну пядь, низведи умъ свой изъ головы въ сердце, и придержи его въ немъ; потомъ болѣзненно преклонившись, и боля персями, раменами и выею (отъ напряженія мышцъ), взывай умно-сердечно: „Господи, Іисусе Христе, помилуй мя!“ Удерживай при этомъ и

дыханіе. не дерзостно дыши, потому что это можетъ развѣвать мысли. Если увидишь, что возникаютъ помыслы, не внимай имъ, хотя бы они были простые и добрые, а не только суетные и нечистые. Держа дыханіе, сколько тебѣ возможно, заключая умъ въ сердцѣ и призывая Господа Іисуса часто и терпѣливо, ты скоро сокрушишь и истребишь ихъ, поражая невидимо Божественнымъ именемъ. Св. Лѣствичникъ говоритъ: „Іисусовымъ именемъ бей ратниковъ; крѣпче этого орудія нѣтъ другаго ни на небѣ, ни на землѣ.“

„Когда въ такомъ трудѣ изнеможетъ умъ, возболѣзнуютъ тѣло и сердце отъ напряженнаго водруженія частаго призыванія Господа Іисуса, такъ что это дѣланіе перестанетъ согрѣвать и возвеселять, чѣмъ поддерживается усердіе и терпѣніе подвижниковъ въ этомъ трудѣ: тогда встань и пой, одинъ или съ ученикомъ твоимъ, или упражняйся въ размышленіи о какомъ либо мѣстѣ Писанія, или въ памяти о смерти, или займись чтеніемъ, или рукодѣліемъ, или другимъ чѣмъ, чтобъ потрудить тѣло свое.“

Это писано для безмолвника. Другимъ слѣ-

дуетъ сказать, примѣнительно къ сему, такъ: тогда встань и берись за обычныя дѣла свои со страхомъ Божіимъ и вниманіемъ къ себѣ, не пропуская, однакожъ, обычныхъ при этомъ духовныхъ упражненій—чтеніемъ и размышленіемъ.

„Когда возьмешься за это дѣло, тогда тебѣ прилично читать только такія книги, въ которыхъ излагается ученіе о внутренней жизни, о трезвеніи и молитвѣ, именно: Лѣствицу, слова Исаака Сиріанина, аскетическія писанія Максима исповѣдника, Симеона Новаго Богослова, Исихія, Филоѳея Синайскаго и другія подобныя писанія. Писанія иного рода всѣ оставь до времени, не ради того, чтобъ они были не хороши, а ради того, что тебѣ не благовременно ими заниматься, при настоящемъ твоемъ настроеніи и стремленіи: они могутъ отводить умъ твой отъ молитвы. Читай не много, но съ углубленіемъ и усвоеніемъ. Этимъ умъ, укрѣпясь, исполняется силою трезвенно и бодренно молиться. Многочтеніе (и тѣмъ паче чтеніе постороннихъ книгъ) разслабляетъ и омрачаетъ умъ, и дѣлаетъ его безсильнымъ и разсѣяннымъ въ молитвѣ.

„Что касается до дѣлъ твоихъ, то внемли себѣ и поминутно назирай за намѣреніями и цѣлями твоими, точно опредѣляя, куда онѣ клонятся,—Бога ли ради, и самаго добра, и душевнаго спасенія дѣлаешь ты все, что дѣлаешь, чтобъ не быть тебѣ окрадену безъ вѣдома, и не оказаться по виду только богоугодникомъ въ душѣ же человѣкоугодникомъ. Врагъ покушается окрасть всякое дѣло, чтобъ оно было не по Богу совершаемо. Но пусть онъ неослабно ратуетъ и безстыдно наступаетъ,—ты держи искреннее намѣреніе богоугожденія твердымъ и неизмѣннымъ, и не будешь окраденъ. Хоть иногда мысль невольно и попаритъ къ инымъ цѣлямъ, при ослабленіи вниманія,—это извиняется и прощается ради того единаго главнаго намѣренія и стремленія сердца, которое зритъ Всемогущій.

„Надобно знать, что вѣрный признакъ доброты подвига и вмѣстѣ условіе преуспѣянія чрезъ него есть приболѣзненность. Неболѣзненно шествующій не получитъ плода. Болѣзнь сердечная и тѣлесный трудъ приводятъ въ явленіе даръ Духа Святаго, подаемый всякому вѣрующему во св. крещеніи, который

нашимъ нерадѣніемъ объ исполненіи заповѣдей погребается въ страстяхъ, но неизреченной же милости Божіей опять воскрешается въ покаяніи. Не отступай же отъ трудовъ изъ-за болѣзненности ихъ, чтобъ не быть тебѣ осуждену за безплодіе и не услышать: *возьмите отъ него талантъ*. Всякій подвигъ, тѣлесный или душевный, не сопровождаемый болѣзненностію и не требующій труда, не приноситъ плода: *царствіе Божіе нудится, и нуждницы восхищаютъ е* (Матѳ. 11, 12). Многіе много лѣтъ неболѣзненно трудились и трудятся, но ради безболѣзненности этой были и суть чужды чистоты, и непричастны Духа Святаго, какъ отвергшіе лютость болѣзней. Въ небреженіи и разслабленіи дѣлающіе трудятся будто и много, но никакого не пожинаютъ плода, по причинѣ безболѣзненности. Если, по Пророку, не сокрушатся чресла наши, изнемогши отъ постныхъ трудовъ, и если мы не водрузимъ въ сердцѣ болѣзненныхъ чувствъ сокрушенія, и не возболѣзнуемъ, какъ раждающая, то не возможемъ родить духъ спасенія на землѣ сердца нашего.

„Самыя слова молитвы иногда всѣ гово-

рили: „Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя!“ — иногда половину: „Іисусе, Сыне Божій, помилуй мя!“ Послѣднее удобнѣе начинающему, по причинѣ младенчества ума его. Говори ихъ или въ умѣ только, или и звукомъ голоса.

„Ума никто удержать не можетъ, если не Духъ. Поползнувшись въ паденіи, умъ удалился отъ Бога, и водится всюду, какъ плѣнникъ. Не можетъ онъ опять установиться, если не покорится Богу, и если, соединившись съ Нимъ опять, не будетъ Имъ удерживаемъ въ молитвѣ. Когда придетъ дѣйствіе молитвы, тогда оно удержитъ его у себя съ веселіемъ, и не попуститъ ему быть плѣняему въ расхищеніе.

„Когда нападаютъ помыслы и отвлекаютъ отъ молитвы, самъ своимъ оружіемъ не борись съ ними; но, вмѣсто всякаго оружія, призывай Господа Іисуса, часто и терпѣливо, — и отбѣгутъ. Не терпя теплоты сердечной, отъ молитвы исходящей, они, какъ огнемъ палимые, разбѣгутся. Богъ нашъ есть *огнь*, *поядаяй* злобу. Скорый на помощь, Онъ тотчасъ сотворитъ отмщеніе усердно вопію-

щимъ къ Нему день и ночь. Если недостаточно будетъ одного этого внутренняго взысканія, встань и, подражая Моисею, воздвигни руки и очи твои на небо,—и Богъ поразитъ враговъ твоихъ.

Это дѣйствіе призыванія Бога на помыслы изображены Іоанномъ Коловомъ въ слѣдующемъ сравненіи: „Я, говоритъ онъ, подобенъ человѣку, который сидитъ подъ большимъ деревомъ, и видитъ, что къ нему приближается множество звѣрей и змѣй. Если онъ не можетъ стоять противъ нихъ, влѣзаетъ на дерево, и спасается. Такъ и я: сижу въ своей кельѣ, и вижу злые помыслы, возстающіе на меня; когда у меня не достаетъ силъ противъ нихъ, прибѣгаю къ Богу посредствомъ молитвы, и спасаюсь отъ врага.“

„Не оставляй и молитвословія. Въ отношеніи къ нему не всѣ одинаково дѣйствуютъ: иные держатъ большое молитвенное правило, иные совсѣмъ оставляютъ молитвенникъ, молясь Господу одною умною молитвой. Ты же избери средину: не набирай много молитвъ, ибо отсюда—смущеніе, но и вовсе не оставляй ихъ, на случай немощи и разслабленія.

Если видишь, что молитва дѣйствуетъ въ тебѣ и не перестаетъ сама двигаться въ сердцѣ твоемъ, не оставляй ее и не берись за молитвенникъ. Это значило бы, оставивъ Бога внутрь, выйти оттуда, и извнѣ простирать къ Нему бесѣду. Тѣмъ, которые еще не имѣютъ дѣйствія молитвы, надо много молитвословить, и даже безъ мѣры, чтобъ непрестанно быть въ этомъ многомолитвіи и разномолитвіи, пока отъ какого приболѣзненнаго труда молитвеннаго разогрѣется сердце и начнется въ немъ дѣйствіе молитвы. Кто же вкуситъ, наконецъ, этой благодати, тому надобно молитвословить въ мѣру, а больше пребывать въ умной молитвѣ, какъ заповѣдали отцы. Въ случаѣ разслабленія, надо молитвословить, или прочитывать отеческія писанія. Употребленіе веселъ излишне, когда вѣтръ надулъ паруса: они нужны тогда, когда падетъ вѣтръ и ладья остановится."

„Великое орудіе имѣетъ на враговъ тотъ, кто въ молитвѣ держитъ плачъ сокрушенный, чтобъ не впасть въ самомнѣніе отъ радости, подаваемой молитвою. Хранящій эту радостопечаль избѣгнетъ всякаго вреда. Настоящая

не прелестная молитва та, въ которой теплота, съ молитвою Іисусовою, влагаетъ огнь въ землю сердца нашего и попаляетъ страсти, какъ терніе. Она веселіемъ и миромъ осѣняетъ душу, и приходитъ не отъ десныя или шуія страны, ни даже свыше, но прозябаетъ въ сердцѣ, какъ источникъ воды отъ животворящаго Духа. Эту одну возлюби и возревнуй стяжать въ сердцѣ твоемъ, храни умъ всегда немечтательнымъ. Съ нею не бойся ничего, ибо Тотъ, Кто сказалъ: *дерзайте: Азъ есмь, не бойтеся*,—Самъ съ нами. Кто, настроившись такъ, живетъ праведно и непорочно, чуждъ человѣкоугодія и высокомѣрія, тотъ устоитъ и не потерпитъ никакого вреда, хотя бы весь бѣсовскій полкъ поднялся противъ него и навелъ на него безчисленныя искушенія.“

Дѣло молитвы, какъ видите, преподобнымъ Григоріемъ разъяснено подробнѣе въ нѣкоторыхъ частяхъ. Но что касается до положенія при семъ тѣла, имъ ничего особеннаго не прибавлено. Перехожу теперь къ слѣдующему учителю, именно, Никифору монаху. Его ученіе о молитвѣ излагается въ статьѣ—о трезвеніи и храненіи сердца.

Письмо осмнадцатое.

Вы, пишетъ въ „Добротолюбіи“ Никифоръ монахъ, которые желаете огнь небесный воспріять сердечно, въ чувствѣ, и опытно познать, что есть царствіе небесное, внутрь васъ сущее, пріидите, я повѣдаю вамъ науку небеснаго житія, или, лучше, искусство. которое безъ труда вводитъ дѣлателя своего въ пристанище безстрастія. Чрезъ паденіе мы вышли во внѣ,—возвратимся же къ себѣ, отвращаясь внѣшняго. Съ Богомъ примиреніе и сродненіе невозможно для насъ, если мы напередъ не возвратимся къ себѣ и не войдемъ внутрь отвнѣ. Потому-то отторгать себя отъ узъ суетныхъ, мірскихъ заботъ, и внутрь насъ сущее царствіе устроять и хранить — есть предивное дѣло. Итакъ, подражая отцамъ нашимъ, взыщемъ сокрытое внутрь сердецъ нашихъ сокровище и, обрѣтши его, будемъ крѣпко держать, дѣлая и храня.

„Приведу теперь свидѣтельства св. отцевъ и учителей нашихъ о томъ, что истинно-

христіанская жизнь есть жизнь внутренняя, а не внѣшняя.

„Братъ спросилъ авву Агаѳона: „что вѣрнѣе, тѣлесный трудъ, или храненіе сердца?“ На это старецъ отвѣчалъ: „человѣкъ подобенъ дереву; трудъ тѣлесный—листья, а храненіе сердца—плодъ. Поелику же, по Писанію, всякое древо, не творящее добраго плода, посѣкаемо бываетъ и въ огнь вметаемо; то, очевидно, что мы должны все попеченіе свое обратить на плодъ, то есть, на храненіе сердца. Впрочемъ, для насъ нужно и лиственное одѣяніе и украшеніе, то есть, трудъ тѣлесный.“

„Св. Іоаннъ Лѣствичникъ говоритъ: „заключай дверь келліи отъ тѣла, дверь языка отъ вѣщаній, и внутреннюю дверь отъ духовъ лукавыхъ. Сидя на высотѣ (то есть, утвердивъ вниманіе надъ сердцемъ), наблюдай, если ты искусенъ, и смотри, какъ, когда, какія и въ какомъ числѣ подходятъ тати, чтобъ войти въ виноградникъ сердца твоего и покрасть грозды. Утрудившись, надзиратель (то есть, внимающій сердцу), вставъ, помолится, потомъ опять садится и мужественно

берется за тоже дѣло (то есть, за блюденіе сердца).“

„Св. Макарій великій учитъ: „главное дѣло подвижника состоитъ въ томъ, чтобы, вошедши въ сердце свое, сотворить брань съ сатаною, возненавидѣть его и, противоборствуя помысламъ его, ратовать на него.“

„Св. Исаакъ Сиріанинъ пишетъ: „потщись войти во внутреннюю сокровищницу твою, и узришь сокровище небесное. Лѣствица въ царство оное сокрыта внутрь тебя, то есть, въ сердцѣ твоемъ. Итакъ, омой себя отъ грѣха, и соберись въ сердце твое: тамъ обрѣтешь ты степени, по которымъ можешь восходить (въ горняя, къ совершенству въ духѣ).“

„Вотъ изреченіе Карпаѳія (вѣрно, Іоанна Карпаѳскаго). „Многій подвигъ и трудъ потребенъ въ молитвахъ, чтобы обрѣсть несмущенное состояніе мыслей,—другое нѣкое небо сердечное, гдѣ живетъ Христосъ, какъ говоритъ Апостолъ: *или не вѣсте, яко Христосъ живетъ въ васъ, развѣ точію чимъ неискусни есте* (2 Кор. 13, 5).“

„Вотъ слова Симеона Новаго Богослова: „съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ изгнанъ изъ рая

и отлучился отъ Бога, діаволъ съ бѣсами получилъ свободу день и ночь невидимо колебать мысленную силу всякаго человѣка. Оградиться отъ сего уму не иначе возможно, какъ всегдашнею памятію о Богѣ. У кого впечатлѣется въ сердцѣ память о Богѣ, тотъ можетъ удержать отъ броженія и свою мысленную силу *).“

„Видите ли, что кромѣ внѣшнихъ подвиговъ, есть и внутреннее дѣланіе, состоящее во вниманіи ума и храненіи сердца. Объясню теперь, въ чемъ состоитъ это дѣланіе, и какъ ему навыкнуть.

„Это великое изъ великихъ дѣланіе всѣ почти перенимаютъ отъ другихъ чрезъ наученіе. Очень рѣдкіе ненаученно получаютъ его прямо отъ Бога, теплоты ради вѣры ихъ. Итакъ, потребно искать наставника, знающаго дѣло. Если же нѣтъ такого наставника, то, призвавъ Бога на помощь, въ сокрушеніи сердца и слезахъ, дѣлай, что я тебѣ скажу.

„Извѣстно, что дыханіе, которымъ дышемъ, чрезъ легкія проводитъ воздухъ до сердца. Итакъ, сядь и, собравъ умъ свой, вводи его

*) Никифоръ приводитъ и другія многія свидѣтельства. Ихъ для краткости оставляемъ: и этихъ достаточно.

симъ путемъ дыханія внутрь, понудь его вмѣстѣ съ симъ вдыхаемымъ воздухомъ снизойти въ самое сердце, и держи его тамъ, не давая ему свободы выйти, какъ бы ему хотѣлось. Держа же его тамъ, не оставляй его празднымъ, но дай ему эти священные глаголы: „Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя!“ и пусть онъ повторяетъ ихъ непрестанно день и ночь. Попекись навыкнуть этому внутрь-пребыванію, и блюди, чтобъ умъ твой не скоро выходилъ оттуда: ибо въ началѣ онъ очень будетъ унывать отъ заключенія внутрь и тѣсноты. За то, когда навыкнетъ, не станетъ уже носиться по внѣшнимъ вещамъ: ему тамъ будетъ весело и радостно пребывать. Какъ человѣкъ, возвращающійся съ чужой стороны въ свой домъ, самъ себя не помнитъ отъ радости, увидѣвъ опять жену и дѣтей, такъ и умъ, когда соединится съ сердцемъ, исполняется неизреченной радости и веселія. Если ты успѣешь войти въ сердце тѣмъ путемъ, который я тебѣ показалъ, воздай благодареніе Богу, прославь Его, и держись этого дѣланія всегда: оно научитъ тебя тому, о чемъ ты и не думалъ. Если же

и много потрудившись, ты не возможешь войти въ страны сердца тѣмъ способомъ, который я тебѣ показалъ, то дѣлай, что я тебѣ еще скажу, и, съ Божіею помощію, найдешь искомое. Извѣстно, что словесность всякаго человѣка (внутреннее слово, слово какимъ бесѣдуемъ съ собою), есть въ персяхъ его: ибо тамъ, внутрь персей, когда молчатъ уста, говоримъ мы съ собою и совѣщаемся, тамъ молитвы творимъ (когда на память читаемъ ихъ) и псалмопѣніе, тамъ ведемъ и всякую другую бесѣду съ собою. Этой-то словесности, отнявъ отъ нея всякій помыслъ, и дай говорить непрестанно: „Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя!“ И понудь себя, вмѣсто всякой иной рѣчи, это одно всегда вопить внутри. Продержись терпѣливо въ этомъ дѣланіи только нѣсколько времени, и тебѣ откроется чрезъ это входъ въ сердце, безъ всякаго сомнѣнія, какъ и мы сами опытомъ это дознали. Вмѣстѣ съ этимъ многожелательнымъ и радостнымъ вниманіемъ, придетъ къ тебѣ и весь ликъ добродѣтелей: любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, кротость и проч.“

Вотъ и старецъ Никифоръ, другимъ путемъ, но все къ тому же приходитъ—къ сосредоточенію ума въ сердцѣ, и непрестанному тамъ взыванію къ Господу. Относительно того, какъ держать, при навыкновеніи этому дѣланію, тѣло, находимъ у него ту особенность, что онъ научаетъ находить сердце путемъ дыханія. Этимъ онъ отвѣчаетъ будто на вопросъ невѣдущихъ, гдѣ сердце. Дыши въ себя, какъ бы говоритъ онъ, и гдѣ остановится дыханіе, тамъ и сердце, тамъ и стой вниманіемъ и умомъ. Другая особенность та, что онъ совѣтуетъ тѣмъ, которые затруднились бы дѣйствовать предыдущимъ способомъ, умно говорить молитву тамъ, гдѣ органъ слова, въ началѣ гортани, или при входѣ ея въ полость груди. Но этимъ не опредѣляется окончательно мѣсто вниманія и молитвы, а только указывается, какъ переходный пунктъ.

Представимъ и еще одно послѣднее начертаніе занимающаго насъ дѣланія, по ученію Каллиста, патріарха цареградскаго, и Игнатія сотанника его *).

*) „Добротолюбіе“ ч. 2, стр. 55 и д. Сто главъ о безмолвіи и молитвѣ.

Письмо девятнадцатое.

Наставленіе о молитвѣ Каллиста, патріарха цареградскаго, и Игнатія, сотайника его.

„Начало жизни по Богу есть ревность и всеусердное тщаніе жить по спасительнымъ заповѣдямъ Христовымъ; конецъ же — явленіе въ совершенствѣ того, что воображено въ насъ Божественною благодатію въ крещеніи, или, что тоже, отложивши ветхаго человѣка съ дѣяніями и похотьми его, облещися въ новаго, духовнаго, то есть, въ Господа Іисуса Христа, какъ говоритъ Божественный Павелъ: *чадца моя, имиже паки болѣзную, дондеже вообразится въ васъ Христосъ* (Гал. 4, 19).

„Когда мы крещаемся, говоритъ св. Златоустъ, тогда душа наша паче солнца сіяетъ, очищаемая Святымъ Духомъ. Какъ сребро чистое, лежащее противъ солнечныхъ лучей, и само лучи испускаетъ, не по естеству своему, но по причинѣ осіянія его солнцемъ: такъ и

душа, очищаемая въ крещеніи, принимаетъ лучи отъ славы Духа, и сама внутренно является славною. Но, увы! слава сія, неизреченная и страшная, одинъ или два дня пребываетъ въ насъ, а потомъ мы погашаемъ ее, наводя бурю житейскихъ попеченій и страстныхъ дѣлъ.

„Въ Божественныхъ ложеснахъ, то есть, въ священной купѣли, тупе принимаемъ мы совершенную Божественную благодать. Если послѣ того мы скрываемъ ее подъ тьмою житейскихъ попеченій и страстей; то можемъ опять возстановить и возочистить ее покаяніемъ и исполненіемъ Божіихъ заповѣдей. и узрѣть ея преестественную свѣтлость. Это бываетъ по мѣрѣ вѣры каждаго и теплоты усердія жить по вѣрѣ, наипаче же по благоволенію Господа Іисуса Христа. Св. Маркъ говоритъ: „Христосъ, совершенъ Богъ сый, совершенную даровалъ крестившимся благодать Святаго Духа, которая никакого приложенія отъ насъ не требуетъ; открывается же она въ насъ и явною творится по мѣрѣ исполненія заповѣдей, пока достигнемъ въ мѣру возраста исполненія Христова.

„Итакъ, поелику начало и корень спасительнаго дѣйствія есть то, чтобы жить по заповѣдямъ Господа, а конецъ и плодъ, чтобъ возстановить дарованную намъ исперва крещеніемъ совершенную благодать Духа, которая въ насъ есть (ибо нераскаянны дарованія Божіи), но погребена страстями, и снова открывается исполненіемъ Божіихъ заповѣдей: то подобаетъ намъ возревновать объ исполненіи сихъ заповѣдей, чтобы сущее въ насъ дарованіе Духа возочистить и узрѣть яснѣе. Наперсникъ Господа, Іоаннъ, говоритъ, что соблюдающій заповѣди Господни съ Господомъ пребываетъ, и Господь съ нимъ. Самъ же Господь еще полнѣе это излагаетъ: *имѣяй заповѣди Моя*, говоритъ Онъ, *и соблюдаяй ихъ, той есть любяй Мя; а любяй Мя, возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ; и Азъ возлюблю его, и явлюся ему Самъ. Аще кто любитъ Мя, слово Мое соблюдетъ; и Отецъ Мой возлюбитъ его, и къ нему пріидемъ, и обитель у него сотворимъ* (Іоан. 14, 21. 23).

„Это точное исполненіе спасительныхъ заповѣдей невозможно для насъ безъ Господа Іисуса Христа, какъ Самъ Онъ говоритъ: *безъ*

Мене не можете творити ничесоже, и какъ исповѣдалъ Апостолъ, что *ни о единомъ же иномъ спасеніе:* Онъ для насъ *путь, истина и животъ*. Посему-то славные наставники наши и учители, съ живущимъ въ нихъ Всесвятымъ Духомъ, премудро поучаютъ насъ, прежде всякаго другаго дѣла, Господу молиться, и отъ Него безъ сомнѣнія просить себѣ милости, и всесвятое и сладчайшее имя Его непрестанно имѣть и носить всегда и въ сердцѣ, и въ умѣ, и въ устахъ, съ нимъ непрестанно жить, и спать, и бодрствовать, и ходить, и ѣсть, и пить. Ибо какъ въ то время, когда нѣтъ въ насъ такого призыванія, стекается на насъ все худое и пагубное; такъ и въ то время, когда оно въ насъ есть, все сопротивное отгоняется, ничто благое не оскудѣваетъ, и ничего не бываетъ, чего не могли бы мы исполнить, какъ Самъ Господь сказалъ: *иже будетъ во Мнѣ, и Азъ въ немъ, той сотворитъ плодъ многъ* (Іоан. 15, 5).

„Итакъ, сознавши немощь свою, и все упованіе свое возложивъ на Господа, заповѣди же возлюбивъ до готовности скорѣе положить животъ, чѣмъ нарушить какую либо изъ нихъ,

все тщаніе свое обрати на то, чтобы навыкнуть и утвердиться въ этомъ непрестанномъ призываніи спасительнаго имени Господня, разрушительнаго для всякаго зла, и созидательнаго для всякаго добра. Чтобъ успособить этотъ трудъ, св. отцы указали особое нѣкое дѣланіе, назвавъ его художествомъ, и даже художествомъ художествъ. Предложу здѣсь предивнаго Никифора естественное художество о входѣ внутрь сердца путемъ дыханія, много способствующее къ собиранію мыслей *).

„Правило его слѣдующее: сядь въ уединенномъ мѣстѣ и, собравъ умъ, введи его путемъ дыханія въ сердце, и остановившись тамъ вниманіемъ, взывай непрестанно: „Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя.“ Такъ дѣлай до тѣхъ поръ, пока къ сердцу привьется это призываніе и станетъ непрерывнымъ.“

„И всѣ св. отцы такъ учили. Св. Златоустъ учитъ: „молю васъ, братіе, никогда не переставать исполнять правило молитвы сей.“

---

*) Оно приводится слово въ слово, какъ прежде уже указано. Здѣсь только сокращается.

Въ другомъ мѣстѣ: „должно всякому, ѣстъ ли онъ, пьетъ ли, сидитъ ли, служитъ ли, путемъ шествуетъ ли, или другое что дѣлаетъ, непрестанно вопить: „Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя,“ да имя Господа Іисуса Христа, сходя въ глубину сердечную, смиритъ змія пагубнаго, душу же спасетъ и оживотворитъ. Пребудь же непрестанно въ призываніи имени Господа Іисуса, чтобы сердце поглотило Господа Іисуса, и Господь сердце, и стали сіи два во едино.“ И еще: „не отлучайте сердца вашего отъ Бога, но храните въ немъ всегда память Господа нашего Іисуса Христа, пока имя Господа водрузится внутрь сердца, и ни о чемъ другомъ не помышляйте, какъ только о томъ, чтобъ возвеличился въ васъ Христосъ.“ Св. Лѣствичникъ также учитъ: „Іисусова память да соединится съ дыханіемъ твоимъ.“ И св. Исихій пишетъ: „если хочешь покрыть стыдомъ помыслы, и безпрепятственно трезвиться сердцемъ, молитва ко Господу Іисуса да прилѣпится къ дыханію твоему, и въ немного дней увидишь желаніе свое исполненнымъ.“

„Вѣдомо да будетъ, что если мы научимъ умъ свой вмѣстѣ съ дыханіемъ сходить въ сердце, то замѣтимъ также, что, сходя туда, онъ единиченъ и нагъ бываетъ, держась одной памяти и призыванія Господа нашего Іисуса Христа; напротивъ, исходя оттуда и простираясь на внѣшніе предметы, и не хотя раздѣляется на многія представленія и воспоминанія. Для сохраненія этой-то простоты и единичности ума и заповѣдано опытными въ семъ дѣлѣ отцами, чтобы тотъ, кто возревновалъ пріобрѣсть навыкъ трезвиться умомъ въ сердцѣ, сидѣлъ въ безмолвномъ и несвѣтломъ мѣстѣ, а особенно въ началѣ этого добраго подвига. Ибо видѣніе внѣшнихъ предметовъ естественно бываетъ причиною разсѣянія мыслей; когда же безмолвная и темная храмина скрываетъ отъ насъ внѣшнее, мысль перестаетъ развлекаться и удобнѣе собирается въ себя, какъ говоритъ Василій великій: „умъ, непростираемый чувствами на міръ, къ себѣ возвращается.“

„Замѣть тщательно, что существо этого подвига состоитъ въ единомысленномъ сердечномъ, чистомъ и непарительномъ призываніи

съ вѣрою Господа нашего Христа, а не въ этомъ одномъ схожденіи до сердца путемъ дыханія и сидѣніи въ безмолвномъ и темномъ мѣстѣ. Все это и подобное изобрѣтено отцами не для другаго чего, какъ ради того, что въ этомъ они видѣли нѣкое пособіе къ собиранію мыслей и возвращенію ихъ къ себѣ отъ обычнаго паренія. Отъ навыка же быть собраннымъ и внимать себѣ раждается уже и навыкъ чисто и непарительно молиться умомъ въ сердцѣ.“

„Вѣдай и то, что всѣ эти приспособительныя положенія тѣла предписываются, опредѣляются подробными правилами и считаются нужными, пока мы не стяжали еще чистой и непарительной въ сердцѣ молитвы. Когда же благоволеніемъ и благодатію Господа нашего Іисуса Христа достигнешь сего, тогда, оставивъ многія и различныя дѣланія, съ единымъ Господомъ пребудешь соединеннымъ паче слова въ чистой и непарительной молитвѣ сердечной (не нуждаясь крѣпко въ тѣхъ приспособленіяхъ). Рѣдкіе, однакожъ, и едва одинъ изъ тысячи сподобляются достигнуть въ это устроеніе благодатію Христовою; а

чтобъ еще дальше пройти и сподобиться духовной молитвы и предвкусить тайны будущаго вѣка, едва въ родѣхъ и родѣхъ обрѣтается кто достойнымъ того. Итакъ, хочешь ли самымъ дѣломъ сподобиться жизни о Христѣ Іисусѣ, потщись достигнуть того, чтобы, во всякое время и всякій часъ и при всякомъ дѣлѣ, чисто и непарительно молиться Господу въ сердцѣ, чтобы такимъ образомъ съ возраста младенца возмогъ ты доспѣть въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова. Не забудь при этомъ, что когда по временамъ будетъ приходить тебѣ самоохотная, чистая молитва, ты ни подъ какимъ видомъ не долженъ разорять ее своими правилами молитвенными. Такъ учитъ Филимонъ: „ночью ли, днемъ ли, сподобитъ тебя Господь чистую и непарительную ощутить въ себѣ молитву, оставь тогда правила свои и, сколько есть силъ, простирайся прилѣпляться къ Господу Богу, и Онъ просвѣтитъ сердце твое въ дѣланіи духовномъ. Когда же сподобишься неотходнаго пребыванія молитвы въ сердцѣ, какъ говоритъ Исаакъ Сиріанинъ, тогда достигъ ты конца всѣхъ добро-

дѣтелей и сталъ жилищемъ Святаго Духа; тогда не перестанетъ молитва, сидишь ли или ходишь, ѣшь или пьешь, или другое что дѣлаешь; даже въ глубокомъ снѣ молитвенныя благовонія восходить будутъ изъ сердца безъ труда: если и умолкнетъ она во снѣ, но внутри тайно всегда священнодѣйствоваться будетъ, не переставая.“

Этимъ и ограничимъ наши выписки изъ „Добротолюбія.“ Во всѣхъ почти статьяхъ этой книги говорится объ умномъ предстояніи Господу. Я взялъ только тѣхъ учителей, которые поминаютъ и о тѣлесныхъ при этомъ пріемахъ, или нѣкоторомъ искусственномъ приспособленіи себя къ тому. Объ этомъ и говорятъ только эти четверо. Всѣ они считаютъ полезнымъ и до времени нужнымъ это тѣлесное приспособленіе, но существо дѣла полагаютъ не въ немъ. Все ихъ вниманіе обращено на то, чтобы дать руководство къ успѣшнѣйшему навыку въ дѣланіи умной молитвы, или на самое это умное Господу въ сердцѣ предстояніе, въ которомъ существо дѣла. Не чуждо будетъ смысла ихъ предписаній сказать: какъ хочешь держи себя, толь-

ко успѣвай пріобрѣсть это послѣднее. Мы же предлагаемъ тебѣ такія положенія тѣла, какія сами держали, и отъ которыхъ получили пользу. Есть, однакожъ, между этими тѣлесными дѣланіями и такія, которыя какъ бы срастаются съ умною молитвою и никогда отъ ней не отходятъ. Необходимо вниманіемъ стоять въ сердцѣ, необходимо тѣло все держать въ бодренномъ напряженіи мышцъ, и вниманію своему не позволять поддаваться и увлекаться внѣшними впечатлѣніями чувствъ. Эти условія, въ какой формѣ хочешь и можешь, въ такой и исполняй. Темное и уединенное мѣсто считается нужнымъ для отстраненія внѣшнихъ впечатлѣній: но если ты можешь отвлекать себя отъ этихъ впечатлѣній и среди множества ихъ, оставайся гдѣ хочешь. Сидѣть на маломъ стульцѣ, стѣснить дыханіе, болѣть раменами, выею, персями, совѣтуется ради того, чтобы поставить въ бодренное направленіе тѣло; но если ты можешь какъ нибудь иначе это исполнить, или дѣлать это однимъ внутреннимъ напряженіемъ мышцъ, дѣлай какъ находишь удобнѣе, только не распускай членовъ тѣла. Сведеніемъ ума въ сердце пу-

темъ дыханія указывается на тотъ случай, если ты не знаешь, гдѣ остановиться вниманіемъ, или гдѣ сердце; а если ты и безъ этого знаешь, какъ найти сердце, дѣлай, какъ знаешь, только установись въ сердцѣ. Указывается призывать Господа сими словами: „Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя;“ но ты можешь и эти слова сокращать и измѣнять, или замѣнять другими, даже безъ словъ умно предстоять Господу; ибо не въ словахъ сила, а въ настроеніи ума и сердца. Зная, однакожъ, это все, не долженъ ты пренебрегать сказаннымъ положеніемъ тѣла. Всячески тѣлу надобно же дать какое либо положеніе; но если опытъ показалъ, что такія и такія положенія тѣла очень пригодны къ дѣланію умной молитвы и успѣху въ ней, то какая нужда отступать отъ нихъ, или изобрѣтать новыя? Тѣмъ болѣе, что, по пріобрѣтеніи успѣха въ молитвѣ, они сами собою отстранятся въ нѣкоторыхъ чертахъ, какъ отнимаются подмостки, когда отстроенъ бываетъ домъ.

Послѣ всѣхъ сдѣланныхъ выписокъ, обсужденіе того, что говоритъ Сперанскій объ этомъ

упражненіи св. подвижниковъ, не затруднитъ насъ.

Письмо двадцатое.

Повторимъ сначала выписанныя уже нами слова Сперанскаго: „Не только по сущности, но и по формѣ, полезно, достойно истиннаго смиренія слѣдовать доброй практикѣ и здравому преданію истинныхъ нашихъ отцевъ духовныхъ. Помню, что сообщалъ вамъ кое-что объ этомъ въ разговорахъ: напомню вамъ тутъ эту форму въ немногихъ словахъ.“

За этимъ слѣдуетъ обѣщанное изображеніе формы. На сколько оно отступаетъ отъ истины, всякій можетъ видѣть самъ, съ помощію сдѣланныхъ нами выписокъ изъ „Добротолюбія.“ Вотъ что говоритъ Сперанскій:

„1) Для того, чтобы вступить въ созерцаніе, они ищутъ одиночества. то есть, самаго удаленнаго угла своей комнаты.“

Это справедливо. Но надобно вставить это дѣйствіе въ рядъ другихъ ихъ дѣйствій, чтобъ понять его значеніе. Вотъ порядокъ жизни безмолвниковъ, по Каллисту и Игнатію. „По захожденіи солнца, призвавъ на помощь воз-

любленнаго и всесильнаго Господа, сядь на стульцѣ въ безмолвной и несвѣтлой келліи своей, и, собравъ умъ отъ обычнаго скитанія вовнѣ, входи путемъ дыханія внутрь сердца, держа молитву: „Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя!“—совводя слова молитвы этой нѣкоторымъ образомъ съ дыханіемъ внутрь. Съ молитвою имѣй и память о смерти, судѣ и воздаяніи, и, считая себя болѣе всѣхъ людей грѣшнымъ, понудь себя прійти въ умиленіе, плачъ и слезы, въ которыхъ и будь, пока сами пройдутъ. Сиди такимъ образомъ молясь и внимая сказаннымъ предметамъ *часъ одинъ*. Потомъ вставъ, пой со вниманіемъ малое повечеріе, и сѣдши, опять держи молитву, чистую и непарительную, безъ всякаго помысла и мечтанія, со многимъ трезвеніемъ —*полчаса*. Наконецъ, знаменовавъ знаменіемъ честнаго креста себя и одръ свой, посиди на немъ, помышляя о скоротечности настоящей жизни, о суетности благъ земныхъ, о внезапномъ всѣхъ долгѣ смерти, и о томъ, какъ провелъ ты день сей; испросивъ за тѣмъ прощеніе во всѣхъ грѣхахъ, возляжь на одръ, держа и молитву, по заповѣди старцевъ: Іи-

сусова память да спитъ съ тобою, и сосни часовъ пять или шесть. Вставъ отъ сна, прославь Бога и, призвавъ Его заступленіе, начни первѣе первое дѣло, то есть, молись въ сердцѣ, какъ показано, чисто и непорочно, *до часа* единаго; потомъ пой полунощницу. Если же ты не утвердился еще хорошо въ безмолвіи, или другое что мѣшаетъ, пой прежде полунощницу со вниманіемъ и разумомъ, а послѣ сядь и помолись чисто и непарительно въ сердцѣ, какъ сказано, часъ *одинъ*, или какъ поможетъ тебѣ благихъ Податель. Потомъ, вставъ, пой разумно шестопсалміе, 50-й псаломъ и канонъ, какой хочешь. Послѣ сего, опять сядь бодренно и помолись *полчаса*; вставъ за тѣмъ, пропой хвалитны, славословіе, первый часъ и отпустъ. Отъ утра до обѣда, возложивъ всего себя на Бога, сколько силъ есть, понудь себя пребыть въ молитвѣ, чистой, сердечной и непарительной, и въ чтеніи. Читай положенное въ Псалтири, Апостолъ, Евангеліе и писанія отеческія. Потомъ, пропѣвъ обычные часы, приступи къ трапезѣ. Послѣ обѣда, читай довольно долго отеческія писанія о трезвеніи; послѣ поспи одинъ часъ,

и, вставши, займись рукодѣльемъ, держа и молитву. И опять сѣдши, помолись чисто и непарительно, пока придетъ вечеръ: когда же придетъ вечеръ, пропой обычную вечерню.“

Изъ этого очерка деннонощныхъ занятій безмолвника видно, что сидѣніе на стульцѣ, въ уголку своей келліи, съ умною молитвою ко Господу, входило въ ихъ молитвенное правило, и назначалось совсѣмъ не для того, чтобъ восходить чрезъ то къ созерцанію, а чтобы собрать мысли, углубиться въ себя, согрѣть сердце и пріобрѣсть навыкъ чисто и непарительно молиться. Что касается до созерцанія, то ни у одного изъ отцевъ не находимъ, чтобы въ него можно было вступать самимъ, и, слѣдовательно, дѣлать что либо и съ своей стороны для вступленія въ него. Созерцаніе по словамъ ихъ, давалось именно тѣмъ, которые успѣвали уже очистить сердце свое совершенно, и глубоко соединялись съ Господомъ. Изъ тысячи одинъ успѣваетъ стяжать чистую молитву: а молитву духовную, или, что тоже — созерцательную, въ родѣхъ и родѣхъ едва одинъ оказывается имѣющимъ.

„Тамъ, продолжаетъ Сперанскій, они принимаютъ положеніе, наиболѣе удобное, то есть, просто садятся, скрещиваютъ руки подъ грудью, и устремляютъ взоры на какую либо часть своего тѣла, и именно, на пупокъ (отсюда даже произошло одно изъ наименованій, даваемыхъ имъ). Опытъ доказалъ имъ всѣ выгоды такого положенія, охраняющаго ихъ въ одно время и отъ сна, и отъ развлеченія наружнымъ свѣтомъ; но они остерегаются закрывать глаза; они остаются неподвижны.“

Откуда все это взято? Я извлекъ все, что есть у св. отцевъ о положеніи тѣла, во время умной молитвы. Всякому видно, что тамъ одно, а здѣсь другое. О положеніи рукъ не находимъ никакого указанія. Относительно очей встрѣчаемъ только у Симеона Новаго Богослова, что ихъ надобно обращать, тоже вслѣдъ за умомъ, къ сердцу; но это внутренній актъ, совершаемый только напряженіемъ. Глаза или закрываются, или, раскрытые остаются ничего невидящими; ибо вниманіе отвлечено все отвнѣ внутрь, и не слѣдитъ за видимымъ или слышимымъ. Не встрѣчаемъ также, чтобъ при этомъ имѣлся во вни-

маніи пупокъ въ какомъ либо отношеніи. Правда, у новѣйшихъ наставниковъ, какъ, напримѣръ, въ предисловіяхъ старца Василія, спостника Паисія Величковскаго, къ отеческимъ писаніямъ о трезвеніи, поминается о той части тѣла, но совсѣмъ въ другомъ смыслѣ. Тамъ именно укоряются тѣ, которые, не зная, гдѣ сердце, въ которомъ заповѣдуется устанавливаться вниманіемъ, низводятъ умъ до этой части тѣла или до чреслъ. Вотъ его слова: „подобаетъ въ самомъ началѣ обучать умъ въ часъ молитвы стоять сверху сердца и зрѣть въ глубину его, а не на половинѣ съ боку, или на концѣ снизу....Нѣкоторые, по крайнему неразумію, лучше же сказать, не зная, что есть верхъ, или среда сердца, и что есть половина и что конецъ его, начинаютъ дѣйствовать молитву снизу на концѣ сердца, при чреслахъ. Другіе же, недугуя послѣднимъ неразумѣемъ и грубостію, не вѣдаютъ ниже самого того мѣста сердечнаго, подъ лѣвымъ сосцемъ и бокомъ сущаго, но мняще тое посредѣ пупа чревнаго быти, дерзаютъ,—увы, ихъ прелести! — тамъ дѣйствовать умомъ молитву. Подобаетъ же, какъ ска-

зано, творити умомъ вниманіе и молитву посредѣ сердца сверху отъ сосца, а не на половинѣ отъ персей, и не снизу отъ чреслъ“ *). Откуда же взялъ свою мысль Сперанскій? Или изъ латинскихъ и французскихъ книгъ, или, вѣроятнѣе, изъ ходячихъ рѣчей. Въ его время, нѣкоторая часть высшаго общества ревновала о духовной жизни; другая смѣялась надъ этимъ, и выдумывала на счетъ занятій ихъ разныя басни. Въ числѣ ихъ и это смотрѣнье на пупъ, и ругательное отъ того названіе.

„Они, пишетъ далѣе Сперанскій, начинаютъ съ „Господи помилуй,“ но у нихъ, какъ и у насъ, это скоро прекращается. Огнь, разъ возжженный, горитъ самъ собою, и никому неизвѣстно, чѣмъ онъ питается. Въ этомъ и состоитъ тайна. Находишь вновь „Господи помилуй!“ въ мысляхъ своихъ лишь въ ту минуту, когда придешь въ себя.“

Слова молитвы этой суть: „Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя!“ или: „Іисусе, Сыне Божій, помилуй мя!“ Огнь, о которомъ упоминается, возгарается не скоро, а послѣ замѣтныхъ трудовъ, когда возгорится

*) Жизнь старца Паисія, стр. 93.

теплота въ сердцѣ постоянно усиливающаяся и воспламеняющаяся во время умной молитвы. Углубленная молитва ко Господу возбуждаетъ теплоту. У опытныхъ отцевъ строго различаются—теплота тѣлесная, простая, бывающая вслѣдствіе сосредоточенія силъ къ сердцу вниманіемъ и напряженіемъ,—теплота тѣлесная, похотная, тутъ же иногда привпвающаяся и поддерживаемая врагомъ, и теплота духовная, трезвенная, чистая. Она двухъ родовъ: естественная, вслѣдствіе соединенія ума съ сердцемъ, и благодатная. Различать каждую изъ нихъ научаетъ опытъ. Теплота эта сладостна, и поддерживать ее желательно, какъ ради самой этой сладости, такъ и ради того, что она сообщаетъ благонастроеніе всему внутреннему. Но кто усливается поддерживать и усливать эту теплоту за одну сладость, тотъ разовьетъ въ себѣ сластолюбіе духовное. Посему-то трезвенники напрягаются, минуя эту сладость, установляться въ одномъ предстояніи Господу, съ полною Ему преданностію, какъ бы въ руки Ему полагая себя; на сладость же, отъ теплоты исходящую, не опираются и вниманія къ ней не приковываютъ. Но воз-

можно къ ней прилѣпиться вниманіемъ, и въ ней упокоясь, какъ въ тепломъ покоѣ или одеждѣ, ее одну поддерживать, не простирая мысли выше. Мистики дальше этого не шли; у нихъ это состояніе и считалось высшимъ: тутъ было совершенное безмысліе, погруженное въ какую-то пустоту. Таково состояніе созерцанія мистиковъ. Въ немъ ничего нѣтъ общаго съ состояніемъ созерцанія, бывшаго у великихъ отцевъ-трезвенниковъ. Сперанскій говоритъ: „приходишь въ себя и находишь „Господи помилуй.“ Приходятъ въ себя и послѣ того, какъ крѣпко задумываются, и послѣ указаннаго предъ симъ погруженія въ безсмысліе; но приходятъ въ себя и послѣ молитвеннаго восхищенія въ истинное созерцаніе, въ которомъ не владѣютъ собою. А такъ какъ эти послѣднія состоянія рѣдки и даются немногимъ; то можно съ основательностію полагать, что Сперанскій не его разумѣетъ, и не его испытывалъ съ своимъ другомъ.

„Они (безмолвники), пишетъ Сперанскій, остаются въ этомъ состояніи не сколько они хотятъ, но пока оно длится. Продолжительность его различна; бывали случаи, что оно

длилось болѣе двухъ дней сряду, безъ пищи и питія.“

Эти черты идутъ къ состоянію плѣненія въ созерцаніе. До нѣкоторой степени нѣчто подобное возможно и у духовныхъ сластолюбцевъ и у погружающихся въ пустоту мистиковъ. Я, впрочемъ, не знаю опытовъ двухдневной длительности молитвеннаго созерцанія. Опыты, какъ оно длилось съ вечера до утра, записаны у отцевъ.

„Тутъ они видятъ иногда то, что они называютъ свѣтомъ Ѳавора (техническій терминъ, посвященный единственно видѣніямъ этого рода). Не знаю, что это такое, но знаю положительно, что видѣніе это гораздо чище, гораздо духовнѣе нашихъ обыкновенныхъ видѣній. Оно совершенно невыразимо словами; наши же болѣе или менѣе опредѣлены; слѣдовательно, степени хотя истинной, но гораздо низшей, чѣмъ это видѣніе, разнящееся, быть можетъ, лишь одною ступенью отъ собственно, такъ называемаго, лицезрѣнія Божія.“

Въ „Добротолюбіи“ нѣтъ помина о ѳаворскомъ свѣтѣ. Споръ о немъ возникъ при Григоріѣ Паламѣ; но трудно опредѣлить, въ чемъ

было существо дѣла. Относительно видѣній свѣта или лица какого, у всѣхъ отцевъ, писанія которыхъ вошли въ составъ „Добротолюбія“, одинъ законъ: не принимать. О какихъ это своихъ видѣніяхъ упоминаетъ Сперанскій? Есть видѣнія—порожденіе разгоряченнаго воображенія; есть видѣнія—призраки вражескіе, и есть видѣнія, подаваемыя Богомъ. Истинны однѣ послѣднія, и всѣ онѣ одного достоинства—Божественнаго. Доспѣвшимъ въ мужа совершенна Господь даетъ сердцемъ ощутить и умомъ предзрѣть чаемыя въ будущемъ вѣкѣ неизреченныя блага. Для выраженія ихъ точно у насъ нѣтъ словъ. Что же касается до лицезрѣнія Божія, то въ будущемъ обѣтовано лицезрѣніе Христа Спасителя, Бога воплощеннаго. Зрѣніе Тріипостаснаго Бога недоступно для тварей въ Его лицѣ или естествѣ, а только въ явленіяхъ и откровеніяхъ, Ему угодныхъ и сносныхъ для тварей.

„Не смѣю описать вамъ столько же достовѣрно способа, которымъ они держатся (какъ себя держатъ) въ церкви; но изъ ихъ ученія я имѣю поводъ заключить, что они ограничиваются молитвою умною, позволяя себѣ

погружаться въ бездну созерцанія лишь на столько, чтобы, такъ сказать, одною ногою стоять въ общеніи со всѣми вѣрующими, которые не всѣ созерцатели. Вѣрно, что они никогда не позволяли себѣ ни трясеній, ни экстазовъ,—вещей, говорю вамъ, порядка низшаго, которыя мы можемъ и должны подавлять; а еслибъ они взяли надъ нами верхъ, то слѣдуетъ настоятельно молить Господа объ ихъ прекращеніи. Ибо представьте себѣ, что еслибъ въ церкви было много созерцателей, возбужденныхъ такимъ образомъ, — что это было бы, какъ если не собраніе трясуновъ (истинно бѣснующихся)? Это вопросъ св. Павла въ вышеупомянутой главѣ."

На западѣ много было подобныхъ явленій. Церковь Божія православная во всѣ времена представляла образцы великихъ святыхъ и высокихъ молитвенниковъ; но въ ней не было и нѣтъ этихъ уродливыхъ порожденій самодѣльнаго разгоряченія крови. Бывали проявленія чрезвычайныхъ дѣйствій благодати въ избранныхъ Божіихъ, но они всегда были мирны, и, миромъ осѣняя тѣхъ, которые испытывали эти дѣйствія, распространяли и

вокругъ миръ. Потому-то тѣмъ, которые идутъ вѣрнымъ путемъ умнаго дѣланія, нечего опасаться какихъ либо внезапныхъ возбужденій и движеній въ тѣлѣ. Благодать, осѣняющая и руководящая ихъ, не допуститъ до того. Имъ можно сказать: „въ собраніи ли вы церковномъ, или дома молитесь, углубляйтесь въ молитву, сколько это зависитъ отъ васъ.“ Какъ держали себя молитвенники трезвенные въ церкви—на это есть указанія. Одинъ изъ отцевъ говоритъ: „когда найдешь, гдѣ сердце, и навыкнешь собираться въ немъ, тогда уже будешь совершать тамъ и молитвословіе, и богомысліе, и чтеніе, и всякое другое духовное упражненіе.“ У другаго читаемъ: „если поешь съ ученикомъ, то онъ пусть читаетъ псалмы, а ты, сердцу внимая и молясь, блюди себя, и силою молитвы отгоняй всѣ помышленія, исходящія изъ сердца твоего, и вещественныя и умныя.“ Судя по тому, можно догадываться, что, во время службъ церковныхъ, они вмѣстѣ съ другими неразвлеченно молились Господу, и пѣснямъ внимая, и Господу умно предстоя. Опять упоминается о созерцаніи, что ему предаваться нельзя; и

опять видно, что у Сперанскаго оно означаетъ самодѣлательное углубленіе въ молитву умную, или, скорѣе, въ пустоту безмыслія (какъ у мистиковъ), которое можетъ простираться до самозабвенія.

„Стану ли, продолжаетъ Сперанскій, говорить вамъ о собственномъ жалкомъ опытѣ, рядомъ съ этими великими примѣрами? Это такъ ничтожно. Въ Перми я испытывалъ нѣкоторое время нѣчто подобное тому, что испытываете вы, но это было непродолжительно. Съ тѣхъ поръ форма моего созерцанія (понимать надо — самоуглубленія въ молитву умную), всегда была великою пустотою, отсутствіемъ всякаго образа, и всякой мысли. Это полагаю тоже, что и у васъ. Но плоды этого состоянія сводятся просто къ великому спокойствію въ теченіе дня, къ нѣкотораго рода сладости, постоянной, хотя и не сильной. Это относительно чувствъ; что же до просвѣщенія разума, то замѣчается нѣкоторая легкость въ пониманіи извѣстныхъ мѣстъ Евангелія, и неожиданное разумѣніе нѣкоторыхъ чертъ въ жизни Господа нашего; въ Церкви благоговѣніе иногда значительное, чаще со-

стояніе созерцанія, менѣе глубокаго, менѣе молчаливаго, чѣмъ когда я одинъ, что вполнѣ позволяетъ мнѣ слѣдить за службою и въ точности соблюдать всѣ принятые у насъ обычаи. Не думайте, чтобы я хотѣлъ съузить всѣ дѣйствія Духа Святаго и свести ихъ къ этой одной формѣ,—о, нѣтъ; я убѣжденъ, что дѣйствія Его безчисленны и въ своихъ степеняхъ, и въ вещественныхъ приложеніяхъ (не въ проявленіяхъ ли видимыхъ?); то прошу, умоляю васъ не предаваться ощутительному разлитію духа по вашему тѣлу, въ особенности въ церкви. Въ ней тѣло должно находиться въ качествѣ глухонѣмаго слуги: оно недостойно принимать тутъ какое либо участіе, развѣ въ случаѣ, если бы вамъ было совершенно невозможно удержать потока благодати. Такъ, напримѣръ, при этомъ исцѣленіи, которое я считаю безусловно чудеснымъ, и за которое, вмѣстѣ съ вами, благодарю Господа."

Все, что сказалъ о себѣ Сперанскій, содержитъ самые обыкновенные признаки, сопровождающіе внѣдреніе умной молитвы ко Господу въ сердцѣ, самодѣлательной, трудовой. Пріятную теплоту въ сердцѣ всякій испыты-

ваетъ, кому прилучится усердно помолиться. Навыкшіе же умной молитвѣ и воспріявшіе ее чувствомъ сердца, испытываютъ ее постоянно. У всѣхъ святыхъ теплота эта ставится первымъ плодомъ привитія къ сердцу умной молитвы ко Господу. Надобно, впрочемъ, знать, что проявленія сей теплоты не всѣ одинаковаго достоинства. Старецъ Василій, спостникъ Паисія, пишетъ объ этомъ, со словъ патріарха Каллиста, слѣдующее: „первѣе приходитъ теплота отъ почекъ, яко опоясующи тыя, и та мнится быти прелесть: но это не есть прелесть, а дѣло естества, какъ прямое слѣдствіе подвига того. Но если кто станетъ считать это дѣломъ благодати, а не естества, то это будетъ прелесть. Этого, каково бы оно ни было, подвизающійся не долженъ любить, но отражать. Приходитъ и иная теплота отъ сердца, и если при этомъ умъ нисходитъ въ блудные помыслы, прелесть есть воистину; если же тѣло все отъ сердца растеплѣвается, умъ же пребываетъ чистымъ и безстрастнымъ, и какъ бы прилѣпленнымъ къ внутреннѣйшей глубинѣ сердца, сіе есть воистину дѣйствіе благодати, а не прелести.“ Изъ этого видно,

что не ко всякому разлитію духа по тѣлу должно неблаговолительно относиться. Когда углубится въ сердцѣ молитва и осѣнитъ его теплотою, тогда умъ всегда бываетъ собранъ и присущъ въ себѣ, отъ того быстропонятливъ и сообразителенъ. Съ этого времени всѣ истины откровенія начинаютъ входить въ сердце. каждая въ свое время, будто внезапно, въ видѣ озаренія. Только одна черта изъ высказанныхъ Сперанскимъ кажется неистинною. или неистинно выраженною. „Форма, говоритъ онъ, созерцанія моего всегда была пустотою, отсутствіемъ всякаго образа и всякой мысли.“ Такое совершенное безмысліе чуждо св. отцамъ. Они внушали все оставить, но за тѣмъ, чтобъ быть соединенными съ Господомъ. Они стояли во время умной молитвы и всѣмъ совѣтовали стоять въ томъ убѣжденіи, что Господь близъ и внимаетъ, то есть, предстоять умно Господу и взывать къ Нему: *взыска Тебе лице мое*, какъ поетъ Пророкъ, *лица Твоего, Господи, взыщу.* Когда говорятъ они, что надобно прогонять всякую мысль, то всегда прибавляли: гнать всякую стороннюю мысль.

Этимъ и заключимъ мы пересмотръ шестаго письма, довольно насъ занимавшаго.

Письмо двадцать первое.

Переходимъ теперь къ седьмому письму. Оно коротко и не заключаетъ въ себѣ ничего новаго. Все содержаніе его состоитъ въ одномъ слѣдующемъ пунктѣ: „Главное заключается въ томъ, чтобы ходить въ сумракѣ вѣры, то есть, въ полномъ отсутствіи всякой мысли, и не слишкомъ привязываться къ видѣніямъ и откровеніямъ, какъ бы духовны онѣ ни казались, а принимать ихъ, однакожъ, съ благодарностію и благоговѣніемъ.“

О сумракѣ вѣры намъ уже приходилось говорить. Это фраза мистиковъ и означаетъ что-то неопредѣленное, какъ и все у нихъ. Если можно давать какой либо добрый смыслъ этому выраженію, то подъ нимъ надо разумѣть преданность въ волю Божію Ходить въ сумракѣ вѣры будетъ означать — ходить въ преданности въ волю Божію. Вѣра, по патріарху Каллисту, двояка: одна теоретическая, которая вѣруетъ въ догматы; другая —

дѣятельная, которая состоитъ въ увѣренности въ Богѣ,—въ томъ, что Богъ не оставитъ прилѣпившагося къ Нему, но соблюдетъ его невредимо, и имиже вѣсть судьбами введетъ въ царство Свое вѣчное. Но въ этомъ существо преданности въ волю Божію и смиренной покорности Его распоряженіямъ, относительно участи нашей. У патріарха Каллиста это выражено такъ: вѣру разумѣемъ ту, которая свидѣтельствомъ ума утверждаетъ сердце быть несомнѣннымъ въ извѣщеніи упованія, отстоящемъ отъ всякаго мнѣнія (колебанія).

Была у насъ рѣчь и о видѣніяхъ. Мы видѣли, что у Сперанскаго мысль о видѣніяхъ несогласна съ ученіемъ отеческимъ. Отцы говорятъ, чтобы совсѣмъ не принимать видѣній, а Сперанскій говоритъ: „не прилѣплятся, но принимать ихъ съ благодарностію,“ и выставляетъ причину такую: „это Духъ Божій; но Духъ, сквозящій вещество, еще недостаточно очищенное. Вотъ почему отпечатокъ, оставляемый имъ, еще недостаточно ясенъ.“ Такъ рѣшительно и безъ ограниченій нельзя говорить о видѣніяхъ. Не надо забы-

вать, что есть видѣнія—плодъ разгоряченнаго воображенія, и есть видѣнія — прелесть бѣсовская. Благодатныя видѣнія очень рѣдки и устрояются Духомъ Божіимъ, въ видахъ воспитанія духовнаго. Такимъ образомъ, есть видѣнія и отъ Духа Божія; но надо быть очень осторожнымъ въ различеніи ихъ, ибо недалеко отъ себя имѣемъ темнаго искусника, умѣющаго принимать видъ ангела свѣтлаго. И сколько было неосторожныхъ погибшихъ отъ неразборчиваго довѣрія видѣніямъ!...

Письмо осьмое касается очень важнаго предмета, — происхожденія ложнаго мистицизма, съ указаніемъ, какъ избѣжать его.

Напередъ позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ. Истинно-христіанская жизнь есть жизнь сокровенная со Христомъ въ Богѣ. Она таинственна и въ зарожденіи, и въ путяхъ созрѣванія, и въ своемъ совершенствѣ. Потому не всякій мистицизмъ есть ложный. Ложный мистицизмъ происходитъ отъ уклоненія съ праваго пути восхожденія къ богообщенію. Начало этого пути—покаяніе Покаявшійся исправляетъ всѣ пути жизни своей, и свою душу и тѣло, во всѣхъ силахъ и отправле-

ніяхъ ихъ, облагаетъ правилами, исполненіемъ которыхъ убивается и изглаживается привившееся къ нимъ зло, а воспитывается и укрѣпляется сродное имъ добро. Все это въ совокупности составляетъ порядокъ богоугодной жизни. Регуляторъ всего—благоразуміе, съ совѣтомъ опытныхъ. Они учреждаютъ всѣ правила, сообразно съ характеромъ лица и внѣшнимъ его положеніемъ. Ходить въ этихъ заведенныхъ порядкахъ составляетъ дѣятельную жизнь. Но поелику всѣмъ этимъ чаютъ угождать Богу, то отношеніе къ Богу неизбѣжно блюдется во всѣхъ такого рода дѣлахъ.—во всѣхъ такого рода дѣлахъ общеніе ума и сердца къ Богу должно составлять неотъемлемую часть, внутреннѣйшую душу ихъ, условіе ихъ благоугодности. Если обращеніе ума и сердца къ Богу есть молитва. то молитва составляетъ душу дѣятельной жизни, въ ея должномъ строѣ и направленіи. Но молитва имѣетъ и свою особую, исключительно ей принадлежащую часть въ жизни, гдѣ она одна царствуетъ. Это молитвенный подвигъ. Начинается онъ усвоеніемъ чужихъ молитвъ,

оставленныхъ намъ богомудрыми отцами; когда же такимъ образомъ воспитается духъ молитвенный, молитва начинаетъ восходить на степень молитвы своеличной, гдѣ она проходитъ новыя степени, изъ которыхъ первая есть молитва умная, вторая—умосердечная, третья—духовная или созерцательная. Жизнь въ Богѣ цѣлая жизнь; она же и существо молитвы. Слѣдовательно, правый путь восхожденія по степенямъ молитвы есть правый путь восхожденія къ богообщенію, или, что тоже, есть правый мистицизмъ. Уклоненія отъ праваго восхожденія молитвы къ совершенству есть вмѣстѣ уклоненіе въ ложный мистицизмъ. Не трудно замѣтить мѣсто этому уклоненію. или первую точку отправленія въ уклоненіе: это переходъ отъ словесной молитвы, по готовымъ молитвамъ. къ молитвѣ своеличной, иначе, переходъ отъ внѣшняго молитвословія къ внутреннему, умному. Удалить отъ этой точки заблужденіе будетъ значить удалить уклоненіе въ ложный мистицизмъ. Уклоненіе въ ложный мистицизмъ у отцевъ, подвижниковъ трезвенныхъ, называется уклоненіемъ въ прелесть. Мы ви-

дѣли эти уклоненія отъ правоты, на пути движенія отъ внѣ внутрь... Одни застрѣваютъ на воображеніи, другіе останавливаются на умоголовномъ дѣланіи. Истинный шагъ дѣлаютъ тѣ, которые, минуя эти станціи, проходятъ до сердца и укрываются въ немъ. Но и здѣсь еще возможно заблужденіе, потому что часть умно-сердечной молитвы есть самодѣльная, трудовая; а гдѣ мы, тамъ всегда есть возможность паденія въ прелесть, точно также какъ и въ грѣхъ. Безопасность начинается, когда утвердится въ сердцѣ чистая и непарительная молитва, которая есть знаменіе осѣненія сердца осязательною благодатію, ибо тутъ образуются чувства, обученныя въ разсужденіи добра и зла. Итакъ, съ самаго начала движенія отъ внѣ внутрь до сего блаженнаго момента возможно уклоненіе въ ложный мистицизмъ. Какъ же избѣжать этого несчастія? У отцевъ для этого указывается одинъ способъ: не оставайся одинъ, имѣй опытнаго совѣтника и руководителя. Если нѣтъ его, сойдитесь двое-трое и руководитесь взаимно при свѣтѣ отеческихъ писаній. Другаго пути къ избѣжанію заблужденій мистицизма я не

знаю, кромѣ развѣ особаго благодатнаго руководства, котораго сподоблялись немногіе избранные Божіи. Но это — особенности: а мы говоримъ о путяхъ жизни, общихъ всѣмъ.

Теперь посмотримъ, что говоритъ объ этомъ Сперанскій.

„Откуда происходятъ заблужденія ложнаго мистицизма? Отъ ревности по вѣрѣ, неочищенной отъ самолюбія. Какое средство къ сему очищенію? Постъ, строгое наблюденіе за своими мыслями, сраженіе съ чувствами, жизнь покаянія. Но все это есть дѣятельность моего же самаго ума и сердца, которую должно умертвить, и хотя дѣятельность, безъ сомнѣнія, похвальная, но все же упражненіе, все—развитіе силъ душевныхъ, все—случай и поводъ къ той же самой гордости и самолюбію. Слѣдовательно, не отвергая дѣятельныхъ путей, все остается заключить, что молитва и молитва умная есть единый путь совершенно безопасный. Видѣнія, глубокія и, по видимому, вдохновенныя мысли, все суть мысли, все упражненія ума, а не прилѣпленіе, не онѣмѣніе его въ единомъ Богѣ.“

Итакъ, когда утвердится молитва умная и

дойдетъ до послѣдней степени своего совершенства, на которой умъ, прилѣпляясь къ Богу, онѣмѣваетъ въ единеніи съ Нимъ (преисполняясь любви и преданности къ Богу), тогда въ этомъ огнѣ сгараетъ самолюбіе, и въ слѣдствіе того минуетъ опасность отъ заблужденій. Совершенно такъ! Здѣсь, ради всецѣлой преданности Богу, уже Богъ будетъ *и еже хотѣти, и еже дѣяти* (Фил. 2, 13). Но вѣдь это состояніе является не вдругъ, какъ только захочешь его имѣть. Надо прежде того пройти болѣе или менѣе долгій путь; а на этомъ-то пути и разсѣяны всѣ распутія, отъ уклоненія въ которыя, безъ вѣрнаго сторонняго указанія, только особое чудо благодати Божіей можетъ спасти иного за крайне дѣтскую простоту вѣры; а другимъ-то какъ же быть? Умная молитва, говоритъ, спасетъ: но умная молитва сама имѣетъ крайнюю нужду въ руководствѣ, пока она есть самодѣлательная или трудовая. Въ это то время дѣланія умной молитвы, не направляемаго искусною рукою. большею частію и сбиваются съ пути. Итакъ. высказанное Сперанскимъ средство не полно и ненадежно. Главная въ немъ ошибка въ

томъ, что человѣкъ оставляется одинъ, на этомъ примрачномъ и скрытномъ пути внутренней жизни, особенно при первыхъ шагахъ по нему.

У всѣхъ отцевъ, писавшихъ руководства къ духовной жизни, первымъ пунктомъ, въ правилахъ для вступающаго во внутреннюю жизнь, ставится: имѣть духовнаго отца-руководителя и его слушаться. Приведу здѣсь одну-другую изъ ихъ рѣчей. Слова Симеона Новаго Богослова и Никифора Монаха объ этомъ были уже приведены, а вотъ что говоритъ Григорій Синаитъ: „Безъ учителя самому успѣть въ умномъ дѣланіи невозможно. Что дѣлаешь самъ по себѣ, а не по совѣту предуспѣвшихъ, то раждаетъ опасное самомнѣніе. Если Сынъ Божій ничего не творилъ Самъ о Себѣ, но какъ научилъ Его Отецъ, такъ творилъ, и Духъ Святый не о Себѣ глаголалъ, то кто это такой между нами до толикой достигъ высоты совершенства, что уже не требуетъ никого иного, кто бы руководилъ его? Гордость это, а не добродѣтель! Такой уже въ прелести состоитъ, то есть, вступилъ на ложный путь уклоненія къ заблужденіямъ.“

А вотъ слова Каллиста патріарха: „Прежде всего попекись найти себѣ наставника и учителя не прелестнаго, и, нашедши его, вполнѣ отдайся ему, какъ отцу родному сынъ отцелюбивый, ходя по повелѣніямъ его неуклонно и на него взирая, какъ на Самого Христа. Кто хочетъ жить самъ, то есть, самоугодно, безъ наставника, тотъ, по слову Лѣствичника, легко уклоняется въ заблужденіе и погибаетъ, хотя бы онъ всю премудрость міра сего исчерпалъ. Не съ совѣтомъ ходящіе ходятъ будто въ сонномъ мечтаніи; они много сѣютъ, но пожинаютъ очень мало, и вмѣсто пшеницы,— увы! собираютъ плевелы.“

И въ дѣятельной жизни рѣдко кто обойдется безъ преткновенія, оставаясь съ однимъ своимъ благоразуміемъ. Но тутъ, по крайней мѣрѣ, вредъ не такъ великъ: одно дѣло, не такъ сдѣланное, если надобно, и передѣлать легко или въ другой разъ сдѣлать его, какъ слѣдуетъ. Въ умномъ же дѣланіи уклоненіе отъ праваго пути даетъ свое направленіе всему внутреннему. которое не вдругъ можно перемѣнить. Одни изъ такихъ, какъ мы видѣли, запутываются въ сѣтяхъ воображенія, другіе

останавливаются на умоголовномъ дѣланіи, или, по Симеону Новому Богослову, на первой и второй степени вниманія и молитвы или умнаго дѣланія. И когда они закрѣпнутъ въ этомъ строѣ, то самый опытный и самый усердный наставникъ едва сможетъ, если только сможетъ еще, выбить ихъ или выманить изъ этихъ трущобъ, въ какія они сами себя заключаютъ, находя ихъ крайне восхитительными.

Остальная часть осьмаго письма не имѣетъ для насъ значенія. Оставляемъ ее и переходимъ къ остальнымъ.

Письмо двадцать второе и послѣднее.

Въ девятомъ письмѣ содержатся добрыя мысли о чтеніи Свящ. Писанія: но есть и такія положенія, которыя нельзя не оговорить.

„Изученіе Писанія, пишетъ Сперанскій, тѣмъ способомъ, какимъ вы его производите, то есть, развитіе смысловъ его не усиліемъ разума, но однимъ молитвеннымъ размышленіемъ, есть, по моему мнѣнію, послѣ чи-

стаго созерцанія, упражненіе самое святое и самое полезное.“

Опредѣленнѣе это такъ надо сказать: чтобы питаться словомъ Божіимъ и питать имъ въ себѣ духовную жизнь, надобно усвоять его вседушно. Для сего, приступая къ чтенію, поставь себя въ присутствіе Божіе, и испроси у Господа просвѣщенія разума; за тѣмъ, молитвенно открывъ сердце свое къ принятію истины, пойми размышленіемъ и уясни содержаніе прочитаннаго; къ понятому потомъ возбуди сочувствіе, или проведи его до сердца и полюби его; излюбленнымъ восхоти воспользоваться въ жизни, или опредѣли, въ какихъ случаяхъ твоей жизни могутъ найти приложеніе понятыя и возлюбленныя тобою истины, и прилагай ихъ къ дѣлу. Это и будетъ усвоеніе Писанія вседушное. Но надобно замѣтить, что смысловъ Писанія развивать нельзя. Смыслъ всякаго мѣста Писанія истинный—одинъ; многоразличіе умѣстно только въ приложеніи его. Все, что можетъ надумать благочестивый христіанинъ, по поводу извѣстнаго мѣста Писанія въ свое назиданіе, не слѣдуетъ непремѣнно считать смысломъ того

мѣста. Потому фраза—*развитіе смысловъ*—неумѣстна. Ее надобно замѣнить такъ: развитіе многоразличныхъ приложеній обдумываемыхъ мѣстъ Писанія въ свое назиданіе.

„Если бы мы, продолжаетъ Сперанскій, были свободны въ выборѣ между различными дарами благодати, я бы остановился на этомъ и предпочелъ его всѣмъ видѣніямъ, даже самому дару пророчества, ибо онъ менѣе даетъ простора самолюбію, и потому менѣе опасенъ и болѣе согласенъ съ христіанскимъ смиреніемъ. Постоянно чувствуешь себя на привязи, болѣе страдательнымъ, болѣе подчиненнымъ данному и установленному авторитету. Церковь тутъ, чтобъ исправлять заблужденія по мѣрѣ того, какъ мы въ нихъ впадаемъ. Но, предаваясь этому упражненію, нужно очень остерегаться того, чтобъ не привязываться къ толкованіямъ отдаленнымъ.“

Прекрасныя правила! Далъ бы Богъ, чтобы и всѣ умные и образованные люди имъ слѣдовали! Но что далѣе слѣдуетъ, должно быть оговорено. Не ужъ-то смыслъ Писанія мѣняется, по мѣрѣ духовнаго возраста читающаго? Не смыслъ мѣняется, а его приложеніе, или,

при пособіи его, прозрѣніе въ духовную область. Болѣе сильный духомъ лучшія мысли извлекаетъ въ свое назиданіе изъ извѣстнаго мѣста, или далѣе прозрѣваетъ и скорѣе обозрѣваетъ кругъ духовныхъ предметовъ при пособіи его, чѣмъ слабый; смыслъ же мѣста все одинъ.

„Писаніе, говоритъ Сперанскій, есть книга для поученія всѣхъ, приспособленная ко всѣмъ состояніямъ духовнымъ. По мѣрѣ того, какъ смѣняются эти состоянія, смыслъ его измѣняется, и хотя сущность всегда одна и таже, *приложенія разнообразятся до безконечности* *). Вотъ почему замѣчаемъ мы, что св отцы давали одному и тому же мѣсту разныя объясненія, смотря по временамъ и степенямъ ихъ духовной жизни, и смотря по развитію ихъ учености.“

Св. отцы не объясненія разныя давали одному и тому же мѣсту, а разнообразныя дѣлали имъ приложенія въ назиданіе наставляемыхъ; смыслъ же мѣстъ признавали единымъ и неизмѣннымъ. Подъ этимъ только

*) Вотъ это настоящая фраза! Но это не предполагаетъ измѣненія или разнообразія смысловъ. *Авторъ*.

условіемъ единства пониманія Писанія богооткровеннаго они и суть отцы и учители Церкви.

„Итакъ, не находите страннымъ, если, въ теченіи вашихъ трудовъ, вамъ случится имѣть относительно тѣхъ же фактовъ иные взгляды, и всегда принимайте съ благодарностію хлѣбъ насущный, не привязываясь къ одной формѣ предпочтительно предъ другою. Нужно сохранять данную форму, пока она сама по себѣ держится; но если представится другая, болѣе ясная,—не слѣдуетъ упорно отвергать ее, потому единственно, что нами уже была принята другая форма. Систематическая послѣдовательность, строгій порядокъ мыслей, столь восхваляемые въ наукахъ человѣческихъ, тутъ не у мѣста; ибо все тутъ дѣло чувства, или, лучше, духовнаго роста.“

Эти положенія совсѣмъ противоположны тому, что сказано выше о чувствѣ связанности и подчиненности данному авторитету, при чтеніи и изученіи Писанія. „Не привязывайся, говоритъ, ни къ какой формѣ пониманія;“ слѣдовательно, нынѣ одно, завтра другое; и, стало быть, Писаніе не будетъ для

насъ представлять ничего твердаго: почва подъ нами будетъ не тверда, текуча, колеблема. „Представляя яснѣйшій образъ пониманія, брось первый.“ Но вѣдь онъ только мнѣ представился; а я не рѣшитель смысла Божественнаго Писанія,—какъ же я могу такъ своеправничать? Лютеранамъ это съ руки. У нихъ законъ—не связываться никакимъ опредѣленнымъ толкованіемъ, а всякій молодецъ на свой образецъ. Ревнуя же по истинѣ православно, нельзя такъ позволять дѣйствовать ни себѣ, ни другимъ, ибо этимъ расшатывается весь авторитетъ Писанія и открывается безграничный просторъ своемыслію.

„Среди многихъ вещей, заключаетъ Сперанскій, по истинѣ прекрасныхъ, два соображенія въ особенности поразили меня: объясненіе народосчисленія, предписаннаго Августомъ, и исторія избіенія младенцевъ. Несомнѣнно, что эти факты противорѣчатъ всему, что оставила намъ наиболѣе достовѣрнаго исторія. Поэтому совершенно необходимо искать тутъ аллегорическаго смысла.“

Сказано слишкомъ скоро и слишкомъ сильно. Полѣнился подумать и бросился въ ал-

легорію. Такъ всегда дѣлаютъ мистики. Напротивъ, и древніе и новѣйшіе толковники Писанія, лица солиднаго образованія, не находятъ этихъ событій противорѣчащими историческимъ даннымъ, и возникающія недоразумѣнія рѣшаютъ очень удовлетворительно для непредубѣжденныхъ. Аллегорія въ этихъ и подобныхъ случаяхъ, если признать ее единственнымъ способомъ поясненія, ослабляетъ значеніе Писанія, и подрываетъ вѣру въ его непреложную истину. Что другъ Сперанскаго придумалъ нѣчто хитрое,—не дивно: это въ духѣ лютеранъ, и особенно нѣмцевъ. Но какъ Сперанскій-то согласился съ тѣмъ—вотъ это удивительно!

Послѣднее письмо Сперанскаго къ Броневскому опять обращаетъ вниманіе наше къ молитвѣ. Оно, и по содержанію своему, можетъ быть сочтено заключеніемъ всѣхъ разсужденій о молитвѣ, предлагая окончательныя о ней положенія. Прочитаемъ его съ небольшими замѣтками.

„Такъ.... краткая молитва *Господи помилуй!* есть дѣйствительно духовный магнетизмъ, и не безъ содѣйствія благодати и истины Хри-

стовой пришло вамъ это сравненіе. Закрытіемъ міра чувственнаго совершается магнетизмъ душевный.“

О человѣкѣ, повліявшемъ на другаго словомъ, говорятъ: намагнетизировалъ его. Умносердечная молитва ко Господу, утвердившись, увлекаетъ и преобразуетъ и душу и тѣло, и всякій разъ, какъ бываетъ въ силѣ, вводитъ умъ въ видѣніе инаго лучшаго міра—духовнаго, отвлекая отъ всего.

„Естественнымъ рожденіемъ мы облекаемся въ тѣло душевное: *бысть первый человѣкъ Адамъ въ душу живу;* возрожденіемъ мы облекаемся въ тѣло духовное: *послѣдній Адамъ въ духъ животворящъ*“ (1 Кор. 15, 45).

Рождаемся мы въ состояніи поврежденія; въ купели крещенія возраждаемся благодатію о Господѣ Іисусѣ Христѣ для жизни новой, духовной. Поврежденіе состоитъ въ томъ, что духъ, отпадши отъ Бога, подпалъ подъ владычество души, а душа подъ владычество тѣла. Въ возрожденіи возстановляется сила духа и возвращается ему господство надъ душею, а чрезъ душу и надъ тѣломъ. Жизнь возрожденнаго должна проходить въ преобра-

зованіи души и тѣла по требованіямъ духа, или въ одухотвореніи ихъ.

„Тайна искупленія нашего состоитъ въ преложеніи духовнаго въ духовное, или, какъ нѣкоторые св. отцы это называютъ, въ преображеніи, а св. Павелъ еще выразительнѣе: въ возглавленіи всяческихъ во Христѣ; и это возглавленіе или преложеніе начинается въ этой самой жизни, въ этомъ самомъ мертвенномъ тѣлѣ нашемъ, и совершается.“

Существо жизни о Христѣ Іисусѣ, жизни духовной, состоитъ въ преложеніи душевно-тѣлесности въ духовность, или въ одухотвореніи души и тѣла. Моментъ, съ котораго начинается это одухотвореніе, есть зарожденіе въ сердцѣ неотходной теплой молитвы къ Господу, —знакъ сочетанія его съ Господомъ. Сердце—корень жизни и всѣхъ проявленій ея. Когда оно возобладано духомъ, тогда чрезъ него духъ естественно начинаетъ проникать въ весь составъ естества нашего и его одухотворять: тогда умъ начинаетъ насыщаться Божественною истиною, весь ею проникаясь, во всемъ ея объемѣ,—воля—святыми настроеніями и расположеніями, всѣми

добродѣтелями; сердце—святыми чувствами: вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣло становится воздержно, трудолюбиво, живо, бодренно, цѣломудренно. Гдѣ все это есть, тамъ падшій является вполнѣ возстановленнымъ.

„Бытіе міра сего есть эпизода въ великомъ дѣлѣ творенія,—эпизода необходимая, но не цѣль и не конецъ поэмы. Она необходима потому, что духовность, свобода и возможность паденія суть одно и тоже.“

Теперешній образъ бытія міра точно есть эпизодъ. Его не было бы, еслибъ не было паденія. Но онъ не необходимъ, какъ не необходимо паденіе. Свобода тварная предполагаетъ не одну возможность паденія, но вмѣстѣ возможность и не-паденія; иначе она не была бы свобода. Стало быть, она отрицаетъ необходимость паденія, а съ тѣмъ вмѣстѣ необходимость и настоящаго образа бытія міра. Что было-бы, если-бъ не было паденія, мы не можемъ гадать,—но было бы все не такъ, какъ есть. Ибо теперь все приспособлено къ поднаказательному состоянію человѣка, который несетъ эпитимію за паденіе. А тогда было

бы все въ соотвѣтствіи состоянію ненарушимой вѣрности волѣ Божіей.

„Обращаясь къ духовной молитвѣ, побесѣдую еще съ вами о свойствѣ ея. По мѣрѣ упражненія и навыка въ ней, открывается, что она какъ бы останавливаетъ ходъ мысленной нашей душевной силы,—и на вопросъ, о чемъ мы думали, когда симъ образомъ молились, мы не находимъ въ себѣ отвѣта, ибо дѣйствительно въ это время мы не мыслимъ ни о чемъ, не представляемъ ничего и ничего не помнимъ: ибо помнить, представлять и мыслить есть дѣло души, а не духа.“

Не одной мысленной силы ходъ останавливается умною молитвою, а всѣхъ. Если вникнуть въ обычное состояніе нашей души, то увидимъ, что въ ней непрестанно мятутся мысли, раждаются одно за другимъ желанія, а подъ ними обоими мятется сердце въ чувствахъ, поминутно его тревожащихъ. Когда возродится въ сердцѣ умная молитва и придетъ въ силу, до горѣнія сердца; тогда весь этотъ токъ душевныхъ движеній останавливается, какъ у кровоточивой токъ крови. И это не только во время молитвы, но и по-

стоянно. Только, въ послѣднемъ случаѣ, прекращается не всякая ихъ дѣятельность, а самовольное ничѣмъ не сдерживаемое и не управляемое ихъ движеніе. Напротивъ, начинается дѣятельность всѣхъ силъ цѣлесообразная, направляемая одними началами и къ одному концу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, внутри устанавливается строй, вмѣсто предшествовавшаго нестроенія.

„Восточные отцы называютъ это состояніе безмолвіемъ, а западные—suspension des facultés de l'âme. И вотъ почему молитва эта называется духовною. Она-то есть молитва въ духѣ и истинѣ; а не то, что нѣкоторые. впрочемъ, благочестивые люди, подъ этимъ разумѣютъ. Кратко,—она состоитъ въ отсутствіи всего того, что называютъ какимъ либо понятіемъ, всего того, что не есть духъ Христовъ: ибо духъ ни понятій, ни словъ не имѣетъ."

Безмолвіе у восточныхъ отцевъ есть одинъ изъ видовъ монашеской жизни—отшельническій, когда живетъ кто одинъ, или иногда вдвоемъ. Состояніе же молитвы умно-сердечной называютъ они трезвеніемъ, вниманіемъ, сокровеннымъ во Христѣ дѣланіемъ, и т. под.

Опять встрѣчается рѣчь объ отступленіи всего, или о пустотѣ. Сперанскій думаетъ, будто во время умной молитвы сознаніе упирается въ ничто или въ пустоту, такъ что внутри ничего различить нельзя. Совсѣмъ не то: въ это время останавливаются обычныя душевныя движенія, но не дѣйствія духовныя. Тутъ духъ въ силѣ, а онъ и самъ по себѣ не пустъ и предстоитъ Богу, Который есть все. Углубившись въ предстояніи Богу, умъ Бога созерцаетъ, Ему покланяется и Его Божія свойства и дѣйствія исповѣдуетъ. Даже въ состояніи плѣненія или восхищенія ума въ созерцаніе, плѣненіе это совершается всегда подъ вліяніемъ опредѣленнаго духовнаго предмета. Апостолъ Павелъ былъ восхищенъ, но не въ пустоту, а видѣлъ тамъ и слышалъ, только выразить того не могъ, или находилъ неумѣстнымъ.

„Недвижимые слѣды этой молитвы сокрыты во всѣхъ почти религіяхъ, исключая тѣхъ, которыя духъ міра сего совершенно исказилъ и обезобразилъ. Ею молятся въ Индіи и здѣсь въ Саровской пустыни: ибо о Христѣ Іисусѣ *нѣсть ни іудей, ни еллинъ, но все нова тварь.*“

Религій въ мірѣ будетъ до тысячи, и нѣтъ

народа безъ религіи. Сѣмя ея положено въ духѣ, который не исчезаетъ въ человѣкѣ, при всемъ его поврежденіи. Чувство зависимости отъ Верховнаго Существа—Творца, Промыслителя и Мздовоздаятеля, и страхъ Божій съ совѣстію и чаяніемъ лучшаго въ будущемъ,—общи всѣмъ людямъ: тутъ корень и всѣхъ религій. Богъ, Промыслитель всяческихъ, внимаетъ молитвамъ всѣхъ, по мѣрѣ ихъ усердія: ибо для Него нѣтъ ни одной твари заброшенной, или забытой,—тѣмъ паче твари разумной, обращающейся къ Нему, какъ умѣетъ. Но нельзя допустить, чтобы всѣ религіи были равны и одинаково вели исповѣдниковъ своихъ къ истинному совершенству. Къ истинному совершенству въ духѣ ведетъ одна вѣра христіанская, потому что подаетъ благодать возраждающую, очищающую и совершающую; всѣ другія религіи—безблагодатны. Въ нихъ человѣкъ остается такимъ же, какимъ раждается, то есть, въ состояніи поврежденія. Если начнетъ онъ ревностно жить по духу своей вѣры, то можетъ дойти только до того пункта совершенства, до котораго могутъ довесть его собственныя естественныя дарованія,

и тѣ способы, какіе предлагаетъ его религія. Въ христіанствѣ же къ человѣку естественному привтекаетъ Божественная благодать, которая передѣлываетъ его всего по образу Создавшаго его, и дѣлаетъ животъ его сокровеннымъ со Христомъ въ Богѣ. Этого не можетъ дать никакая другая религія. Духовная молитва, о которой идетъ рѣчь, есть въ насъ плодъ Божественной благодати; слѣдовательно, она возможна только у христіанъ. Ужъ у индѣйцевъ вы ея никакъ не найдете, хоть, можетъ быть, встрѣтите нѣчто сдающееся похожимъ на нее. И куколь похожъ на пшеницу, но не есть пшеница. Правда, что *о Христѣ Іисусѣ нѣсть іудей или еллинъ*; но только тогда, когда они увѣруютъ въ Господа, и чрезъ св. крещеніе станутъ членами Церкви Христовой, тогда они станутъ наравнѣ со всѣми пріобщившимися Господу; а безъ этого іудей—іудей, и еллинъ—еллинъ. Означенное мѣсто сказываетъ только, что никакая вѣра въ мірѣ никому не мѣшаетъ стать христіаниномъ и сподобиться всѣхъ преимуществъ, даруемыхъ вѣрующимъ о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ.

Изданія Аѳонскаго Русскаго Пантелеимонова монастыря.

Письма о духовной жизни. Епископа Ѳеофана. Изд. 3-е. М. 1897 г. Цѣна 60 к., съ пересылкой 80 к.

Мысли на каждый день года, по церковнымъ чтеніямъ изъ Слова Божія. Сочиненіе егоже. Изд. 2-е. Москва. 1890 г. Цѣна 80 к., съ пересылкой 1 р.

Что потребно покаявшемуся и вступившему на добрый путь спасенія. Егоже. Изданіе 3-е. Москва. 1895 г. Цѣна 20 к., съ пересылкой 25 к.

Краткія мысли на каждый день года, расположенныя по числамъ мѣсяцевъ. Егоже. Москва. 1894 г. Цѣна 10 к., съ пересылкой 15 к.

Душа и Ангелъ не тѣло, а духъ. (Противъ брошюръ—слово о смерти и прибавленіе къ сему слову). Его-же. Москва. 1891 г. Цѣна 30 к., съ перес. 40 к.

Митриконъ, собраніе наставленій Аввы Исаіи всечестной инокинѣ Ѳеодорѣ. Егоже. М. 1891 г. Цѣна 35 к., съ пересылкой 50 к.

Христіанскія пѣснопѣнія Пресвятѣй Царицѣ Небеснѣй Приснодѣвѣ Маріи Богородицѣ. На церковно-славянскомъ языкѣ гражд. шрифтомъ. Составлены по подобію псалмовъ (раздѣлены на 20 каѳисмъ). Дополненное изданіе 3-е. Москва. 1892 г. Цѣна 60 к., съ пересылкой 80 к.

Псалтирь, или Богомысленныя размышленія св. Ефрема Сиріанина. Съ изображеніемъ его, въ 16 долю листа: изданіе 7-е. Москва. 1897 г. Цѣна 50 к., съ перес. 70 к.

Канонъ покаянный преподобнаго отца нашего Андрея архіепископа Критскаго, переложенный въ стихи іереемъ — слѣпцомъ Гавріиломъ Пакатскимъ. Изданіе 4-е. Москва. 1895 г. Цѣна 20 к., съ пересылкой 25 к.

Плачь кающагося грѣшника. Покаянныя молитвенныя размышленія на каждый день седмицы инока Фикары, подвизавшагося во св. Аѳонской горѣ. Изданіе 7-е. Москва. 1896 г. Цѣна 10 к., съ пересылкой 15 к.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Вмѣсто предисловія 3

Письма о духовной жизни.

Письмо первое 5

« второе 15

« третье 24

« четвертое 30

« пятое 39

« шестое 51

« седьмое 61

« восьмое 74

« девятое 84

« десятое 97

« одиннадцатое 109

« двѣнадпатое 119

« тринадцатое 131

« четырнадцатое 140

Стр.

Письмо пятнадцатое 157
« шестнадцатое 170
« семнадцатое 181
« осмнадцатое 193
« девятнадцатое 200
« двадцатое 212
« двадцать первое 229
« двадцать второе 239